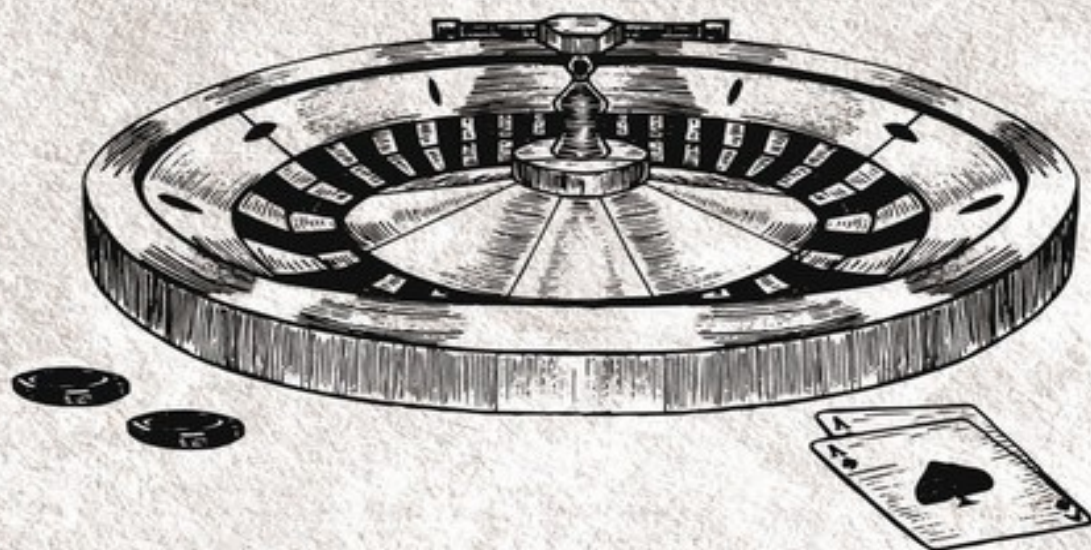

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТИВО

АНАСТАСИЯ ВАЛЕЕВА
СЕДЬМАЯ ЛИНИЯ

КАЗИНО «ФОРТУНА»

ЭЗОТЕРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ -
ЯСНОВИДИЦА ВЕДЕТ РАССЛЕДОВАНИЕ

Annotation

После смерти владельца казино детектива-экстрасенса Яну Милославскую начинают посещать странные видения. Если она сможет расшифровать эти видения, то они помогут ей в смертельно опасном расследовании загадочного убийства...

- [Анастасия Валеева](#)

- [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [ГЛАВА 8](#)
 - [ГЛАВА 9](#)
 - [ГЛАВА 10](#)
 - [ГЛАВА 11](#)
 - [ГЛАВА 12](#)
 - [ГЛАВА 13](#)
 - [ГЛАВА 14](#)
 - [ГЛАВА 15](#)
 - [ГЛАВА 16](#)
 - [ГЛАВА 17](#)
 - [ГЛАВА 18](#)
 - [ГЛАВА 19](#)
 - [ГЛАВА 20](#)
-

Анастасия Валеева
КАЗИНО «ФОРТУНА»

ГЛАВА 1

— Ла-ла-ла-а-а, — с самозабвением и необычайной одухотворенностью распевала на весь дом Яна Милославская, старательно наглаживая новенькие шелковые занавески и после каждого движения шипящего утюга любуясь ими.

Сегодня она пребывала в наилучшем расположении духа, которое объяснить не могла, да и не пыталась. Просто солнце светило со всей своей щедростью, просто не отягощали никакие проблемы, просто она совершила целую кучу покупок, просто ей было очень хорошо и весело...

Милославская уже две недели как отдыхала. Она наконец-то отоспалась, вошла в нормальный ритм жизни, почти полностью восстановила потраченные во время работы силы, навестила всех своих подруг и знакомых, на что ей вечно не хватало времени, сделала визит к косметологу и парикмахеру, и даже к стоматологу, что всегда ввергало ее в дикий первобытный ужас.

Окна ее дома сверкали чистотой после недавней уборки, и Яна с нетерпением готовилась украсить их новыми шторами, которые она приобрела с утра в магазине одной своей давней знакомой. Милославской вдруг захотелось, чтобы комнаты заиграли новым светом и настроением, и она решила удовлетворить свое желание, тем более что после последнего выполненного ею заказа средства ей это позволяли.

Яна Милославская жила тут не так давно, но она один раз, сразу же после переезда, сделала в доме капитальный, даже глобальный ремонт, и уже не единожды меняла различные атрибуты дизайна своего жилища.

В этом далеко не самом престижном, периферийном, зато тихом и спокойном районе города Яна поселилась несколько лет назад. Официально он назывался Агафоновкой, а снобы часто сквозь зубы с усмешкой говорили про него: «Простоквашино».

Здесь жилось Милославской прекрасно, и Яна не разу еще не пожалела, что, имея возможность поселиться где-нибудь в центре города, всем прелестям цивилизации предпочла тогда небольшой домик, заслоненный огромными ветвями дуба, росшего под самыми его окнами.

Дом ко времени его покупки не представлял из себя ничего особенного и был явно старше своей новой хозяйки. Но от него веяло таким теплом, что невольно всплывали в сознании Яны сладко-грустные воспоминания о навсегда ушедшем счастливом детстве. Отказать себе в удовольствии

согреться этим теплом Милославская не сумела.

Да и дуб — прекрасный дуб, в сравнении с ним сам дом казался младенцем! Огромное, могучее, сильное, дерево словно обещало защиту и поддержку, в которой женщина тогда очень нуждалась.

Теперь при всей патриархальности в доме Милославской было довольно современно и комфортно, и она ни разу не погружалась еще в мечтания о лучшем.

Джемма, чистопородная среднеазиатская овчарка, которую Яне некогда привезли из Туркмении, смиренно лежала у ног хозяйки и наблюдала за ней, прищутив глаза. Она была невероятно сообразительна и дьявольски верна. Милославская души в ней не чаяла.

Неожиданно собака приподняла голову, наострила уши, забила хвостом и предупреждающе зарычала. Яна удивленно обернулась на нее. В ответ на вопросительный взгляд раздался громкий хриплый лай.

Милославская бросила взгляд во двор: мимо окон промелькнула мужская фигура.

— Кто еще там? — вслух произнесла женщина.

Калитку, возвращаясь домой в приподнятом настроении, она запереть забыла, потому что все мысли ее были заняты новыми занавесками. Кто-то вошел к ней слишком смело — без стука, и именно это смутило Яну. К счастью, в лице Джеммы Милославская имела более чем надежного защитника, поэтому она с одним лишь чувством недоумения и любопытства двинулась к двери. Овчарка, разумеется, поторопилась обогнать ее.

Незванный гость между тем опередил их обеих и первым раскрыл дверь. Джемма едва не поднялась на дыбы, но тут же вся спесь с нее сошла: на пороге стоял Семен Семеныч Руденко.

Вид, однако, у него был неважный: глядел он хмуро, из-под бровей, губы поджал, лоб наморщил. Милославская, собравшаяся было кинуться ему на шею, тут же беспомощно опустила руки.

— Что случилось? — спросила она, не здороваясь.

— Дай чего-нибудь пожрать сначала, — ответил он, вешая на крючок фуражку, — сейчас расскажу, — ботинки гостя разлетелись в разные стороны.

— Ну, проходи... на кухню что ли... — растерянно пробормотала Яна.

— С утра как белка в колесе, — заговорил Руденко, брызгая у раковины мыльной пеной, — весь отдел на ушах, шеф в бешенстве...

— Опять? — иронично спросила Милославская, заглядывая в холодильник.

— Брось шутки, — отрезал Семен Семеныч, утираясь полотенцем, — не до них. Дело серьезное. Ну, чего там у тебя? — спросил он, рыская глазами по столу. — Я с раннего утра маковой росинки во рту не держал, да и утром-то не позавтракал толком. Сейчас только перерыв дали. К тебе вот забежал... Мы тут неподалеку...

— Что-то я ничего не понимаю! Врываешься, командуешь... И-и-и вообще... кто это мы?

— Сейчас все объясню, — Семен Семеныч сел на табурет, по привычке подогнув под себя одну ногу.

Через пару минут Яна поставила перед ним разогретую в микроволновке пиццу и, достав из навесного шкафчика незаменимую серебряную джезву, принялась варить кофе.

— Короче, звонят мне с утра, — начал гость, — Я спал еще. Срочно выезжай, говорят. Что к чему не объясняют, некогда, мол. Прилетаю — в отделе полный переполох. Спрашиваю, в чем дело. Отвечают: теракт.

— Чего-о?

— Не перебивай. Теракт, говорят. Акт тер-ро-рис-ти-чес-кий! Неподалеку от здания районной администрации прогремел взрыв.

— Это у нас тут?! На Парковой?

— Угу.

— Ничего себе!.. Вот дожили! Вот так Простоквашино! И что есть жертвы?

— Ты дашь мне договорить или нет?!

— Молчу.

— Неприметный мужичок, серенький такой, обыкновенный — подробнее его никто описать не смог — быстренько вошел во двор дома на Парковой. Ну ты знаешь, старая четырехэтажка такая... В ней аптека еще...

— Ну-ну, — глаза Милославской загорелись азартом.

— Вошел и бросил под колеса стоящего там джипа «Лендровер» какой-то непонятный предмет.

— И сразу взорвалось?

— Нет, сначала он повернулся и убежал. Потом рвануло. Из-под колес — столб огня и дыма. К счастью, ни в машине, ни в непосредственной близости от нее никого не было, но свидетели все же нашлись. Правда толку от них, кроме того, о чем я сейчас рассказал, нет. Это все, что мы смогли у них выяснить.

— Вот так штуки, — задумчиво протянула Яна, присаживаясь на табурет.

— Штуки, — кивая и засовывая в рот солидный кусок пиццы,

подтвердил Руденко. — А сколько народу съехалось! Сколько народу! Тьма! ФСБ, УБОП, представители власти, да еще скорые, пожарки, пресса, в общем, полный атас.

— М-да, заварушка...

— Ты представь мою фигуру во всей этой заварушке! С самого утра...

— Сема, успокойся, я тебе сочувствую, — немного резко парировала Яна.

Она минуту помолчала, задумавшись, а потом спросила Семена Семеныча:

— Так ты говоришь, никто не пострадал?

— Му-му, — жуя, утвердительно промычал Руденко.

— Понятно. Ну, а что-нибудь еще, кроме показаний очевидцев, вы за эти полдня накопили?

— А как же! После осмотра места происшествия изъяли фрагменты металла, железную скобу от гранаты, скорее всего, РГД-5, следы копоти взяли на пробу...

Семен Семеныч принялся перечислять все те неинтересные рядовому обывателю мелочи, без которых не обходится работа милиции в таких случаях. Яна же внимательно слушала, живо заинтересовавшись новостью, которую ей принес приятель.

— Хм, — заметила она, когда он закончил, — все это заставляет думать, что преступник использовал бутылку или банку с зажигательной смесью, начиненную металлическими предметами.

— О! Да мы с тобой мыслим одинаково! Я тоже первым делом об этом сказал!

— Думаю, Сема, что не один ты. Любой профессионал сказал бы то же...

Милославская немного помолчала и, пододвигая приятелю кофе, спросила:

— И что, все еще продолжают думать, что это был теракт?

— А ты сомневаешься?

— Я уверена, что это совершенно не так.

— Я тоже. И многие наши. Но эту версию решено пока не исключать из возможных.

— Зря. Напрасная трата времени и сил.

Семен Семеныч хлебнул два раза из чашки и, сморщившись, протянул:

— Ну что все вечно сыплется на мою голову, а?! Только-только все гладко пошло... Шеф о премии намекнул... И тут на тебе! Прими, Семен Семеныч, в раскрытии дела самое активное участие. А не получится,

попрощайся со звездой. Ну что за жизнь?! Я в отпуск собрался... Маргарита уже путевки заказала в санаторий...

Милославская искоса посмотрела на Руденко и, видя, что он на самом деле находится у черты отчаяния, протянула, положив руку ему на плечо:

— Да пойдешь ты в отпуск, Сема, пойдешь. Не горюй, все образуется. Первый раз что ли, а? — Яна улыбнулась, — Прорвемся!

— Прорвемся? Я не ослышался? Или, может быть, в единственном числе — прорвешься?

— Именно первое!

— Ты сможешь? — Руденко слабо улыбнулся.

— А разве у меня есть выбор? Разве мы не друзья? — Милославская потянулась за сигаретой.

— Ой, Янка, — оживленно начал Семен Семеныч, тоже прикуривая, — ну, шеф сегодня — прямо зверь! Ну, веришь, матом нас крыл трехэтажным, как никогда. Такое загибал! Он ведь тоже в отпуск собирался...

— Верю, — Милославская тихонько засмеялась: шеф Руденко давно ей уже был как родной.

* * *

С Семеном Семеновичем Руденко, капитаном милиции, Милославская была знакома очень давно, поэтому он вел себя с ней несколько фамильярно, не растрачиваясь на премудрости этикета и прочие любезности. Порой он был даже несколько грубоват, брюзжал без повода, надоедал своим присутствием. Однако по большей части между ним и Яной сложились теплые дружеские отношения.

Она этого человека очень любила за широту его натуры, простоту, бесхитростность, беззлобность. Он уважал ее за неординарность суждений, тонкий интеллект, неподражаемое чувство юмора, силу характера и, наконец, за совершенно исключительную женскую красоту, которую она ко всему прочему умела приподнести. При этом ничего похожего на любовную связь между ними никогда не было. Люди в это верили неохотно, потому что союз Руденко-Милославская не распадался вот уже сколько лет.

А крепила его дружба совершенно особого рода. Слишком часто работа заставляла их быть единомышленниками, и иногда Яна и Семен Семеныч целые дни, и даже ночи, вынуждены были проводить вместе. В

такие периоды они жили общими интересами, мыслями, стремлениями... Потом на какой-то срок выпадали из поля зрения друг друга, изредка забегая на праздники или дни рождения. Потом вновь судьба связывала их более крепко в каком-то едином деле.

* * *

— Ну, и каковы твои соображения? — спросил Руденко, серьезно глядя на подругу.

Милославская неторопливо подошла к окну и, бесцельно глядя куда-то вдаль, сказала:

— Во-первых, я уже сказала: это сто процентов не теракт.

— Допустим. Во-вторых? — Семен Семеныч тоже подошел к окну и встал чуть позади Яны.

— Во-вторых, я думаю, это действие было направлено против конкретного лица, — Милославская обернулась на друга, — Иначе зачем уродовать совершенно ни в чем не повинный джип и бросать адскую штуку именно под него, а не где-нибудь рядом, у входа той же администрации, к примеру?

— Логично.

— Ну, а в-третьих, лицо, против которого было направлено действие, хотели просто припугнуть.

— Ты считаешь? — Руденко смотрел хитро и лукаво, словно скрывал что-то важное.

— Если бы преступник желал большего, уверяю, он бы дождался момента, когда желаемый объект сел бы в машину.

— Согласен.

— Отсюда следствие — лицо, против которого направлено действие, — хозяин джипа.

— А теперь меня послушай, — Руденко снова увлек подругу к столу. — Конечно, до всего этого я тоже дошел в своих соображениях. Естественно, кинулся искать хозяина джипа, — Семен Семеныч прищурился.

— Нашел?

— Нашел. Он был в одной из квартир этой четырехэтажки. У него там любовница живет. Ночь он провел с нею...

— Знакомая картина из жизни нового русского.

— А вот тут ты не угадала! Знаешь, кто владелец автомобиля?

— Еще скажи, что какой-нибудь заводской работяга, — саркастично парировала Милославская.

— Не заводской, но работяга, — поучительно протянул Руденко.

Яна удивленно раскрыла глаза.

— С каких это пор простые рабочие на джипах ездят? Мы что наконец-то построили коммунизм? — спросила она.

— Увы, нет.

— А в чем дело? Он клад нашел? Получил наследство? Банк ограбил?

— Пока не знаю. Знаю только, что он рабочий казино «Фортуна».

— Ты что же, его не допросил что ли?

— Пытался. Но он как свой джип увидел, ему плохо стало. За сердце схватился и на корячки сел. В прямом смысле дар речи потерял. Мычит, а чего не поймешь... Потом подруга его выскочила, под мышки его и домой. Мол, без адвокатов показаний не даем и все такое, помощь ему медицинская нужна и так далее. Вручили повестку, на том и расстались.

— Неужели они взрыва не слышали?

— У нее окна квартиры на другую сторону и хороший стеклопакет. Так что сквозь сон слышали они шум какой-то, выглянули в окно — все тихо, а на улицу выйти им и в голову не пришло. Шум их разбудил, и они снова за интим, собаки. Дверь не открывали минут пятнадцать, пока я звонок совсем не надорвал. Сердцем чуял, что есть кто-то в квартире, звонил, звонил, звонил...

— Представляю, как ты их обрадовал.

Руденко усмехнулся. Яна сказала:

— Я так понимаю, это все его девица тебе поведала, а его ты хоть о чем-нибудь смог спросить?

— Спросил. Говорю, кого-то подозреваете? Головой мотает.

Вам угрожали? Тоже головой мотает. В общем, ничем наш с ним разговор не закончился.

— Когда он по повестке-то к вам явится? — спросила Милославская задумчиво.

— Сегодня в семнадцать ноль ноль.

— А может быть мы его сами навестим? А? Что время терять? У тебя какие планы?

— Какие-какие, — радостно отозвался Семен Семеныч, — Заскочил вот перекусить, и бросаю все силы на расследование...

Яна молчала.

— А ты, — осторожно спросил Руденко, — загорелась, да? Берешься вместе со мной?

— Вроде как.

Семен Семеныч кинулся на подругу и сгреб ее в охапку, крепко расцеловав в обе щеки.

— Свой человек! — подытожил он в заключение.

— Ну что, я собираюсь? — Милославская привстала с места.

— Угу.

Яна скрылась в своей комнате, откуда в течение пятнадцати минут доносилось то неразборчивое бормотанье, то шорох одежды, потом зашумел фен.

— Как на свадьбу, — покачивая головой, заметил Семен Семеныч, поглядывая на часы.

Наконец Милославская предстала перед ним в полном, как она выразилась, боевом обмундировании: в черных джинсах и широкой хлопковой блузе навыпуск. При этом она не забыла про неброскую бижутерию, косметику и, в тон блузе, сумочку. Игриво посмотрев на приятеля, спросила:

— Как?

— Шляпу одень с перьями, — огрызнулся он.

— Плохо? — Яна обиженно выпятила губы.

— Долго, — со вздохом объяснил Руденко и встал. — Идем?

— Идем, — Милославская ободрилась, — Джемма, за мной, — позвала она собаку, решив взять ее с собой.

Садясь в машину, Яна под нос себе пробормотала:

— Черт, занавески так и не догладила!

ГЛАВА 2

— Фамилия? Имя? Отчество? — глядя исподлобья, спросил Руденко и ближе пододвинул незаполненный листок протокола.

— Вы же знаете, — процедил сидящий напротив него мужчина лет тридцати двух, небритый, угрюмый и явно не настроенный на разговор. Он весь сгорбился, уперся локтями в колени и сжал голову обеими руками.

— Отвечайте на вопросы! — раздраженно прикрикнул Семен Семеныч и тут же добавил спокойней: — Порядок такой...

— Вадуев Александр Сергеевич, — нехотя ответил мужчина на его вопрос и шмыгнув носом. Следом он также небрежно назвал год своего рождения, дату, адрес по прописке и место жительства.

— Так-то оно лучше, — удовлетворенно пробормотал Три Семерки, делая торопливые записи в протоколе. — Ну-с, — произнес он, закончив, и по привычке погладил свои усы, — что вы можете сказать по поводу сегодняшнего происшествия?

— Хм, я безумно счастлив, — саркастично ответил Вадуев и выпрямился. Он начал подергивать одной ногой и «ломать» пальцы рук, от чего раздавался неприятный хруст.

— Только вот этого не надо! — снова сорвался на крик Семен Семеныч. — А то мы ведь и по-другому разговаривать умеем!

— Это мы знаем, — криво улыбаясь, снова съязвил Александр и отвернулся.

Руденко встал, закурил и начал ходить из стороны в сторону. Яна, до того спокойно сидевшая в одном из старых обшарпанных кресел в конце кабинета и поглаживающая Джемму, пересела на место своего приятеля и сторого сказала:

— Думаю, молодой человек, скорейшее раскрытие произошедшего в ваших интересах тоже. Так что не надо здесь устраивать представлений. Мы и не таких актеров видывали, — собака подобралась поближе к своей хозяйке и села у ее ног, начав предупреждающе постукивать хвостом.

Голос Милослвской был ровным и жестким. Вадуев перестал хрустеть пальцами и, прищурившись, посмотрел на нее.

— Первая и главная версия случившегося, — продолжала Яна, — террористический акт. — Будет здорово, если мы сейчас признаем ее единственно возможной, а вас запишем в соучастники, — женщина холодно улыбнулась.

Вадуев нервно закинул ногу на ногу, глянул на нее недоверчиво.

— Но мы люди неглупые, поэтому делать этого не станем. Истина нам дороже. А если к этой истине присмотреться получше — вас хотели как следует припугнуть. А знаете что обычно за этим следует — убийство...

Александр закашлялся.

— Были у вас злоумышленники? Подозреваете кого-то? Угрожали вам ранее? — начала наступление женщина.

Вадуев весь вытянулся и, неожиданно перебив Яну, вскрикнул:

— Нет!

В кабинете на мгновение установилась полная тишина. Милославская онемела от удивления. Джемма насторожилась. Руденко выронил остаток сигареты.

— А в чем же тогда дело? — тихо произнесла Яна.

— Откуда мне знать?! — воскликнул мужчина. — Поговорите лучше с шефом..., — тут же добавил он сквозь зубы.

— С шефом? — осторожно переспросила Милославская.

— Он тоже на этой машине ездит.

— Так, давайте по порядку, — Яна облокотилась одной рукой о стол. — Автомобиль принадлежит вам?

— Мне. Но по доверенности им управляет мой босс.

— Где вы работаете?

— В казино «Фортуна».

— Значит, вы имеете в виду директора казино?

Вадуев молча кивнул.

— Да-а, его участие в этом сюжете, конечно, более реально, — задумчиво протянула Милославская и спросила с иронией: — Скажите, а откуда у вас к нему такое доверие?

— Я дальний родственник его жены. Приехал из деревни. Он мне работу дал, — выдавил мужчина.

— Хозяин казино устраивает простым рабочим несчастного владельца «Джипа»? — Милославская усмехнулась.

— Машину он тоже...

— Что, тоже в подарок? Скажите, какая благотворительность?!

— Яна засмеялась ледяным смехом.

Вадуев снова захрустел пальцами.

— Хотите, скажу, как на самом деле? — Милославская вдруг замолчала, прищурилась и уставилась Александру прямо в глаза. — Машина только по бумагам принадлежит вам. На самом деле это известная многим формальность: в случае чего с вашего босса абсолютно нечего

будет взять, поскольку все остальное его имущество тоже, наверное, кому-то «пожертвовано»... Эта уловка стара, как мир новых русских.

Вадуев молчал. Потом спросил тихо, но с вызовом:

— И что, это преступление?

— Нет, но вы рискуете жизнью, — вздохнув, ответила Милославская. Она пододвинула к себе начатый Руденко протокол, прочла, пробежав глазами, и сказала: — Допиши, товарищ капитан.

Семен Семеныч снова присел за стол, записал под диктовку слова подруги, выяснив предварительно у Вадуева, что его шеф — Воробьев Алексей Михайлович, а в своей среде — просто Воробей.

Когда все формальности с протоколом были закончены, Вадуева отпустили. Правда, он не особенно обрадовался, буркнув себе под нос что-то вроде того, что ночь в обезьяннике гораздо приятнее разговора с боссом.

Милославская с Руденко остались наедине.

— В желудке сосет, — пожаловался Семен Семеныч и глянул на часы.

— Зайдем куда-нибудь перекусить? — тоже глядя на циферблат, предложила Яна.

Ее приятель одобрительно кивнул, надел фуражку и, закрыв кабинет, они молча зашагали по коридору, каждый думая об одном.

Воздух на улице, после двухчасового пребывания в отделе, прокуренном, пыльном, показался Милославской просто райским.

— Хорошо! — улыбаясь, сказала она.

Три Семерки посмотрел на нее удивленно и ничего не ответил. Также молча они перешли дорогу и перешагнули порог недавно открывшегося прямо напротив милиции кафе, Джемму привязав за железные перила у входа. Выбрали столик в углу у окошка, сели и стали изучать тут же предложенное официантом меню.

— Вот это я еще не пробовала, — сказала Милославская, ткнув пальцем в строку, где было написано «суси с тунцом».

— Я тоже, — поддержал ее приятель, и выбор был сделан.

Пока готовился их заказ, приятели имели время обсудить разговор с Вадуевым.

— Насчет того, что настоящий хозяин «Джипа» — Воробей, ты, конечно, права, — начал Руденко, — и тратить время на Вадуева больше не стоит.

— Согласна. Знаешь, о чем сейчас надо подумать? О том, почему Воробью угрожали и кто может быть его недоброжелателем.

— Надо с ним поговорить, — закивал Три Семерки.

— А я думаю, надо сначала самим пораскинуть мозгами. Мы ведь

хорошо знаем свой город? Да и доступ к определенной информации о криминалитете ты имеешь, так? Даже если мы ни до чего не додумаемся, все равно придем на разговор с Воробьем подготовленными, а не профанами. Так что напряги мозги.

— Яна, ты голова!

— Итак, — не отвечая на комплимент, продолжила Милославская, что мы имеем? Воробей — хозяин казино «Фортуна». Казино — это деньги, а деньги — это всегда криминал. Слушай, а до него далеко? Где оно вообще находится? Я что-то и не знаю...

— Нет, недалеко, квартала четыре. На Мичурина.

— Мичурина — улица большая, где именно?

— Да дома через два от пединститута.

— Так там, по-моему, совершенно другое казино... Да! Ну точно, мы с подругой еще там были как-то. «Золотое руно» оно называется, а не «Фортуна».

— Я сам там не был, но ребята наши не могли ошибиться, это точно. Ты что-то перепутала.

— Да не перепутала я ничего! «Золотое руно» там года два уже.

— Не может быть, — упирался Руденко.

В этот момент официант принес заказ и перед разгоряченными приятелями задымилась ароматные красные сладкие перчики, разрезанные на части, фаршированные обжаренным тунцом и запеченные в духовке.

— М-м-м, — протянула Яна.

Руденко тут же схватился за вилку и замолчал. Отрезав кусочек суси, Милославская посмотрела на приятеля и категорично сказала:

— Чтобы разрешить наш спор, нужно поехать туда и посмотреть, что за заведение там находится.

— Давай посмотрим, — пожав плечами ответил Три Семерки, который, как любой мужчина, не любил проигрывать в споре.

Завершив трапезу сладким чаем с лимоном, приятели покинули кафе и направились к стоящей у противоположной обочины «шестерке» Руденко.

Три Семерки молча завел мотор, круто вывернул руль, машина развернулась и поехала в обратном направлении.

— Вот она Мичурина, — удовлетворенно протянул он через некоторое время.

Яна стала напряженно вглядываться в мелькающие мимо дома. Вдалеке покраснел главный корпус педагогического института. Руденко кашлянул.

— Ну, смотри, — сказал он.

— Смотрю, — ответила Яна.

— Вон! Вон! Гляди — неоновая вывеска вся переливается, это «Золотое руно»!

Семен Семеныч сбавил скорость — и впрямь по левую сторону над невысоким крыльцом играла огнями вывеска «Золотое руно».

— Не может быть! Не может быть! — упрямо затвердил он, но все же притормозил.

— Читай! Или ты своим глазам не веришь?! — сердито сказала гадалка.

— «Золотое руно», — подчинившись, недовольно протянул Три Семерки и тихо поехал вперед.

— Ой, Сема, смотри, — вдруг вскрикнула Милославская. — А вон, что это?

— Где?

— Да вон, гляди, иномарка рядом на пьедестале стоит... Кажется, написано «Фортуна»...

— Я же говорил! — закричал Руденко, торжествуя, и подъехав ближе, остановился. — Говорил же!

— Да. Но мы оба правы. Только главное не в этом, — остудила пыл своего приятеля Яна. — А знаешь в чем? — продолжила она задумчиво.

Семен Семеныч посмотрел на подругу вопросительно.

— Из соседства двух этих заведений мы можем сделать свой вывод...

Три Семерки сделал удивленную мину.

— Поясняю: «Золотое руно» тут уже давно, а «Фортуна» не очень. И посмотри, как она клиентов привлекает: автомобиль как супервыигрыш! Конкуренция? И очень жесткая! Даже наглая, я бы сказала. Выручка у «Золотого руна» наверняка похудала.

— И?... — растекаясь в улыбке, протянул Руденко. — Это мотив?

— А разве нет? — Милославская подморгнула.

— Предъявить обвинение прямо сейчас? — глаза Семена Семеныча загорелись.

— Не советую, — Яна тронула его за плечо. — Лучше проверь нашу идею по своим каналам: было ли противостояние, в каких отношениях были хозяева этих казино... Не руби, Сема, с плеча. Можно ошибку большую совершить и навредить делу. Хотя я, конечно, считаю, что мы абсолютно правы.

— Может, зайдём, судьбу испытаем? — Руденко шутя кивнул на «Фортуну».

— Я не в вечернем платье, а ты не в штатском. Зачем к себе внимание

привлекать? А на смену обличья уйдет часа два, а то и больше, будет слишком поздно. Лучшее сейчас для нас расстаться. Ты встреться с теми, кто сейчас по этому делу работу ведет, может, они что-то интересное узнали. А я домой поеду, устала, тоже с утра на ногах.

Дело казалось теперь Милославской простым и ясным. Взрыв — способ воздействовать на зарвавшегося конкурента. Того огня, который загорелся в Яне поначалу, уже не было, и она мысленно попрощалась с идеей дойти в этом расследовании до чего-то неординарного.

Семен Семеныч согласился с подругой, решив, что она на этот раз совершенно права. К тому же, он видел, что она на самом деле устала.

— Я тебя довезу, — сказал он.

— Спасибо, — ответила Яна и погрузилась в размышления о недоглаженных занавесках.

ГЛАВА 3

— Господи, кто еще там? — пробормотала сонная Милославская, нащупывая ногами тапочки. — Джемма, да успокойся ты ради бога!

Так и не найдя домашней обуви, Яна торопливо, пошатываясь от головокружения, засемила к окну, чтобы посмотреть, кто беспокоит ее в столь ранний час. У калитки стояла совершенно не знакомая ей женщина и настойчиво била щеколдой.

— О боже! — произнесла разбуженная хозяйка дома, тяжело и недовольно вздыхая, и, приоткрыв пошире форточку, крикнула: — Что вам угодно?

— Яна Милославская тут живет? — поправляя упавшие на лицо волосы, тревожно спросила та.

— Это я.

— Мне срочно нужно с вами поговорить!

— Вы нашли не самое подходящее время.

— Я вас умоляю!

— Сейчас выйду...

Яна, потирая глаза, поплелась в спальню за халатом. Надев его прямо на пижаму и слегка подвязав шелковым пояском, она немного оправила спутанные за ночь волосы и пошла к двери, по пути пытаясь сообразить, зачем незнакомка к ней пожаловала.

Позевывая, хозяйка отперла дверь и шагнула на крыльцо. Где-то закричал запоздалый петух. Перепуганная галка шумно вспорхнула с ветки дерева. Воздух был еще совсем свеж, и Милославская поежилась, почувствовав вдруг, как по спине побежали мурашки. «Принес же черт!» — сердито подумала она про себя.

С трудом отодвинув тяжелый засов, Милославская открыла наконец калитку. Перед ней стояла женщина лет сорока с исплаканным лицом, невысокая, худенькая. Она смотрела на Яну с мольбой и надеждой. «Очередная клиентка», — тут же догадалась Милославская.

— Здравствуйте, — подрагивающим и немного виноватым голосом произнесла гостья.

— Здравствуйте, — ответила Яна, смерив ее оценивающим взглядом.

«Одевается в дорогом бутике. Точно клиентка,» — с большей уверенностью мысленно повторила Милославская, а когда увидела чуть левее престижную иномарку, то сомнения в собственном предположении у

нее и вовсе улетучились. «Богатые по другому поводу меня не беспокоят, — удрученно подумала она, — наверное, узнала, что муж ей неверен и хочет окончательно припереть его к стенке. Пошлю ее к чертовой матери!»

— У меня мужа... мужа убили, — с горечью произнесла незнакомка и, закрыв лицо руками, зарыдала.

Этого Яна не ожидала.

— Успокойтесь, — холодно и строго сказала она, зная, что иной тон действует на клиентов так, что потом они еще полчаса бьются в истерике, и ее попытки выяснить что-либо оказываются тщетными, — Войдите.

Милославской сейчас вообще совершенно не хотелось браться за какое-либо дело, поскольку она уже пообещала помочь Руденко в расследовании заварушки со взрывом. Однако женщина выглядела такой несчастной, что отказать, не пытаясь вникнуть в суть ее проблем, Яна не сумела.

Хозяйка пропустила гостью вперед и молча зашагала вслед за ней, прикрыв калитку.

— Проходите, — произнесла Милославская, указывая на вход остановившейся у крыльца незнакомке.

Та кивнула два раза и пересчитала ногами ступеньки. Не разуваясь, то ли по привычке, то ли от владевшей ею растерянности, она прошла до середины прихожей и остановилась только перед злобно сверлящей ее глазами Джеммой.

Испуганно прижав к себе руки, гостя вопросительно посмотрела на Милославскую.

— Не бойтесь, — сказала та. — Джемма, свои. Иди на место. Вас как зовут? — обратилась она к незнакомке.

— Люда, — кивнув, ответила та.

— Вот что, Люда, вы сейчас посидите минутку в моем кабинете, а я немного приведу себя в порядок, — продиктовала хозяйка.

Люда скользнула взглядом по штанинам Яниной пижамы, выглядывающей из-под халата, и кивнула, тихо угукнув.

— Пройдемте, — Милославская указала рукой на дверь направо, — Присядьте сюда, — Яна кивнула на диван, — я скоро.

Она скрылась в своей комнате, а Людмила, закрыв похудевшее за ночь лицо сжатыми на груди руками, стала ждать ее, мучительно переживая тягостные минуты. Прошло несколько мгновений, а ей казалось — полчаса, прошла минута, а она думала — как долго! Еще через тридцать секунд женщина встала и стала мерить торопливыми шагами Янин кабинет. Здесь

все было необыкновенно, но Людмила в своем состоянии ничего не замечала.

Интерьер этой комнаты удивлял даже видавших виды. Они с удовлетворением делали вывод, что хозяйка дома — натура как минимум загадочная. Высокий диван, на который поначалу Милославская усадила гостью, был обит дорогим зеленым бархатом. Напротив него величаво стояло старинное кресло со спинкой из темной бронзы. Но что по-настоящему тут удивляло, так это изумрудного цвета ковер с вышитыми катренами Нострадамуса. А очень дорогая и ценная статуэтка египетской кошки, нашедшая место на невысокой дубовой тумбе, заставляла загореться огнем зависти глаза не одного коллекционера-любителя и даже антикваров. Сама Яна, таинственная и непонятная для многих, смотрелась в окружении всего этого вполне гармонично.

Она предстала перед Людмилой в красном шелковом до пят кимоно, выгодно оттенявшем ее черные, как смола, распущенные волосы и бесшумно опустилась в свое величественное кресло.

— Я к вашим услугам, — произнесла Милославская.

— У меня мужа убили, — с трудом выговорила Людмила.

Глаза ее увлажнились. Она сжала губы и, через некоторое время собрав усилием волю, произнесла:

— Помогите пожалуйста.

— Когда это случилось?

— Его нашли немногим позже полуночи.

— Позвольте, разве я главная инстанция в таком деле?! — с некоторым возмущением произнесла Яна. — Есть же у нас в конце-концов и милиция...

— Ради бога! — горькая усмешка исказила лицо Людмилы. — Я даже частным детективам не верю, а вы говорите милиция...

— Почему такой пессимизм? — удивленно пожала плечами Милославская. — Не верю... — хмыкнула она, покачивая головой.

— А вы что, вы — верите?

— Я?... — Яна немного растерялась. — Ну... В некоторых случаях органы совершают настоящие чудеса.

— Вот именно, что в некоторых, — с удивившей хозяйку твердостью парировала гостя, особо ударяя на слове некоторых. Тут же смягчив тон и утерев глаза, она продолжила: — Понимаете, наказание преступника — теперь дело всей моей жизни, и я не могу относиться к нему так легкомысленно: найдут — не найдут. А вас мне рекомендовал один мой близкий знакомый, он очень хорошо о вас отзывался...

— Мне это льстит.

— Есть еще причина, — не реагируя на реплику Яны, продолжала Людмила, — понимаете... — она немного замялась, мой муж был, как этой сейчас называется... новым русским. Его смерть — дело темное, и вряд ли оно по зубам нашей доблестной милиции. Захочет ли она найти и назвать того, кто оказался сильнее хозяина известного в городе казино? Навряд ли.

— Казино? — невольно ахнула Милославская.

— Да, казино, — с приятной скромностью ответила гостя. — Казино «Фортуна». Оно открылось не так давно, около полугода назад, но стало уже довольно популярным...

Яна ее уже не слышала. Наморщив лоб и высоко подняв брови, она переспросила:

— Извините, я не ослышалась — «Фортуна»?

— «Фортуна», — удивленно глядя на Милославскую, подтвердила Люда.

— Ну и дела! Вот это да! Быстро разворачиваются события...

— Я вас не понимаю, — испуганно прошептала Людмила.

— Сейчас, сейчас, — произнесла Яна, пытаясь разобраться в круговерти захвативших ее мыслей.

Только спустя несколько минут она, наморщив лоб, спросила Людмилу:

— Как это произошло?

— Не знаю. Это ужасно! Ужасно... — плечи гостя затряслись от беззвучных рыданий.

Яна тяжело вздохнула и опустила глаза.

— Он возвращался домой, — с трудом выговаривая слова, начала Люда, — его нашли неподалеку от дома, в сквере...

— Он что, ходит пешком?

— Нет, у него «Джип», водитель, но вчера...

— Знаю, знаю, — с горькой усмешкой перебила Милославская и закивала.

— Иногда он на такси ездил, может, и вчера... Боже, как такое могло произойти?! Его нашли в ужасном состоянии! Какая жестокость!

— Поясните наконец, — прервала Яна поток эмоций.

— Мне трудно об этом говорить... Труп Алеши нашли подвешенным к трубе и обгоревшим.

У Милославской невольно вырвалось восклицание, передавшее всю степень ее потрясения.

— Вот это повороты, — задумчиво проговорила она, пытаясь связать

всю имеющуюся информацию в одно целое.

— Экспертиза уже установила, — вытирая слезы и пытаясь избавиться от кома в горле, добавила Люда, — что Алешу жестоко избивали, а когда... когда он умер, труп подожгли.

— Звери какие-то... — покачивая головой, прошептала Яна.

— Вы кого-то подозреваете?

— Нет.

— Кому могла быть выгодна смерть вашего мужа? У него были враги, недоброжелатели?

Людмила тяжело вздохнула и с сожалением поведала Милославской о том, что она вообще не имела доступа к делам мужа.

После женитьбы они были очень дружны: все было на двоих, интересы, радости, огорчения. Даже обязанности по дому в их семье делились поровну. Они вместе делали дела, потом вместе отдыхали: ходили в гости, в театр, цирк, кафе, ездили на природу, просто сидели дома у телевизора.

Однако время шло и через пару лет у Алексея созрело желание открыть свое дело, заняться бизнесом. «Нам надо думать о будущем,» — сказал он ей, и Люда с ним согласилась.

Она тогда была беременна, сидела дома, поэтому фундамент дела Алексей закладывал один. На первых порах он во всем с ней советовался, прислушивался к ее словам. Дело не сразу, но пошло в гору. В семье появились настоящие деньги.

Родился сын, но Алексей все меньше времени уделял семье и все больше работе. Иногда супругам и поговорить было некогда: он возвращался поздно, уставший, ложился и сразу засыпал.

Однажды Люда ему сказала, что хочет тоже вносить свою лепту в семейный бизнес. Вопреки ее ожиданиям, муж сказал, как отрезал: «Твое место дома, рядом с сыном,» — и вообще перестал посвящать жену в свои дела.

Попытки ее поступить против его воли оказались тщетными. Она наняла няню, но ребенок часто и серьезно болел, и доверять его чужому человеку в такие дни было опасно. Потом Люда снова забеременела, и тогда ей вовсе пришлось забыть о мысли стать бизнес-вумен.

Алексей часто не ночевал дома, не звонил; явившись, ни о чем не рассказывал. Много слез пролила Людмила, но вскоре привыкла и сама стала повторять, что ее место дома, с детьми.

Поэтому в этом плане она ничем не могла помочь Милославской. Яна спросила ее:

— Ну а в вашем общем кругу, кругу друзей, родных не было у вашего мужа врагов, завистников?

— Да что вы, нет, конечно.

— М-да, — протянула Милославская.

Она снова задумалась. Скорость разворачивающихся событий ошеломила ее. Еще вчера Воробья просто припугнули, а сегодня его уже нет в живых. «Похоже, — думала Яна, — планы врагов Алексея кардинально изменились. Почему-то они не захотели ждать, когда тот проявит благоразумие...»

Милославская имела довольно большой опыт расследований, но на ее памяти это был первый и единственный случай, когда человек, которому угрожали, так быстро уходил из жизни. С чем это могло быть связано, она не знала. Единственное, что ей приходило сейчас на ум — Воробей слишком резко ответил на угрозу. Возможно, тоже угрозой. Но, как правило, о резких выпадах криминалитета, город узнавал довольно быстро. Пока же все было тихо. Хотя, впрочем, час был довольно ранний...

— Вот что, Люда, — сказала она, исподлобья глянув на клиентку, — вы сейчас идите домой.

Людмила встрепенулась и тревожно посмотрела на Милославскую.

— Я берусь за ваше дело, — успокоила та, — идите, у вас сейчас много проблем. А мне нужно собраться с мыслями. Давайте обменяемся телефонами, — Яна протянула клиентке свою визитку, взяв ее с журнального столика, — я вам позвоню, как только возникнут какие-то соображения. Да, мне надо собраться с мыслями... — задумчиво повторила она.

Воробьева порылась в своей сумочке, достала из нее маленький блокнотик, что-то начеркала в нем и, оторвав листок, протянула хозяйке.

— Вот, мой телефон, — пояснила она, — и адрес, на всякий случай.

Людмила встала.

— Я вас провожу, — сказала Милославская и вышла из комнаты. Воробьева засемила за ней.

Закрыв за гостьей калитку, Яна осталась наедине с собой.

Мысли кипели у нее в голове. Она даже не замечала Джемму, которая крутилась под ногами.

Войдя в свою комнату, она плюхнулась на кровать, закинула руки за голову и закрыла глаза. «Да!» — вскрикнула она, вскочив буквально через минуту, и схватила пульт от телевизора. Экран засветился, и Милославская принялась нажимать кнопку за кнопкой, пытаясь отыскать канал, на котором транслировались местные новости.

Ей повезло: один из телеканалов только-только начинал показ программы «Вести». На экране закрутился глобус, а потом вдруг возникла фигура улыбающейся ведущей, которая жизнерадостно поприветствовала телезрителей.

— К делу! К делу! — нетерпеливо бросила в ее адрес Яна.

Она смотрела на диктора, как замороженная, и, затаив дыхание, внимала ее словам. Сюжет следовал за сюжетом, но ничего, что могло бы заинтересовать Милославскую в этот момент, не было. Вслед за обзором политических новостей диктор перешла наконец к криминалу.

Первое, о чем она сообщила — в парке Гагарина найден труп мужчины, Воробьева Алексея Михайловича. Милославская привстала, ожидая услышать что-нибудь сенсационное. Однако, более того, что она уже знала от Людмилы, журналисты не сообщили. «Заведено уголовное дело», — и все на этом. Далее следовал калейдоскоп других происшествий минувшего дня.

Но если «нормальных» людей его освещение порадовало отсутствием других громких преступлений, то Яна разочаровалась — для себя из всего этого она ничего взять не могла: никого больше не убили, никому не угрожали, ни на кого не покушались. Так, «пустяки»: двое напившихся до безумия подрались, и один обеспечил другому сотрясение мозга; на свалке нашли выброшенного мамашей новорожденного мальчика...

Безусловно, Милославская не была черства душой. Не будь она озадачена убийством Воробья, она бы весь день ужасалась услышанному. Но теперь в ее сознании места не оставалось ни для чего, кроме ведомого ею дела. Она искала ответ на вопрос: был ли Воробей убит за резкую реакцию на поступившую в его адрес угрозу — и не находила его. Ни о каких других происшествиях в среде местного криминалитета речи не шло, значит, навряд ли Воробьев успел сделать какой-то резкий выпад в адрес противников.

Далее последовал «Прогноз погоды», и ждать от телевидения было уже нечего. Яна взмахнула пультом, и экран погас. «Возможно, журналисты еще не пронюхали того, о чем я подозреваю, — подумала она и немного успокоилась, однако тут же вслух заключила: — Обращусь к Семе».

ГЛАВА 4

Семен Семеныч в этот момент счастливо почивал, поскольку имел договоренность явиться на работу двумя часами позже обычного. Он громко храпел, раскинувшись посреди кровати и выставив вперед свой все более округляющийся живот.

Дверь в его спальню тихонько скрипнула, и в щелку осторожно просунулось взволнованное лицо его жены.

— Сема-а, — шепотом ласково позвала она, — Семушка-а.

Руденко даже не шевельнулся.

— Сема, — позвала Маргарита Ивановна чуть громче.

Три Семерки дернул головой и перестал храпеть.

— Сема, тебе звонят, — теперь уже вслух сказала его супруга, шире открыв дверь.

Руденко промычал что-то невнятное. Маргарита Ивановна зашла в комнату, наклонилась к мужу и тихонько потрясла кончик его подушки.

— А? — испуганно спросил тот, резко приподняв голову.

— Иди к телефону, там Яна.

— О-о-о, — тяжело протянул тот, снова плюхнувшись на подушку.

Закрыв глаза, хрипло спросил: — Чего она хочет?

— Я-то откуда знаю! — всплеснув руками, тихо воскликнула Маргарита Ивановна и, выходя из комнаты, заворчала: — Поди, разбери вас...

Руденко кряхтя сполз на край кровати, спустил ноги и, чуть приоткрыв один глаз, стал искать свои тапки. Найдя и всунув в них ноги, он звучно зевнул, тяжело поднялся и, ширкая ногами по полу и почесывая живот, пошел к телефону.

— М-да, — тоном ленивого кота произнес он.

— Сема, утро доброе. Это Яна.

— До-у-э-оброе, — ответил Руденко, снова зевая и глядя на часы, стрелки которых настойчиво напомнили ему о том, что пора уже собираться на работу. — Чего у тебя?

— У меня к тебе один вопрос. Готов выслушать? — поинтересовалась Милославская, чувствуя, что Три Семерки еще не совсем способен адекватно воспринимать действительность и его на это надо настроить.

Семен Семеныч присел на низенький табурет, стоявший возле телефонной полочки и внятно ответил:

— Готов.

Яна выложила ему все как на духу — все, о чем поведала ей клиентка и до чего додумалась она сама. Слова ее настолько потрясли Руденко, что уже в середине ее рассказа он привстал, обнял телефон, словно его у него собирались отнять и только и делал, что произносил соленькие словечки, выражающие ужас и недоумение. Маргарита Ивановна, конечно, тут же высунулась из кухни и сердито погрозила мужу лопаткой, которой она в этот момент переворачивала оладьи, однако Семен Семеныч, глядя на нее, ее не замечал, а потому сей воспитательный момент пропал даром.

— Ну так что, — спросила Милославская, — ничего не слыхал?

Три Семерки даже не смог сразу ей ответить, переваривая полученную информацию. Только после нетерпеливого восклицания подруги, он протянул:

— Нет, Яночка, насчет этого я в полном неведении... Я вернулся вчера очень поздно и, чтобы выспаться дали, отключил телефон. Это Рита уже с утра... Нет, я в шоке! Что теперь будет?! Взрыв, потом такое убийство!..

— Да, плохи дела... Ну, а раз ты вчера так поздно вернулся с работы, значит, откопал насчет взрыва что-нибудь интересненькое?

— Какой откопал! Так, бюрократические проволочки...

— Понятно, — разочарованно вздохнув, произнесла Милославская.

— Так, — вслух стал рассуждать Семен Семеныч, — я сейчас звякну в отдел, потом тебе перезвоню. Идет? Может, еще выясним что-нибудь.

— По рукам, — ответила Яна и повесила трубку.

Закурив, она стала ожидать звонка от приятеля, надеясь, конечно на лучшее. Минут через десять он позвонил, однако порадовать подругу ему было абсолютно нечем: весь отдел стоял на ушах, и все были в полном недоумении. Причем по поводу трупа никто не мог сказать ничего вразумительного, а в ответ на вопрос о том, не случилось ли минувшим вечером каких-либо криминальных разборок, в которых мог участвовать нынешний покойник, все делали изумленное лицо.

— Ладно, Яна, — завершил разговор Семен Семеныч, — я должен срочно лететь в отдел, так что до встречи. Эх, не сносить нам всем головы...

— Все будет нормально, — попыталась успокоить друга Милославская. — Давай.

Она положила трубку и невесело посмотрела на часы. Задумавшись, тихо побрела на кухню, принялась варить кофе — пустой желудок напоминал о себе нетерпеливым урчанием.

Участь Семена Семеныча была более счастливой — его уже ожидал

готовый завтрак. Так было всегда: Маргарита Ивановна всегда вставала рано, всегда свой день начинала с заботы о муже и сыне. Вот и сегодня, поднявшись, когда еще и шести не было, она замесила тесто для оладьев, привела форменную одежду супруга в порядок, намыла и начистила его ботинки, сбегала в магазин, и к пробуждению Семена Семеныча все уж у нее было готово: на голубенькой тарелочке дымились оладьи, политые свежей сметанкой, свежезаваренный чай манил своим горьковатым ароматом.

Руденко, привычный к этому, хмуро вошел на кухню, хмуро опустошил тарелку и бокал, молча умылся и оделся и, на ходу чмокнув прильнувшую к нему жену, торопливо побежал по ступенькам, торопясь на работу.

С женой ему повезло невероятно. Во-первых, она была женщиной очень мягкой и добросердечной. Во-вторых, мудрой: умела вовремя сказать нужное слово, вовремя проявить заботу. Никогда не лезла с нравоученьями, когда видела, что он и без того не в духе, и — что особенно ценил сам Три Семерки и все его приятели — никогда не устраивала скандала, если Семен Семеныч возвращался домой навеселе. Всем вообще казалось, что кричать она не умела и не пробовала, как впрочем, и вести тихую войну тоже. Поэтому в семье Руденко всегда все было тихо и мирно.

Кроме того, Маргарита Ивановна не ревновала. Хотя, возможно, она просто умела скрывать свои чувства. Однако, Семен Семеныч не раз не слышал от нее упрека на эту тему. А что касается Милославской — женщина в ней просто души не чаяла. Встречала дружелюбно, провожала тоже, иногда правда журила, за то что они «с Семей» слишком много работают.

Ко всему прочему, Маргарите Ивановне были подвластны все секреты кулинарного искусства. Она отлично пекла торты, пироги, к каждому празднику подавала какой-то новый салат, фрукты-овощи консервировала на зиму в невероятных количествах и разнообразии и с удовольствием делилась своими рецептами с другими.

Бремя воспитания наследника, главным образом, несла на себе тоже Маргарита Ивановна. Она одна ходила на родительские собрания, расписывалась в дневнике, следила за подготовкой уроков и даже лекции о том, каким должен быть мужчина, сыну читала тоже она.

Руденко проявлял себя в качестве воспитателя лишь в крайних случаях: высоко взмахивая ремнем, он наставлял сорванца на путь истинный. Тот умолял о прощении, но не более чем через неделю совершал новое «преступление». Маргарита Ивановна, которая многие проделки

сына от Семена Семеныча просто утаивала, в такие минуты пыталась остановить разбушевавшегося мужа, а потом тайком утешала провинившегося, прижав его к своей груди и тихо рыдая вместе с ним.

ГЛАВА 5

Слегка склонив серебряную джезву, Милославская налила себе кофе. Он был еще слишком горяч, и она обожглась, прихлебнув немного. Поставив чашку на блюде остывать, Яна задумалась. Она еще раз от самого начала прокрутила в голове всю информацию от взрыва до вести об убийстве.

Многое в случившемся ее удивляло, но больше всего сам способ убийства. Насколько Яна помнила, такого в той среде, в которой общался Воробей, не бывало.

Как это ни кощунственно, все давно привыкли к заказным убийствам, к словам «киллер» и «контрольный» выстрел и даже к стандартному механизму совершения таких преступлений, описать который мог любой дилетант в юриспруденции.

Однако, судя по всему, в этом деле киллер попался какой-то изощренный. Милославская вообще смутно себе представляла, что им руководило, когда он, рискуя быть кем-то замеченным, так долго и методично расправлялся с несчастным Воробьем.

Запутавшись окончательно, Яна решила в итоге, что, вероятно, Алексей настолько насолил своим недоброжелателям, что избавиться от него «обычным» способом они посчитали недостаточным и даже оскорбительным для своей персоны. Другого объяснения Милославская пока не находила.

Кофе немного остыл. Отпивая понемногу, женщина продолжала думать об одном и том же. Она вспомнила о казино «Золотое руно» и еще больше утвердилась в мысли, что причиной убийства Воробья может быть конфликт на почве конкуренции. Ведь столь близкое соседство двух казино наверняка пагубно сказывалось на бюджете обоих. Первому было обиднее, поскольку ближайшую территорию они уже несколько лет считали своей, а дерзость хозяина «Фортуны» не могла их не раздражать: он не только добился открытия казино в этом месте, но и стал активно «перетаскивать» клиентов на свою сторону, выставив в качестве суперприза автомобиль.

«С Руденко мы условились, что он раздобудет мне информацию о том, было ли между „Фортуной“ и „Золотое руно“ накануне убийства противостояние, — мысленно проговорила Милославская, — Если он об этом не обмолвился, значит, пока ничего не узнал. Не попытаться ли мне самой счастья на этом поприще...» — вдруг подумала она и пришедшей

мысли обрадовалась.

Посмотрев на часы, Яна подумала, что будет неловко оказаться первой клиенткой казино. В сущности, еще около полутора часов ей пришлось бы потратить на душ, макияж, переодевание и дорогу. Так что перспектива удивить служащих казино ранним визитом оказывалась не такой уж и реальной.

К тому же надо было проверить, все ли в порядке с главным инструментом работы — картами. Да, Милославская была слишком далека от традиционных методов расследования. Конечно, всем известные милицейские приемы не были ей совершенно чужды, но сильна она была не ими, а особым даром, посланным ей свыше.

* * *

Несколько лет назад семья Милославских, Яна, ее муж и сын, возвращаясь с дачи, попала в серьезную автомобильную катастрофу, перевернувшую всю жизнь Яны — в живых осталась только она.

Весь мир рухнул в одночасье. Тогда она не благодарила бога за свое спасение, она проклинала его. Ее супруг, Саша, и единственный сын, Андрей, погибли. Погибли мечты, стремления, погибло все, ради чего Яна жила. Жить ей больше не хотелось, видеть никого не хотелось.

Дни шли за днями, а становилось только больнее и больнее. Каждая вещь в доме напоминала об ушедших, так любящих Яну и так любимых ею. Не раз у нее возникала мысль о самоубийстве, но рука не поднималась переступить заповедь «Не убий». Милославской стало казаться, что она сходит с ума, и тогда она решила сменить место жительства, забраться подальше, где поглуше, существовать тихо и незаметно. Под руку ей подвернулась Агафоновка.

Было невыносимо одиноко, и тут вдруг Милославская обнаружила, что у нее появилась необыкновенная способность — способность ясновидения.

Сначала она не поверила ей, но потом случай предоставился, и она помогла одному своему знакомому найти потерянный документ. Тот рассказал о ней другим, и люди потянулись к Милославской. Начав с мелочей, постепенно она стала раскрывать серьезные преступления. Вместе с Руденко они вообще были способны горы свернуть — один дополнял другого.

Душевный вакуум, образовавшийся после потери близких, постепенно стал заполняться заботой о людях. Яна помогала то одному, то другому и,

кружась в этом водовороте, постепенно забылась, войдя снова в нормальное русло жизни.

Она часто вспоминала мужа и сына, но бурная деятельность не позволяла ей снова впасть в отчаяние. Надо было жить, и в этом был смысл. Именно тогда Милославская поняла, что Бог не делает ошибок и что ее предназначенье — жить для других.

Дела она вела посредством гадания, гадания на картах. Но это было очень далеко от тех банальных способов, к которым прибегали многие и которым нехитро научиться любому.

Яна легко и быстро помогала найти пропавшего человека, определить убийцу и разыскать его, в общем, основной ее деятельностью являлось раскрытие преступлений и тайн, взять верх над которыми оказывались не в силах или просто не желали другие органы.

Карты Милославской не имели ничего общего с обыкновенными игральными как по своим свойствам, так и по внешнему облику. По зову сердца она изготовила их сама. Взяла картон, вырезала прямоугольники одинакового размера и нарисовала на них символы, диктуемые ей свыше. Милославская никогда не обладала талантом художника, но здесь словно сами собой появились причудливые символические изображения, напоминающие больше авангард, чем классику. Так же таинственно возникли и названия карт: «Чтение», «Взгляд в будущее» и другие.

Когда возникала необходимость, Яна ложила ладонь на карту и тут... ее посещало видение. Оно далеко не всегда было отчетливым и далеко не всегда смысл его расшифровывался сразу. Приходилось подключать умственные способности, логику, на которые Милославской грех было жаловаться. Джемма являлась верным и надежным помощником гадалки в «земных» способах расследования, к тому же она прекрасно защищала свою хозяйку, а необходимость в этом возникала довольно часто. Да и Семен Семеныч никогда не подводил, к тому же их сотрудничество очень часто оказывалось взаимовыгодным.

Поначалу, помогая людям, Яна совершенно не думала о деньгах. Но душевный кризис заставил ее бросить работу, которой она до того занималась, а на что-то нужно было жить.

Обращавшиеся к ней сами стали в качестве благодарности приносить что-нибудь, но вскоре Яна поняла: за услуги надо брать деньги, иначе ей не прожить.

Гадание на картах отнимало у Милославской слишком много сил, выкачивало жизненную энергию. В день больше двух карт из колоды она использовать не могла, а потом и вовсе чувствовала себя, как выжатый

лимон. По этой причине она не могла снова взяться за прежнюю работу и совмещать ее с гаданием, без которого Яна теперь не мыслила жизни. Расследования остались единственным средством существования женщины.

Бесплатных сеансов она не исключала. И если видела, что в ее помощи нуждается человек, отдающий последнее, денег она не брала. Впрочем, такое бывало редко — клиентами Милославской гораздо чаще оказывались люди с тугими кошельками.

Многие расплачивались более щедро, чем требовала гадалка, потому что результаты ее работы поражали их. Жила Яна если и не богато, то по меньшей мере безбедно.

* * *

— Кажется, ничего, — пробормотала себе под нос Милославская, глядясь в зеркало и оценивая, как сидит на ней старый, давно не одеванный, но вполне приличный костюм.

Она быстро оделась, привела себя в порядок и теперь была почти готова к осуществлению задуманного. Почти, потому что выражение собственных глаз ей сейчас не понравилось — какая-то нервозность, беспокойство, страх мерцали в самой их угольно-черной глубине.

— Э-э-э, нет, подруга, так не пойдет, — покачивая головой, с укором сказала она себе. — А ну-ка, встряхнись, — гадалка улыбнулась своему отражению.

Пытаясь задержать эту улыбку на устах, она вышла из дома. Яна прекрасно понимала, что ей надо войти в казино с таким видом, что она самый что ни на есть обыкновенный клиент, вполне довольный жизнью и собственным материальным положением и пришедший в заведение, чтобы в приятном времяпрепровождении потратить деньги.

Она так же ясно понимала, в чем причина такой дисгармонии в ее душе: дело, за которое она взялась, представляло собой пока клубок запутанных нитей, неизвестно где начинающихся и куда ведущих. Такую неопределенность гадалка терпеть не могла — она-то ее сейчас и тяготила.

К счастью, Милославская умела владеть собой и умела направлять эмоции в нужное русло. Не всегда, конечно, это Яне легко удавалось, но... знающие ее говорили о ней как о сильной личности.

Время, проведенное в дороге до казино, подарило ей еще несколько шансов обрести внутреннее спокойствие, так что из такси гадалка вышла с

легкой полуулыбочкой. Бросая по сторонам несколько игривые взгляды и опьяняюще покачивая бедрами, Милославская двинулась вперед. Естественно, она больше походила на девицу, ищущую, мягко говоря, романтических приключений, но ведь это только играло ей на руку — лишало ее персону вполне обоснованных подозрений.

Цок, цок, цок — звонко зацокали Янины каблучки по сверкающим чистотой ступенькам высокого крыльца казино. Идущий мимо солидный мужчина надолго остановил взгляд на ее фигуре. Милославская открыла дверь и исчезла за ней, окунувшись в просторные полупустые залы игорного дома.

Тут была не только рулетка, но и все то, о чем только мог мечтать Игрок. И не только игрок — но и гурман: огромный игровой зал плавно перетекал в ресторан. Утомившись за игрой, можно было прямо через два шага очутиться за удобным столиком и сделать заказ, который мог удовлетворить самого требовательного клиента.

Войдя, Яна нисколько не растерялась и уверенно направилась к стойке бара. Разместилась на высоком табурете около стойки, заказала стакан ананасового коктейля и, получив его, изображая равнодушие, лениво-небрежно повернулась лицом к залу, принявшись потягивать коктейль через тонкую высокую трубочку.

Какой-то помятый мужичок лет сорока, явно не спавший этой ночью, сразу подошел к ней и, томно глядя в глаза и поглаживая свою легкую небритость, стал говорить что-то вроде того, что такой красавицы никогда не видел, что сердце его поражено стрелой Амура и т. д. Вряд ли кто-нибудь мог слышать, что Милославская ему ответила, но в следующий миг его как ветром сдуло, и только трезво выговоренное «Понял...» повисло в воздухе.

Яна неприязненно встряхнулась и снова вошла в ту роль, которой изначально решила следовать. Коктейль вскоре был ею выпит, и она неспешной походкой направилась к одному из игровых автоматов. Молча сидевшие за ближайшим столиком приятели проводили ее любопытным взглядом. Милославская давно заметила их и сделала свои выводы, которые позволяли ей теперь не тратить на них внимание.

Игровые автоматы занимали в зале выгодное для гадалки место: сидя за крайним из них, она держала в поле зрения весь зал. Складывалось впечатление, что женщина отчаянно и увлеченно играет — на самом деле ни один предмет она не упускала из виду ни на минуту.

Усевшись перед экраном автомата, она просадила не один десяток пятирублевков, пока у нее не появился повод сдать занятую позицию и

сменить тактику — в зал вошел высокий плотный мужчина лет пятидесяти. Вошел громко, эффектно, покрикивая на служащих и на ходу давая всем и каждому указания — всем видом своим он говорил: «Я тут хозяин».

«Хозяин» был явно не в духе, и подчиненные это чувствовали: отводили глаза, боясь вызвать гнев на себя. Мужчина подошел к бару, по первому же кивку головы получил от бармена пузатенькую бутылку холодного пива, набрал какой-то номер на своем сотовом, отрывисто произнес: «Саня, подъехать сможешь? А? Да, срочно. Дело есть. Да. Да. Все, жду.»

«Кажется, дело набирает обороты,» — обрадованно подумала Милославская и перешла за рулетку. Отсюда она могла лучше слышать «хозяина» и внимательнее наблюдать за ним. «Александр Сергеич, Александр Сергеич,» — подобострастно доносилось со всех сторон. Те, кому хозяин, войдя, дал указания, уже спешили доложить об их выполнении. Александр Сергеич только хмуро кивал и жестом велел убираться.

Потягивая пиво прямо из бутылки, он отошел от стойки, разместился за одним из столиков и, постукивая по столу толстыми короткими пальцами, стал с ожиданием поглядывать на дверь.

Неменьшим нетерпением была охвачена и Милославская. Она находилась достаточно близко от Александра Сергеича и вполне могла слышать разговор, который должен был состояться. А чтобы не привлекать к себе его внимание, она сделала ставку и принялась изображать из себя поглощенного азартом игрока. Худощавый, высокого роста крупье с особым оживлением суетился вокруг нее, надеясь поживиться на проигрыше глупой ветреной дамочки.

Однако гадалке и первый, и второй раз повезло. Вообще в таких мероприятиях она всегда была довольно удачлива. Крупье с улыбкой, но настороженно переглянулся с одним из своих коллег, побаиваясь, наверное, что игра Милославской на этом и закончится. Яна же не собиралась сдаваться: сделала еще ставку и... проиграла.

Мысленно пересчитав содержимое своего кошелька, она с неудовольствием про себя заметила, что теперь ей придется просить помощи у своей пластиковой карты. Благо, неподалеку от выхода казино был банкомат.

Расплатившись по проигрышу, она игриво сказала крупье:

— Мальчики, я выйду к банкомату, и мы продолжим...

Они улыбнулись ей в ответ и разом кивнули.

Выйдя на улицу, Милославская увидела, что у казино паркуется

серебристая иномарка. Замедлив шаг, она искоса стала наблюдать за ней, ожидая увидеть приехавшего.

Водитель вышел из машины торопливо и, нервно подергивая плечом, направился в казино. Это был респектабельный мужчина лет пятидесяти, в сером, слегка помятом костюме, немного лысоватый, совершенно седой. Даже брови его и густые усы были абсолютно белыми. Плотный, но подтянутый, он, по-молодецки подпрыгивая, преодолел ступеньки и скрылся за зверью.

«Тот самый Саня,» — сразу уверенно подумала про себя Милославская. Дрожащей от волнения рукой она сунула пластиковую карту в отверстие банкомата и вслух стала умолять его рассчитаться с ней побыстрее.

Вскоре деньги ею были получены. Оглянувшись и убедившись, что никто на ее персону не обращает внимания, она побежала и так в считанные секунды оказалась у входа в казино. Остановившись и переведя дыхание, гадалка немного оправила одежду и прическу и вошла в помещение совершенно невозмутимо.

Только что приехавший Саня стоял у стойки бара в ожидании протираемой барменом запотевшей бутылки холодного пива, а Александр Сергеич взволнованно и даже сердито поторапливал его.

Яна, от порога кокетливо помахав ручкой крупье, неспешно продефилировала в сторону рулетки. Осчастливив крупье очередной, хотя и не крупной ставкой, она совершенно равнодушно следила за ее вращением, зато слух гадалки напряженно ловил каждый звук, раздававшийся за столиком, занятым интересующими ее мужчинами.

— Здорово, — сотрясая руку приятеля, хмуро произнес Александр Сергеич, — присаживайся, — хозяин казино выдвинул для прибывшего стул.

Саня молчаливо пожал в ответ руку Александра Сергеича.

— Чего шумел? — тихо спросил он.

— Шумел не я. Без меня нашумели.

— Говори яснее.

— Воробья... В общем, Воробья больше нет, — Александр Сергеич болезненно поджал губы и исподлобья глянул на приятеля.

Саня уставился на него, высоко подняв брови и выкатив глаза.

«То, что надо!» — мысленно торжествовала Милославская.

— Тебе это удалось? — радостным шепотом произнес собеседник хозяина казино.

«Ого!» — ахнула про себя Яна и тут же вслух произнесла:

— Я выиграла! Фортуна улыбается мне! Ес! Ес!

Она радостно восклицала и хлопала в ладоши, стараясь всем видом своим показать увлеченность игрой и абсолютное равнодушие к тому, что происходило вокруг.

Александр Сергеич скептически покосился на нее и ответил Сане:

— Мне, к сожалению, не удалось...

— Не понимаю, — произнес Саня и прикурил.

— Я тоже ничего не понимаю, — Александр Сергеич тоже потянулся за сигаретой.

После некоторого молчания, он сказал:

— Кто-то убрал Воробья. Все, его больше нет.

— Так это ж прекрасно! — Саня криво улыбнулся.

— Хм, прекрасно... — Александр Сергеич болезненно скривил рот. — Как ты думаешь, кто сейчас будет у мусоров под подозрением?

В воздухе повисло молчание.

— То-то и оно, — нравоучительно протянул хозяин казино. — Знаешь, какая мне мысль пришла?

Саня вопросительно поднял глаза.

— А не есть ли это способ косвенной расправы над нами?

— Ты смеешься? — лицо Сани исказила ухмылка.

— А что? Подстава вполне возможна. Мотив у меня есть? Есть. А алиби?

Саня испуганно содрогнулся.

— Но мы же вчера... — он осекся на полуслове.

— Но ты об этом будешь говорить, когда тебя спросят? Вот именно. А это значит, алиби у нас нет.

— Александр, у тебя хорошие адвокаты.

— Слушай, ты прекрасно знаешь, что последние два года меня настойчиво пытаются смешать с дерьмом! Смешают вместе с адвокатами... Воробей меня достал, конечно, но я бы вполне успокоился закрытием его конторы...

— Ты кого-то подозреваешь?

— Пока не знаю.

— Нам лучше пока не встречаться?

Александр Сергеич молчаливо кивнул.

— И по телефону осторожнее, — добавил он. — Боюсь, будет прослушка.

— Ну давай, — Саня привстал и крепко сжал руку своего приятеля.

Тот посмотрел на него благодарно и ответил:

— Давай.

Взяв со стола свои ключи и зажигалку, не задержавшийся надолго визитер спешно удалился. Не желая больше делать крупные проигрыши и привлекать к себе излишнее внимание, Яна покинула рулетку, села за дальний столик и заказала чашку кофе. Ей было над чем подумать.

«Похоже, хозяин этого казино тут совершенно не при чем,» — пронеслось в первый миг у нее в голове. Однако Яна не имела привычки доверяться первому же порыву чувства, хотя интуиция у гадалки и была завидной.

— Человек — существо загадочное, — едва ли не вслух проговорила она и про себя добавила: «Чужая душа — потемки. Возможно, тут есть какое-то подводное течение, а потому не стоит так сразу верить тому, что смерть Воробья для Александра Сергеича — полная неожиданность.»

Женщина принялась мысленно рассуждать. Во-первых, Милославская заключила для себя, что тот приезжавший Саня и Александр Сергеич, хозяин казино, — единомышленники по-крупному. Они, вероятно, имеют общие интересы относительно этого заведения и не только. Во-вторых, гадалка поняла, что накануне убийства Воробья оба они проворачивали какое-то не вполне или даже совсем не чистое дело, повиниться в котором ментам не захотели бы ни за какие коврижки, даже если бы им обоим угрожала тюрьма. Что это за дело — для Яны оставалось вопросом, хотя, впрочем, и не имело для расследования, вероятно, никакого значения.

И еще: гадалка поняла, что в течение последних двух лет бизнес у Александра Сергеича и его напарника шел не вполне удачно. Кто-то явно вставлял им палки в колеса, и этот кто-то, вероятно, был более влиятелен и силен.

Милославская жадно, стараясь при этом, конечно, не обнаруживать своего интереса, наблюдала за хозяином казино. Он мановением руки велел принести себе еще пива, потом потребовал какой-то закуски. Яна приоткрыла сумочку и извлекла оттуда заветную колоду. Только она ей тут могла помочь. Александр Сергеевич определенно думал сейчас об убийстве Воробья и о только что минувшем разговоре. Ничто не мешало гадалке проникнуть сейчас в глубины его сознания.

Веером развернув перед собой колоду, она выбрала карту «Чтение». Эта карта была поистине необыкновенной и, пожалуй, самой загадочной. Она обладала сказочными возможностями. Конечно, и другие карты Яны Милославской предметом привычным и банальным назвать было нельзя, но способности этой удивляли даже саму гадалку.

«Чтение» отнимало у Милославской массу душевных и физических

сил. После этой карты, как не после какой другой, Яна чувствовала себя особенно изможденной и опустошенной. Зато «Чтение» позволяло прочесть... чужие мысли. Если карта шла на контакт, конечно.

В центре карты красовалось изображение глаза, в зрачке которого застыло отражение человеческой головы. От этого глаза шли нарисованные Яниной же рукой мощные флюиды, волны, а затем и лучи, символизирующие мощную энергию и способные поведать гадалке о многом.

Милославская убрала лишние карты назад в сумку и, продолжая безмолвствовать, опустила на «Чтение» руку. Чтобы не привлекать к себе внимание, она спокойно сделала несколько глотков кофе и только после этого приложила усилия для своего сосредоточения на гадании.

Милославская настойчиво смотрела прямо в затылок Александру Сергеевичу, хотя карта и не предписывала таких условий в качестве обязательных. В этот момент гадалкой владело желание видеть объект, что называется, насквозь, и момент для этого был очень подходящий. Терять его было просто нельзя. Александр Сергеевич сосредоточенно пил пиво и думал о своем, а ведь мог внезапно подняться и уйти. Поэтому Яна, возможно, и рискуя привлечь внимание, смотрела на него в упор: шансов обнажить мысли человека при такой тактике были гораздо выше.

Гадалка в эти минуты не думала ни о чем постороннем. Просто буравила взглядом голову объекта и задавалась единственным вопросом: «О чем ты думаешь?». Мысли его она просто обязана была услышать.

Отдача от карты, к счастью, пошла сразу. Видимо потому, что Александр Сергеевич всем существом своим отдавался сейчас размышлениям над случившимся. Он не подозревал, что кто-то сейчас пытается проникнуть в его святая святых и не пытался изобразить равнодушия, которое обычно упорно демонстрируют те, кого открыто допрашивают.

Яна начала чувствовать излучающееся от «Чтения» тепло. Оно постепенно окутывало руку, словно невесомая мягкая перчатка. Еще через несколько секунд Яна ощущала уже интенсивные волны, ударяющие в самый центр ее напряженной ладони. Гадалка сконцентрировала всю свою внутреннюю силу в одной точке тела и в следующий же миг ее сознание окутало мутное облако, которое пульсировало, издавая какие-то неясные звуки.

Но только в первые мгновенья Милославская не могла их разобрать — уже вскоре ее мозг читал законченные по смыслу высказывания.

«И кому это могло понадобиться? — думал Александр Сергеевич. —

Хотя, что это я... Идиот! Бизнес без это не бывает. Крутые живут богато, но недолго... Но, Господи, ведь я тоже втайне желал ему смерти! Желал! Желал! Желал! М-м-м-м-м. Что это я нюни распускаю? Некогда, некогда, некогда! Надо думать о том, что делать, если сейчас сюда мусора заявятся. Ну скажу я, что не убивал. А дальше что? Поверят? Ни черта! А про вчерашнее, хотя оно и алиби, — душить будут — не расскажу! Что делать? Что делать? Вести себя спокойно, вот что!!! Не виновен — не дрейфь. Уверенность в себе — вот главное. Да, да, безусловно!»

Хозяин казино вдруг резко встал. Облако, которым было окутано сознание гадалки в этот миг неожиданно разорвалось, и больше Яна ничего «прочесть» не смогла. Да, собственно, ей и так все было ясно: этот человек на самом деле к убийству не причастен, и в разговоре с тем Саней он не лукавил.

Милославская почувствовала ужасное недомогание, но все же попыталась открыть закрывшиеся во время гадания глаза. Публика могла неверно это понять и броситься в панику, которая для Яны была вовсе не желательна.

Находясь еще в полуобмороке, она заказала официанту салат и закурила. Яна поудобнее откинулась на спинку сиденья и расслабила тело. Она не строила сейчас дальнейших планов расследования, потому что на время утратила способность плодотворно мыслить. Гадалка ушла в некое оторванное от реального мира состояние и постепенно восстанавливала свои силы, пользуясь обстановкой покоя.

Салат уже стоял перед ней, когда она выкурила сигарету. Посетителей вокруг стало больше, и персона вольготно разместившейся в кресле Милославской не бросалась в глаза.

Яна взяла вилку и небрежно стала ковыряться в салате. Со стороны можно было подумать что она испытывает отвращение к пище, хотя на самом деле гадалка просто не находила сил делать это по-другому. Руки были словно ватные.

Александр Сергеич тем временем дал своим подчиненным еще ряд указаний и торопливым шагом вышел из казино. Милославская почувствовала, как служащие в раз облегченно вздохнули. Тут же они дружно засмеялись такому единомыслию. Видно, этого человека тут боялись, а значит, уважали.

Самой ей здесь оставаться больше не имело смысла. Не съев и и половину порции, она отодвинула тарелку, достала из сумочки зеркальце, немного подправила на губах помаду и, слегка покачиваясь от головокружения, побрела к выходу. Если бы кто-то в этот момент наблюдал

за ней, то точно сказал бы, что она пьяна.

Выйдя на обочину дороги, гадалка поймала такси и, назвав водителю свой адрес, отправилась восвояси.

ГЛАВА 6

— Джемма, ну что ты... — потягиваясь, произнесла Милославская.

Собака давно уже лизала ей ладонь, пытаясь добудиться. Яне стала щекотно, она отдернула руку и улыбнулась.

— У-у-у-у, — протянула она, вытягиваясь всем телом.

Джемма присела около кровати и, поджав хвост, стала любоваться своей хозяйкой. Она любила смотреть, как та нежится в кровати, любила наслаждаться той гармонией, в состоянии которой Яна в такие минуты находилась.

— Проголодалась? — спросила гадалка.

Джемма обернулась и гавкнула на дверь.

— Понятно. Придется встать.

Собака огляделась и, взглядом найдя Янины тапки, ухватила их зубами.

— Давай, давай, — поторопила ее Милославская.

Яна села на краю кровати. Перед ней замелькали мушки. Она встряхнула головой и резко поднялась, тут же пошатнувшись от помутнения в глазах.

Она прекрасно выспалась, бросившись на кровать сразу после приезда домой, и теперь, казалось бы, ей следовало быть бодрой и полной энергии. Однако чрезмерное расслабление на этот раз лишило Яну дееспособности, а не наполнило ее силами, а потому вот так сразу гадалка не смогла проявить стойкости оловянного солдатика.

Ширкая тапками, она поплелась к двери. Приоткрыв ее, выпустила на улицу истомившуюся Джемму. Недовольно посмотрела на свое отражение в зеркале и, хотя с грустной ноткой, но оптимистично, заключила:

— Чашка кофе, и я буду в норме.

В действительности первым делом гадалка взялась за сигарету, впившись в нее губами, словно утомленный жаждою путник. Уставившись в окно и поначалу совершенно ни о чем не думая, Милославская бесцельно наблюдала за облачками дыма, окутывающими ее.

Потом совершенно механически она взяла в руки джезву и принялась за приготовление кофе. Безусловно, Яна знала о существовании разного рода кофеварок и кофе-машин, но напиток, приготовленный посредством их, на взгляд гадалки, не шел ни в какое сравнение с тем, что получался у нее благодаря «старой серебряной железяке».

Терпкий, без сахара, кофе сразу ее взбодрил.

— Можно жить и работать! — многозначительно заключила она, ополаскивая чашку и направилась в душ, подумав, что это будет последний штрих к ее восстанавливающемуся после сна портрету.

Обрызгавшись после купания с головы до ног энергоспреем, Яна облегченно и жизнерадостно вздохнула.

— Теперь стоит подумать о том, что делать дальше, — с серьезностью подытожила она.

В этот момент во дворе раздался громкий собачий лай.

— Что там еще? — пробормотала Милославская и подошла к окну, зная, что такое поведение собаки обычно извещает о прибытии гостя.

У ворот медленно разворачивалась сияющая блеском иномарка.

— Людмила, — серьезно произнесла гадалка и торопливо пошла к двери.

Не успела гостья лязгнуть щеколдой, как Милославская приветливо отозвалась:

— Иду-иду.

Джемма не стала заливаться лаем, видя, как настроена ее хозяйка. Но, будучи животным бдительным и предусмотрительным, она опередила Яну и, энергично отбивая хвостом, остановилась у калитки.

— Здравствуйте, — произнесла Люда, немного виновато глядя на Милославскую.

— Добрый день, — ответила та. — Проходите.

Людмила поправила черный гипюровый платок, косынку повязанный у нее на голове, и несмело вошла во двор.

Траурный вид клиентки и Милославскую заставил сменить выражение лица.

— Мы ехали в этом направлении, и я решила заскочить, спросить, нет ли чего нового у вас для меня, — объяснялась Люда, следуя за хозяйкой дома.

— Заходите, — Яна указала Людмиле на дверь, — в доме поговорим.

Та молчаливо кивнула и быстро поднялась по ступенькам крыльца.

Милославская отстранила трущуюся о ноги Джемму, и та, радуясь, что ее прогулка может еще продолжаться, огромным прыжком рванула назад, в сторону ворот.

— Я сейчас только с постели, — начала гадалка, усадив гостью напротив себя в кресло. — Отдыхала после гадания. Знаете, один сеанс выжимает из меня все соки...

— Конечно, разумеется, — согласилась с ней Люда, но в глазах ее

откровенно стоял немой вопрос: есть ли результат.

— Но, — продолжила Яна, — начну с того, что привело меня к нему.

И Милославская поведала клиентке историю своего похождения в казино от самого начала.

— Вы смелая женщина, — с удивлением заключила Людмила. — Идти туда, пытаться что-то разузнать...

— К этому обязывает меня моя работа, — вздохнув, ответила гадалка, — и ничего героического тут нет, тем более, что этот ход оказался ложным. Впрочем, думаю, отчаиваться нам не стоит. Я не потратила на него много времени и сегодня же планирую начать расследование по другому пути, — Яне хотелось подбодрить клиентку.

— Правда? — поначалу поникнув, оживилась гостья.

— Правда.

— Ну так... я, наверное, вас... задерживаю?

— Нет, что вы.

— Нет, нет, я пойду, — заторопилась Люда. — Ничто не должно вас отвлекать. Преступники должны быть найдены и наказаны как можно быстрее! — в голосе этой хрупкой на вид женщины вдруг появился металлический оттенок.

Людмила встала.

— Проводите меня, — сказала она.

— Как скажете, — ответила Милославская, поправляя упавшую на лицо прядь волос. — А то, может, кофе выпьете?

— Нет-нет, работайте, пожалуйста, — Люда посмотрела с мольбой и благодарностью.

— Ну что ж, — Яна тоже встала, — идемте.

Она проводила гостью до калитки.

— Заранее благодарна, — тихо сказала та и, немного постояв, пошла к машине.

— Джемма, — позвала гадалка, — идем домой. Слышала — ничто не должно меня отвлекать? А то сейчас сяду думать, а ты тут как тут — когтями дверь царапать. Идем, идем, хватит уже пыль во дворе поднимать! К вечеру, может, на пустырь сходим, там уж вволю разгуляешься...

Собака невесело, но все же пошла за хозяйкой. Верхом насыпав в ее миску сухого корма, Яна удалилась в свой кабинет и, уединившись там, закрыла дверь.

Однако, видно, не суждено ей было так скоро по-новому взяться за дело. У двора снова раздался гул мотора, снова сердито залаяла Джемма, снова пришлось вставать и идти к окну.

— Кого еще принесло? — сердито бормотала при этом Милославская.

Увидев давным-давно знакомую ей «шестерку», она с одновременным расстройством и радостью протянула:

— Три Семе-о-орки...

Было досадно, что начало расследования в новом направлении в связи с неожиданным визитом Семена Семеныча откладывается еще на некоторое время — разговор с приятелем редкий раз оказывался коротким.

После посещения Людмилы Милославская, хотя она и не показывала виду и не хотела себе в этом признаваться, стала испытывать неприятное чувство вины перед клиенткой, и теперь ей как можно скорее хотелось предпринять что-то, чтобы от этого чувства избавиться. Семен Семеныч, видимо, о таких нюансах думать не хотел, а потому и явился к подруге во вроде бы неподходящий момент.

В то же время Яна ему обрадовалась, так как ее терзало непреодолимое желание излить кому-то понимающему душу и поделиться недавно пережитыми впечатлениями. А Три Семерки — чем не жилетка, в которую можно лить слезы и... не только? Кроме того, явление Руденко подавало надежду на получение радостных или по меньшей мере свежих и весьма полезных новостей.

Яна с полуулыбкой на лице дала вышедшему из машины Семену Семенычу знак, означающий — сейчас выйду, жди — и засемила к выходу. По дороге до двери она пыталась понять, признаком чего может являться его взволнованное лицо и нахлобученная как-то набок фуражка — радости или же, напротив, отчаянья.

Руденко, приняв к сведению поданный ему Яной знак, присел на край капота и закурил. Он задумчиво и хмуро глядел вдаль, когда Милославская открыла калитку.

— Привет, — тихо сказала гадалка.

Семен Семеныч повернул голову и так же спокойно ответил:

— Здорово.

Он привстал и пошел вслед за Яной, которая двинулась назад, вглубь двора.

— Вижу, невесел... — спросила она его, не оборачиваясь.

— Да как тебе сказать, — ответил Три Семерки, пожав плечами. — Пустота внутри какая-то...

— Чего так?

— Подожди, я докурю, — остановил Семен Семеныч гадалку, поднявшуюся уже на верх крыльца.

Яна оглянулась и, видя задумчивость приятеля, присела на верхнюю

ступеньку. Искоса глянув на гадалку, Руденко сделал то же самое.

— Ну так что у тебя? — повторила свой вопрос Милославская.

— Порожняк, — вздохнув, ответил Три Семерки.

— То есть?

— Ну, начал я копать, пытаюсь узнать, не была ли назначена накануне Воробью стрела и не отреагировал ли он на таковое приглашение резко настолько, что его просто убрали с арены...

— О-о-о, друг мой, — иронично протянула гадалка, — далеко же ты ушел! Ну и откопал что?

Руденко молчали развел руками.

— Ни о каком скандале накануне убийства никто ничего не слышал. Говорят, все было вроде мирно, и тут на тебе — хлоп! — убрали человека. Короче, в криминальных кругах, смерть этого типа была полной неожиданностью.

— И ты доверяешь этим криминальным кругам? — криво улыбаясь, спросила гадалка.

— На этот раз да, — спокойно ответил Три Семерки. — Источник надежный...

Милославская задумалась, а потом, уже серьезно, произнесла:

— Знаешь, Сема, честно говоря, я и сама в этом плане ничего хорошего не выявила.

Руденко посмотрел на подругу вопросительно.

— Была я с утра в «Золотом руно»... — как бы невзначай проговорила она.

— Ты???

— Угу. И вывод для себя сделала однозначный — не там мы ягоду-малину ищем.

Три Семерки в упор смотрел на гадалку, не в силах поначалу ничего сказать. Она же, знакомая с такой реакцией, ждала, когда это у него пройдет, и молча глядела в сторону.

Вскоре Руденко как прорвало:

— Ты??? Да как??? А если бы??? Черт знает что! Почему не предупредила? Я бы с тобой в конце концов пошел!

— Только мента в погонах мне под боком нынче и не хватало, — парировала гадалка. — Тогда уж меня точно встретили бы с распростертыми объятиями и проводили бы с кучей вопросов в голове. А так — все ясно.

— Но ты рисковала, черт возьми!

— Господи, Сема! В первый раз что ли?! — Милославская горько

усмехнулась. — И, по-моему, я довольно часто обходилась без твоей помощи... — добавила она осторожнее.

Семен Семеныч немного помолчал, сначала взволнованно сопя, а потом дыша уже куда ровнее, и наконец произнес:

— Да, ты права, права. И все же я жутко переживаю за тебя, Янка! Ну да ладно, — подытожил он, — давай все по порядку, как и что.

— Идем тогда в дом что ли... — предложила гадалка.

— Да ну его! — отмахнулся Руденко. — Давай тут посидим. Вон у тебя здесь красота какая, — Семен Семеныч взглядом обвел двор, — гляди только и любуйся.

— Ну как скажешь, поэт ты мой, — вздохнув, с улыбкой ответила Яна и, сев поубнее, начала описывать приятелю свой визит в казино в мельчайших подробностях.

Руденко слушал, сопел, хмыкал, удивляясь. Когда Яна закончила, он, зачем-то поправив фуражку, произнес:

— М-да... Рискованная ты женщина, Яна Борисовна...

— Рискованная... — вздохнув и пожав плечами (дескать, ничего не поделаешь), ответила Милославская.

— И что думаешь делать дальше? — откусывая заусенец, спросил Руденко.

— Пока не знаю. Собственно у меня, как и у тебя, — пока пустота.

Яна не стала говорить, что Три Семерки помешал ей строить планы, зная, что Семен Семеныч на это обязательно обидится. Порой он был совершенным ребенком, и Милославской тогда приходилось вживаться в роль заботливой мамы, а порой... упрямство Руденко перебороть было просто невозможно.

— Мне, Сема, вот такая мысль пришла, — немного помолчав, начала Яна, — а не было ли у Воробья еще какого бизнеса, помимо казино?

— Ну-у-у, ты скажешь тоже, — скептически протянул Три Семерки, а сам задумался.

— А что? Другой бизнес — это другие связи, другие люди, другие конкуренты, — Пожав плечами, парировала гадалка.

— Да что ты все заладила конкуре-е-енты, конкуре-е-енты... Других причин что ли быть не может!

— Может, почему же. Но ведь убийство на почве конкуренции среди таких, как Воробей, довольно распространено... Они по-другому-то решать свои проблемы не способны...

— Распространено. Но я почему-то не склонен об этом думать.

— Ты уж прости, Сема, — как-то вытянувшись, сказала гадалка, — но

ты слишком часто не склонен думать именно о том, что в итоге оказывается истиной.

— Бывает, не скрою, — удивив Яну столь редкостным благоразумием, ответил Три Семерки.

Он потянулся и, оторвав от росшего рядом с крыльцом куста смородины коротенький сучок, стал жевать его.

— Не порть растения и зубы, — поучительно произнесла гадалка и отобрала у приятеля тонкий сочный стебелек, бросив его на землю. — Сема, ну почему ты так упрям...

— А я баран по гороскопу, — засмеявшись, ответил Семен Семеныч.

Милославская подхватила смех приятеля, а когда он успокоился, серьезно спросила:

— Ну что, бар... Овен, возьмемся?

— Возьмемся, куда ж мы денемся, — утирая выступившие слезы, ответил он. — Другого-то варианта сейчас все равно нет? — Руденко посмотрел на Милославскую пристально.

— Нет, — уверенно ответила та.

Воробьи суетливо щебетали на дереве, перепрыгивая с ветки на ветку, и между приятелями на время установилось молчание, потому что они залюбовались ими.

— Вот жизнь, — завистливо протянул Руденко, — ни забот, ни хлопот. Чирикают себе да чирикают. И шефа у них нет... Счастливые!

— Хм, — прыснула Милославская. — Почему же нет? Смотри, вон тот, самый толстенький, он, наверное, их шеф. Глянь, как громко чирикает. Ишь, раскомандовался!

— А нахохлился-то! Прямо как наш! — с серьезным недовольством проговорил Три Семерки, задрал голову. — Глянь, так и норовит самого худого с ветки скинуть! Наглый какой!

Яна, еле сдерживая смех, наблюдала за Руденко, а когда он чуть не бросился на защиту подчиненных самого бойкого воробья, во весь голос расхохоталась, говоря:

— Идем в дом, обстановка тут нерабочая, — теперь уже она утирала слезы.

— Да ну тебя! — поднимаясь, махнул рукой Семен Семеныч. — Смеешься! Посмеялась бы на моем месте. У нас завтра с утра планерка...

— Идем, идем в дом, не думай об этом, — похлопывая Руденко по плечу, сказала Яна. — Утро вечера мудренее...

— Сытый голодного не разумеет... — в тон ей, вздыхая, ответил Семен Семеныч.

Милославская молча провела приятеля в свой кабинет и усадила на диван.

— Так-то лучше, — заключила она, сама усаживаясь в кресло.

— Если ты о другом бизнесе задумываешься, — начал Три Семерки, желая побыстрее уйти от той смешной ситуации, в которой он невольно оказался, — то, думаю, тебе к клиентке твоей следует обратиться. Кому как не жене лучше всего знать о делах мужа? — Руденко сделал довольное своим выводом лицо.

— Муж да жена — одна сатана, Сема. Только не в этой ситуации, — покачивая головой, заметила гадалка.

— Не понял, — Руденко удивленно приподнял брови.

— Обстановка в семье Воробьевых сложилась так, что Люда навряд ли сможет мне чем-то помочь, — пояснила Яна. — Она вообще не имела доступа к делам мужа.

— Доступа не имела, но в курсе-то все равно была, — возразил Три Семерки. — Жена как-никак...

— В том-то и дело, что и в курсе не была. После женитьбы там все тип-топ было: общие интересы и так далее, театры там всякие, цирк, кафе... Но тогда они мало чем отличались от тысяч таких же молодых семей.

— И мы так когда-то жили... — с ностальгической улыбкой произнес Руденко.

Милославская с болью вспомнила о своей семье, но не дала воли эмоциям, заключив только:

— Все когда-нибудь кончается. Кончилась и бедная, но зато счастливая жизнь Воробьевых — Алексей занялся бизнесом, в семье появились настоящие деньги, а вместе с деньгами, как это всегда бывает, — амбиции.

— Так оно в жизни бывает... — понимающе закивал Семен Семеныч.

— В итоге Воробей сказал жене, что ее место только дома, рядом с сыном, и вообще перестал посвящать в свои дела.

— Ты бы небось на такую участь не согласилась? — криво улыбаясь, спросил Три Семерки и глянул на Милославскую.

— Та тоже сначала не соглашалась, но вскоре привыкла и жила до последнего времени вполне довольной своим существованием, — ответила гадалка. — Так что с мыслью обрести в лице моей клиентки надежного помощника тебе, Семен Семеныч, придется расстаться. Но вот наведаться к ней мне все-таки, наверное, придется.

— Зачем?

— Попробую сама выискать что-нибудь, — пожав плечами, ответила

Яна. — Переверну все документы... Кабинет, наверное, был у него рабочий, — Милославская вопросительно посмотрела на приятеля.

— Наверное, был, — согласился тот. — Сейчас это в моде...

— Боюсь, Людмила до сих пор боится прикоснуться к вещам мужа. А вот мне придется...

— Что ж, идея, в принципе, неплохая, — протянул Три Семерки. — Когда поедешь к ней?

Яна посмотрела на часы.

— Да прямо сейчас.

— Меня берешь?

— Сема, зачем пугать женщину? Сам подумай, какое впечатление может сейчас произвести на нее милиция. Лишнее напоминание о случившемся... Ее и так, наверное, уже допрашивали.

— Ты права. Честно говоря, у меня и в отделе дел полно.

— Ну вот. Слушай, а может тебе по их друзьям-знакомым шерстить пока, а?

Три Семерки посмотрел на подругу с непониманием.

— Люда сказала, что с родственниками и приятелями у Воробья не возникало трений, — пояснила гадалка. — Но кто их там знает, может, тайные недоброжелатели все же имелись. Надо хотя бы насчет алиби всех их проверить... Мне просто некогда пока было, да и в голову, честно говоря, не пришло. Она так категорично утверждала насчет их хороших отношений... Но мы-то с тобой знаем, какой финал иногда у таких историй бывает...

— Наши и так все их окружение проверят.

— Да ваши пока соберутся! Давай, Сема, действуй, а? Прямо сейчас начни... Адреса и фамилии теперь уж есть в отделе.

— Собирайся тогда, подвезу.

— Вот за это я тебя и люблю! Я мигом.

ГЛАВА 7

Дом Воробьевы имели даже по современным, выдавшим виды меркам, шикарный. Находился он в очень живописном месте. Правда, на окраине города, зато район считался одним из самых экологически чистых: вокруг на несколько километров ни заводов, ни фабрик, ни предприятий ни крупных дорог.

В последнее время поселок активно строился. Один за другим вырастали стройненькие коттеджи, затмевая друг друга размахом постройки и красотой.

Старых домов тут практически не было — «новые русские» осваивали эти территории, и только с правой стороны длинной извилистой лентой тянулась Болдыревская улица прилегающего к этому новому микрорайону села.

Позади микрорайона возвышалась гора, поросшая густым лесом, где было несколько родников, образовавших постепенно чистый пруд, круглый по форме и похожий на озеро. Лес возвышался вокруг него амфитеатром.

Несмотря на идущие строительные работы, в микрорайоне было чисто: дорожки вдоль домов гладко заасфальтированы, вдоль них — молоденькие беленые саженцы, кое-где успевшие уже подрасти, заборчики все ровные, во дворах — порядок. И сами дома — кирпичик к кирпичику, статные, стройные, величавые.

Строящийся район имел развитую инфраструктуру.

Предприимчивые дельцы, мгновенно взвесив интересы, возможности и потребности в досуге заселяющегося контингента, взяли дело в оборот и в короткий срок возвели по соседству с микрорайоном комплекс, в котором, помимо разного рода спортивных секций, был так востребованный сегодня бильярд, сауна, бассейн, солярий. В первый же год тут открылся и косметический салон, и парикмахерская, и ресторанчик, и сеть магазинов, и филиал банка, и прочее, прочее, прочее.

В общем, находясь в отдалении от центра города, жильцы этого района особой нужды в нем не испытывали, а добраться туда отсюда на машине можно было минут за двадцать-тридцать, да и общественного транспорта в последнее время тут развелось предостаточно.

Хотя семейство Воробьевых, как и многие другие, на них похожие, даже номеров маршрутов общественного транспорта не знало, потому что в каждом доме тут был свой автомобиль, а то и несколько. Городским

транспортом пользовались в основном представители того самого старого поселка, который находился рядом, и жители которого смотрели на новенькие особняки «пришельцев», как они их меж собой называли, с тайной завистью и ненавистью.

Милославская распрощалась с Руденко у въезда в Новый микрорайон и неторопливо зашагала по неширокой ровной дорожке, обрамленной беленькими высокими бордюриками.

Она шла и любовалась теми двориками, которые не были скрыты высокими бетонными заборами. Красивая кованая ограда позволяла глазу наслаждаться великолепием цветущих палисадников и богатством ухоженных клумб. «Тут явно поработал садовник», — замечала гадалка про некоторые из них и втайне мечтала завести у себя такое же хозяйство. Впрочем, она тут же признавалась себе, что поддерживать его в надлежащем состоянии у нее вряд ли когда-нибудь будет время.

Номера домов на новеньких гладких табличках подсказывали Яне, что дом Воробьевых уже совсем рядом. Она рисовала его себе в воображении, но реальность превзошла ожидания.

Особняк оказался трехэтажным, очень интересного, оригинального стиля постройки. Хозяину, верно, повезло с архитектором, которого Всевышний не обделил талантом, а может быть, с дизайнером, да и, скорее всего, сам он имел завидный вкус.

Первое, с чем пришлось столкнуться Милославской — охрана, денно и нощно несущая службу возле дома. Не успела Яна дотронуться до домофона, как из трубки прогремел суровый мужской голос, почти приказывающий ей назвать себя.

Гадалка вздрогнула от неожиданности, но тут же взяла себя в руки и представилась. Некоторое время ответом ей было молчание, потом вдруг металлические ворота, ведущие на территорию особняка, автоматически открылись, предполагая впустить внутрь автомобиль. Чувствуя себя немного скованно, Милославская вошла. Тут же ее оглушили сумасшедшим лаем три огромные собаки, которым здоровенный охранник, встретивший Яну, жестом велел замолчать.

«Слава богу, я Джемму не взяла, — с облегчением подумала Милославская, — вышла бы сейчас потасовочка!»

— Добрый день, — сухо поприветствовал мужчину гадалку, — пройдите за мной.

Яна ответила кивком и последовала за ним, даже не пытаясь бороться со своим женским и профессиональным любопытством, которое заставляло ее заглядывать в каждый угол.

— Людмила Михайловна ожидает вас на третьем этаже, — известил охранник и гадалка снова молчаливо кивнула.

Он вдруг указал гостье на две узкие дверцы, которые тотчас открылись — наличие лифта Яну по-настоящему удивило. Впрочем, это было не первое и не единственное, призванное поразить ее в этом доме — прямо у лифта стояла высоченная фигура мексиканского ковбоя из папье-маше, которую Милославская приняла поначалу за живое существо и даже вздрогнула — ковбой смотрел натурально, сердито и неприветливо, готовясь выхватить пистолет, внушительно выглядывающий из кожаной кобуры.

Гадалка, пожившись, вошла в сверкающий зеркалами лифт — мужчина последовал за ней и, повернувшись спиной, нажал нужную кнопку. Лифт неслышно взметнулся вверх. Охранник вышел первым и повел Милославскую по просторному коридору.

— Хозяева пользуются лифтом редко, — пояснил он, стряхивая с пальцев пыль. — Нужно будет сделать замечание Соне...

Милославская же, выйдя из лифта, оглянулась и увидела справа витую деревянную лестницу, ведущую вниз. Заметив Янин взгляд, охранник комментировал:

— Людмила Михайловна чаще спускается пешком. А вот и она...

— Яна Борисовна! Здравствуйте еще раз, — воскликнула Людмила, неожиданно появившаяся в коридоре.

Она посмотрела на гостью хотя и обрадованно, но вопросительно.

— Извините, что вот так вас встречаю, — Люда виновато потрепала свой легкий спортивный костюм. На голове у нее все так же была повязана черная косынка.

— Да как вам будет удобно! — успокоила ее Милославская.

Она оглянулась на охранника. Людмила тут же поняла ее жест и кивком велела мужчине удалиться.

— Пройдемте в комнату отдыха, — пригласила хозяйка.

— Пройдемте, — согласилась гадалка. — Ой, что это? — удивленно воскликнула она, тут же остановившись. — Какая вещица забавная!

Людмила испуганно оглянулась.

— Ах, это! Это подставка для цветов.

— Какая интересная!

— Да, в виде мужских брюк с ботинками... Редкость, конечно. Это приобретение Алеши, — с грустью добавила хозяйка. — А ковбоя там внизу видели?

Милославская кивнула.

— Это тоже он купил. Это было в его вкусе. Я не возражала...

— Извините, я не хотела напоминать...

— Я не виню вас. Все это, — Люда посмотрела снова на цветочную подставку, — сейчас мне так дорого стало! Алеша говорил, что это останки его врагов — брюки и ботинки, — хозяйка погладила цветочницу. — Найдем ли мы их?...

— Обязательно найдем.

Женщины прошли в комнату отдыха. Это была просторная светлая зала с двумя большими диванами, креслами и огромным гамаком.

— Это тоже Алеша, — сказала Люда, указывая на гамак. — Отсюда открывается замечательный вид на лес, — добавила она, подойдя сразу к окну и желая, наверное, сменить начинающее снова овладевать ею трагическое настроение.

Милославская приблизилась.

— Чудесно, — произнесла она, посмотрев на улицу. — Я ведь, Людмила, за тем и пожаловала, чтобы лучше изучить ваш дом.

— То есть? — удивленно произнесла хозяйка.

— Скажу откровенно: у меня возникла мысль, что, помимо казино, ваш муж имел еще какие-то деловые интересы, занимался еще каким-то бизнесом.

— Хм, странно, я никогда об этом не задумывалась, — недоверчиво произнесла Воробева, — не предполагала даже.

— Чем черт не шутит, — гадалка пожалала плечами.

— Ну ладно, — отмахнулась от своих сомнений Люда. — И что из этого?

— Я хотела бы изучить ваш дом, точнее, кабинет вашего мужа... У него был кабинет?

Люда кивнула.

— Хочу попытаться найти какую-нибудь зацепку. Думаю, обязательно ее найду.

— Может быть, это идея, — одобрила намерение гостьи Людмила. — Ведь я, честно говоря, в последнее время и заходить туда побаивалась, а потом просто по привычке стала проходить мимо. В конце концов, все детективы начинают с этого... Можете еще бильярдную осмотреть, Алеша там много времени проводил с друзьями. И вообще, любую комнату... В общем, дом в вашем распоряжении, — закончила хозяйка совсем уверенно.

— Мне всегда приятно сотрудничать с такими клиентами, — сказала Милославская и дотронулась до плеча Людмилы, — спасибо. Думаю, бильярдная меня не заинтересует, а вот кабинет... пожалуй, я начну с него.

— Давайте чаю сначала выпьем?

— Чаю... Давайте. Меня душит жажда.

— А я не ем ничего. Может хоть чаю, в компании с вами... — произнесла Люда дрожащим голосом и удалилась.

Оставшись наедине с собой, Милославская опустилась в гамак и задумалась, слегка покачиваясь.

Вскоре вернулась Людмила, с подносом в руках, с покрасневшими влажными глазами. Яна не посчитала нужным успокаивать ее, молча взяв с подноса дымящуюся чашку. Почти молча прошло и чаепитие.

— Идемте? — первой поставив пустую чашку на поднос, произнесла гадалка.

— Идемте, — ответила ей хозяйка.

Женщины вышли из комнаты отдыха и направились направо по коридору.

— Это каминный зал, — остановившись, пояснила Людмила, видя, что Милославскую заинтересовала комната, мимо которой они проходили и двери в которую были распахнуты настежь.

— Красиво, — покачивая головой, заметила Яна. — Я вынуждена сделать очередной комплимент вашему вкусу, — добавила она и двинулась вперед, решив обязательно приобрести такой же высокий причудливой формы канделябр, какой поразил ее в каминном зале Воробьевых.

ГЛАВА 8

Оказавшись наконец в кабинете Алексея и оставшись там в одиночестве, гадалка призналась себе, что испытывает облегчение. Настроение убитой горем женщины подавляло ее.

Первым делом она просто огляделась. «Тесновато, — мысленно отметила Яна, — но все остальное мне, кажется, нравится». Оформление хозяйского кабинета пришлось ей по душе.

Милославская уселась в высокое кожаное крутящееся кресло за столом и задумалась. Думать тут было весьма удобно: высокая спинка кресла так и манила голову откинуться и уйти в мыслях от реальности. Однако этого гадалка себе позволить не могла.

— Так, так, так, — пробормотала она. — Посмотрим сначала книжные полочки?

Для того чтобы их осмотреть, с кресла вставать не нужно было: полки располагались по правую и по левую стороны под углом к столу. Между ними, за креслом, находился простенок. Милославская просто сделала поворот и повернулась лицом к стеллажам.

На верхней полке стояли какие-то четыре толстые книги в золотистых переплетах. Под ними была прикреплена узенькая табличка с мелко написанными буквами. Яна прищурилась и прочитала: антикварная литература.

— Ого! — протянула она. — Хобби? Навряд ли. Тогда их было бы не четыре, а хотя бы четырнадцать, — Милославская, встав, достала и потрепала одно из изданий и, вернув его на место, перевела взгляд на другую полку.

В середине ее стоял довольно большой портрет в золоченой рамке. Присмотревшись к нему, гадалка решила почему-то, что изображенные художником мужчина и женщина — родители Алексея. Тут же она, как опытный эксперт, заключила, что, хотя «родители» запечатлены совсем молодыми, картина написана не так давно и, вероятно, с фотографии. По бокам портрет обрамляли две маленькие корзинки с искусственными букетиками.

Нижние под этими двумя полками стеллажи были забиты книгами. Присмотревшись к переплетам, гадалка увидела названия изданий по магии, гороскопы. Тут же всунуты были несколько детективов современных авторов, пара книг по искусству, словарь жаргонных слов,

энциклопедия автомобилей и еще куча всего, что классифицировать и найти логику в отборе было весьма сложно.

Куда более интересными, хотя и так же мало подходящими друг к другу, показались Милославской предметы, стоящие на краю полка и заслоняющие собой книги: узорчатый серебряный кубок, полный разных канцелярских мелочей, которые Яна тут же старательно перебрала; фарфоровая статуэтка голой пышногрудой дамы, стыдливо закрывшей лицо руками; маленькая икона Богоматери; фотография самого Алексея за тем же столом, за которым сейчас так вольготно расположилась Милославская... Пересмотрев это и другое, гадалка не нашла ничего для себя в плане расследования полезного.

Полностью обернувшись назад, к простенку за креслом, Яна увидела на нем прекрасный натюрморт: пышные белые розы в прозрачной стеклянной вазе — и ненадолго залюбовалась им.

— Нет времени, нет времени, — тут же отругала она себя и оглядела наконец стол, за которым сидела.

Он тоже удивил ее. На самом краю, справа, стояла керамическая копилка, свинья, только почему-то зеленая. Яна улыбнулась и приподняла ее.

— Тяжеловата, — заключила она, — значит не только для красоты тут стоит. Никогда не думала, что богатые люди могут так развлекаться...

Рядом со свиньей стоял большой глобус. Милославская с наслаждением покрутила его, мечтая хотя бы на старости лет заняться путешествиями.

— А вот это уже в качестве украшения, — подытожила она.

Тут же, на правой стороне, стояла красивая настольная лампа, под тканевым абажуром которой прятались приделанные к стержню два хрустальных лебедя.

На противоположном краю стоял телефон, бронзовая, довольно крупная статуя распластавшего крылья орла, пластмассовая коробочка со скрепками, и кучей навалены были незапылившиеся еще журналы. Яна почти бесцельно полистала их и тяжело вздохнула.

Затем она стала один за другим выдвигать ящики, пытаясь найти то, за чем она сюда пришла. Однако ящики также были полны всякой ерунды, о существовании которой, наверное, и сам хозяин давно забыл. Милославская почти расстроилась, даже рассердилась, потом, решив взять себя в руки, сказала:

— Тихо! Надо успокоиться.

Она снова отвернулась от стола вместе с креслом, снова остановила

взгляд на натюрморте.

— Интересно, чего он стоит? — задумчиво проговорила гадалка и привстала, чтобы снять картину и рассмотреть ее поближе.

Однако, натюрморт не собирался поддаваться на «провокации». Он словно прилип к гвоздю, на котором висел. Но и Милославская сдаваться не собиралась. Всерьез опершись на край книжных стеллажей, она потянула картину сильнее. Стеллажи вдруг стали уходить от нее куда-то в глубь стены. Яна сначала не поняла, в чем дело, но потом, быстро догадавшись, ахнула — они служили всего лишь дверцей в потаенное отделение таких же полок и, надавив на косяк, можно было образовать проход к тем тайным отделам.

— Боже мой! — испуганно и радостно прошептала Милославская, немного отстранившись. — Кажется, я не зря сюда пришла.

Она несколько испуганно оглянулась на дверь и, увидев на ней маленький золоченый шпингалетик, вернулась назад, задвинула его и только после этого перевела дыхание.

Милославская снова подошла к стеллажу, снова с замиранием сердца отодвинула его и увидела образовавшееся за ним пространство. Оно не было большим, но вполне позволяло стоять внутри себя и даже двигаться, осматривая полки. Вдохнув и предусмотрительно подобрав живот, гадалка протиснулась за стеллаж и с наслаждением заметила, что тут есть, в чем покопаться.

Прежде всего на себя обратили внимание три небольших ящика, расположенные друг под другом. Милославская выдвинула самый верхний и тут же заключила, что не прогадала. Горкой лежали в ящике какие-то бумаги, оказавшиеся различными счетами. Отдельные их стопки были соединены скрепками.

С некоторым разочарованием Яна открыла для себя платежи за газ, свет, землю, телефон и так далее, нашла чеки по налоговым взносам за автотранспорт и недвижимость.

Гораздо больше удовлетворения ей принесло изучение того, что касалось различных выплат, связанных с деятельностью казино. По счастью, за время своей работы на поприще различных расследований, Милославская — что было просто острой необходимостью — освоила некоторые бухгалтерские тонкости и достаточно легко могла разобраться в бумагах такого толка.

Руководствуясь опытом и не без помощи найденного в кабинете калькулятора, она вычислила, что те мелкие неувязки, которые определенно существовали во взаимоотношениях Воробьева с налоговой инспекцией

едва ли могли быть причиной его гибели.

Во втором ящике гадалка, к собственному удивлению, помимо пачки долларов и пластиковой карты, нашла действующую сберкнижку. Ей представлялось, что ими давно уже пользуются только пенсионеры и малоимущие, да и вообще, Яна была убеждена, что богатые россияне отечественным банкам доверять перестали, но, как оказалось, она была не совсем права.

Никто сейчас, наверное, уже не мог объяснить причину столь необычного выбора хозяина сберкнижки, поэтому, поразмышляв над этим немного, Милославская поспешила перевернуть титульный лист документа.

— Воробьев Алексей Михайлович, — вслух прочла она и последовала дальше.

Выяснилось, что Воробей довольно редко пользовался сберегательной книжкой и что в последний раз (не так давно) он снял с нее значительную сумму денег. Последнее обстоятельство серьезно заинтересовало гадалку. Бизнес в казино был уже вполне хорошо налажен и едва ли требовал единовременного крупного вложения.

Гадалка перенесла все записи из сберкнижки в свой рабочий блокнот и вернула найденное назад в ящик. После этого она продолжила свои поиски и, хотя далеко не сразу, они порадовали ее: на одной из верхних полок стеллажей Яна нашла загадочный кейс, открыть который ей не удалось. Присмотревшись к нему поближе, она обнаружила, что он вообще не открывается без специального ключа. Ключ найти Милославской, обрыскавшей все тайное помещение, не удалось. Гадалка решила, что необходимо позвать хозяйку, рассказать ей о найденном и потребовать от нее объяснений насчет него.

Милославская вышла из тайника, закрыла его, отперла дверь и громко позвала Людмилу.

— Иду! — сразу отозвалась она из соседней комнаты.

Чувствовалось, что хозяйка давно ждала этого приглашения.

— Пообедаете? — произнесла она, глядя на гостью, но глаза ее спрашивали совершенно о другом.

— Возможно, — задумчиво ответила Милославская, — но не сейчас. — Скажите, Люда, — тут же продолжила она, многозначительно поджав губы, — вы вот об этом знали?

Яна надавила на край внешних стеллажей и тайник без какого-либо постороннего звука вновь обнаружил себя. Глаза хозяйки медленно расширились и, закачав головой, она растерянно прижала ладони ко рту.

— Я догадывалась... — сумбурно и испуганно заговорила

Людмила. — Алеша как-то невзначай упоминал в разговоре...

Но чтобы вот такое вот... Нет, я и представить себе не могла. Он не посвящал меня... Иногда говорил, что это может только навредить...

Она беспомощно посмотрела на гадалку и спросила:

— Что же теперь?

— Ничего, — пожалв плечами, ответила Милославская. — Я всего-навсего попрошу вашей помощи.

— Не знаю, смогу ли, — неуверенно залепетала Воробьева.

— Сможете, я не слишком многого требую, — достаточно жестко произнесла Яна.

Люда снова подняла на нее вопрошающий взгляд. Гадалка ненадолго исчезла в застенке тайника и вскоре появилась оттуда с кейсом в руках.

— Что это?! — воскликнула хозяйка.

— Вам, наверное, лучше знать.

— Но я в полном неведении!

— Так, так, так... — протянула Милославская, услышав разочаровавший ее ответ. — Люда, мы обязательно должны узнать, что внутри кейса, — собравшись с мыслями, заключила она. — Возможно, именно там разгадка.

— Что ж, конечно, давайте узнаем! — обрадованно закивала головой Воробьева. — Давайте!

— Вы не знаете, где может находиться ключ от дипломата? Я не нашла его, — сосредоточенно обратилась к хозяйке гостя.

— Ключ?.. Нет, не знаю. Тут где-нибудь посмотрите, — Люда обвела комнату взором.

Милославская захохотала.

— Людмила, вы что же думаете, я тут все это время развлекалась медитациями? Я дело делала и обыскала каждый сантиметр кабинета. Так что надежды найти ключ здесь нет никакой.

— Что же теперь делать? — едва не плача, произнесла Воробьева. — А давайте взломаем его! — вдруг радостно воскликнула она. — Сейчас я что-нибудь подыщу... — хозяйка стала рыскать по столу в поисках предмета на роль отмычки.

— Стоп! Стоп! Стоп! — остановила ее Милославская.

Люда уже протягивала ей ножницы.

— Думаю, это не поможет, — отрицательно качая головой, сказала гадалка.

Она приподняла перед собой кейс и, прищурившись, присмотрелась к замку.

— Насколько мне подсказывает мой опыт, — находясь все в том же положении, заключила Яна, — кейс этот очень дорогостоящий, и для его открытия потребуются не грубые методы нашего с вами вмешательства, а профессиональная помощь специалиста.

— И... что вы предлагаете?

— Прошу вашего разрешения удалиться вместе с кейсом, — тоном, не терпящим возражений, сказала Милославская, в упор глядя на свою клиентку.

— Ой! Я сейчас, подождите, — вдруг воскликнула Людмила и выбежала из кабинета.

Вслед за ее частыми шагами послышалось, как хлопнула дверь, потом раздался грохот, ворчанье хозяйки и вскоре она снова появилась на пороге кабинета.

— Вот! — Людмила протянула хозяйке круглую жестяную банку из под какого-то печенья, полную разных ключей. — Посмотрите, — сказала она, — может быть, найдется что-нибудь подходящее.

Воробева вывалила содержимое банки на пол прямо перед гостьей и разровняла образовавшуюся горку руками. Милославская присела, и первый же сосредоточенный взгляд позволил ей установить, что ничего похожего на ключ от кейса в этой гряде ключей и в помине нет.

— Но... — с надеждой глядя на Яну, проговорила Людмила, — у вас есть этот профессионал по открыванию сейфов?

— Думаю, будет, — уверенно и с улыбкой ответила гадалка.

Она поднялась с корточек, еще раз бросила на кейс горделивый взгляд и обратилась к хозяйке:

— Разрешите удалиться?

— Не разрешаю. Разделите со мной трапезу вот тогда... — по лицу хозяйки тоже скользнула едва заметная улыбка.

— Придется подчиниться, — по-солдатски кивнув, сказала Милославская.

Она прошла вслед за хозяйкой на кухню, где та удивила ее мастерски приготовленным сэндвичем с лососем в йогуртовом соусе и легким супом-пюре с картофелем и кукурузой.

— А вы мастерица, — восхищенно протянула Яна, увидев уже накрытый стол.

— Я для вас старалась, хотела угодить, — скромно опустив голову, ответила хозяйка.

ГЛАВА 9

— Алло, Семен Семеныч, ты меня слышишь? — в трубке слышался треск, и Яне приходилось кричать. — Это Милославская.

— Слышу, слышу, чего шумишь, — посмеиваясь, ответил Три Семерки. — Куда запропастилась?

— Работаю, — торопливо ответила гадалка. — Слушай, Сем, у меня к тебе дело.

— Валяй, — причмокивая и, очевидно, ковыряясь в зубах, ответил Руденко.

— Это не телефонный разговор. Надо встретиться. Заодно расскажешь, как там у тебя на рабочем фронте.

— М-м-м-м, — задумчиво протянул Семен Семеныч и, вероятно, глянул на часы, — Ты далеко?

— Я сейчас у городского парка. Тебе пять минут езды.

— Ну давай минут через пятнадцать.

— Буду ждать на скамейке у чертова колеса.

— Лады.

Милославская повесила трубку и зашагала в сторону расписных ворот городского парка. Надо сказать, в своей одежде весьма свободного стиля и с деловым кейсом, о котором многие бизнесмены даже и мечтать не могли, она выглядела довольно глупо. Дети, идущие из парка, с любопытством оглядывались на нее и толкали локтем в бок своих родителей, протяжно выговаривая:

— Ма-ам, глянь...

Один мальчик, отстреливаясь из водного пистолета, злобно назвал ее крестной матерью.

«С этим надо покончить», — мысленно заключила гадалка и, наклонившись к оконцу киоска «Роспечати», приобрела большой полиэтиленовый пакет. Помещенный в него кейс гораздо меньше привлекал внимание любопытных прохожих.

Яна, цокая каблучками, засемила по неширокой аллее парка, окаймленной высоченными старыми дубами, на которых нет-нет да и можно было заметить скачущую с ветки на ветку на белку. Скамейка, на которой гадалка условилась встретиться с приятелем, тоже находилась в живописном месте: позади нее протекал пруд, где обитали находящиеся под охраной парка лебеди. Любование ими всякому доставляло

удовольствие и могло длиться часами. Этим и занялась гадалка в ожидании друга. «Словно суженого жду, — подтрунивала она над собой, пряча в уголках губ улыбку, — и место-то какое романтичное...»

Тем временем Руденко не заставил долго себя ждать и вскоре появился перед Яной улыбающийся и свежий. Нынче он был в хорошем настроении.

— Сидим? — с нарочитой строгостью спросил он, присаживаясь рядом.

— Сидим, — вздохнув, ответила Милославская.

— Скучаем?

— Скучаем.

— Сейчас развлекаться будем.

Руденко встал и направился в сторону билетной кассы, откуда вскоре вернулся с двумя билетами на чертово колесо.

— Мы же должны как-то отметить объявленную мне сегодня благодарность, — объяснился он, протягивая билеты подруге.

— Ну, Сема, ты артист, — покачивая головой ответила она и тоже привстала со скамейки. — И чего это твой шеф сегодня так расщедрился? Ты никак что-нибудь интересненькое раскопал?

— Да нет, это за старое, ну, в общем тебя то дело не касается. Идем развлекаться.

— Развлекаться так развлекаться, — пожав плечами, ответила гадалка. — А вот я, как видишь, не без добычи, — сказала она, взглядом указав на пакет с кейсом, когда они уселись уже на креслах аттракциона.

— А я смотрю, — оживленно заговорил Семен Семеныч, — у тебя чемодан какой-то, в командировку, думаю, что ли собралась...

Он ждал от Яны немедленных объяснений и стал нетерпеливо покручивать ус, хищнически глядя на Янин пакет.

— Что ты, Сема, какая командировка, — вздохнула в ответ Милославская. — Стала бы я тогда прибегать к твоей помощи?!

Нисколько не намереваясь томить Руденко в ожиданиях, гадалка обнажила кейс, вытащив его из пакета. Кейс сверкнул в блеске солнечных лучей серебром своего покрытия...

— Ого! — Три Семерки присвистнул. — Это что за штука?

— Чемодан, как ты изволил выразиться, — Яна усмехнулась.

— Не, Яна Борисовна, кроме шуток.

— Ну... — многозначительно протянула Милославская, постукивая кончиками пальцев по своей находке, — я называю его кейсом.

— Едрит твою налево! — воскликнул Три Семерки. — Какая хрен разница: кейс, сундук чемодан?! Я тебя спрашиваю, откуда это взялось и

чем для нас чревато?!

Привлеченные дикими возгласами Руденко соседи приятелей по аттракциону возмущенно оглянулись на Семена Семеныча и тут же их возмущение сменилась испугом: разгоряченный страж порядка рисковал вывалиться «за борт», вскочив со своего места и — более того — не держа равновесие и размахивая руками.

— Сядь, Семен Семеныч, — рассмеявшись, усадила его на место Милославская. — Чего людей-то пугать?! Сейчас все объясню. А ну-ка, пристегнись немедленно.

Яна посмотрела вниз: карусель подняла их уже довольно высоко и, учитывая столь возбужденное состояние Руденко, вести разговор гадалке следовало в максимально спокойной обстановке. Она прикурила и поведала другу историю своего посещения жилища Воробьевых.

— В общем, Сема, нужен спец, — заключила она в итоге. — Такой, чтобы сам кейс не очень повредил. Может, он семейной реликвией станет. Или вещдоком...

— Нужен — будет, — вдохновенно ответил ей Три Семерки.

— Не прямо сейчас, конечно... Но сегодня я тебе «взлом» организую. Человечек один у меня есть на примете, — Руденко пригладил ус, — созвонюсь с ним, договорюсь обо всем. Давай вот как сделаем: ты сейчас поезжай домой, а я тебя достану по телефону. Хотя... Это он тебя достанет. У меня сегодня усиление. Не против? Я дам твой телефон?

— Конечно, дай.

Руденко закусил губы и с досадой произнес:

— Жаль, не смогу присутствовать. Черт возьми! Но жди — как только освобожусь, заеду.

— Слушаюсь, товарищ капитан, — отрапортовала Милославская, отдав приятелю честь.

Они с трудом дождались, когда же на удивление медленно вращающееся колесо спустит их наконец на землю. Обоим хотелось, чтобы тайна кейса поскорее была разгадана.

Руденко, дожидаясь «приземления», угрюмо думал о том, что не сможет стать свидетелем столь значительного события, а Яна пыталась прикинуть, во сколько же часов терпения обойдется ей ожидание «спеца».

Конечно, на Три Семерки она всегда могла рассчитывать — если уж он обещал, то редко когда подводил — но тем не менее его величество Случай не всегда играл в пользу человека, и минуты напряженного длительного ожидания казались ей хотя и очень нежелательными, но, к сожалению, вполне возможными.

— Все, Сема, приехали, — прокомментировала гадалка, когда аттракцион наконец остановился и им позволено было выйти.

Семен Семеныч быстро встал, откинул в сторону так и не пристегнутую цепочку, тяжело спрыгнул вниз и по-джентльменски — это ему никогда не изменяло — подал подруге руку.

— Мерси, — слегка присев, ответила на это Милославская.

Контролер, стоящий на выходе, с любопытством посмотрел на «странную парочку» и хихикнул в сторону.

Друзья, нисколько не обращая внимания на посторонних, торопливым шагом направились к выходу, где Руденко ждала его бессменная «шестерка».

— Ты уж, Яна Борисовна, извини, я тебя не подвезу, — сказал Три Семерки, глянув на часы, — мне в другую сторону, а времени в обрез. Жди звонка.

— Буду ждать, — вздохнув, ответила ему гадалка, — чего же еще остается.

— Я тебе сейчас такси поймаю, — решил сослужить последнюю службу Семен Семеныч и резко взмахнул рукой, после чего тут же со скрипом притормозила рядом новенькая «десятка», в которой и разместилась пассажирка Яна Милославская.

— В Агафоновку, — отрапортовала она, улыбнувшись Руденко на прощанье.

Он смешно приподнял свою фуражку в знак уважения и тоже поспешил удалиться.

ГЛАВА 10

— Ух ты, лапушка моя! — с любовью протянула Милославская, присев на корточки и обняв за шею поскуливающую Джемму. — Тосковала? — Яна посмотрела прямо в глаза своей любимице.

Та молчала и только отчаянно била хвостом.

— Знаю, тосковала, — ответила за нее гадалка, потрепав овчарку по холке.

Милославская глянула на часы и, тут же просчитав, что Три Семерки не так скоро договорится со «спецом», сказала Джемме:

— Что ж, идем гулять на пустырь. Надеюсь, это меня хоть сколько-нибудь в твоих глазах реабилитирует.

Овчарка, моментально все поняв, бросилась к двери и, встав на задние лапы, стала толкать ее, насколько позволяли силы.

— Не спеши, я сейчас открою, — посмеиваясь, остановила ее гадалка и тоже подошла к двери.

Пустырь являлся излюбленным местом прогулок Милославской и ее собаки. Правда, когда Яна была погружена в какое-либо расследование, на это у нее редко хватало времени, разве только минут пять-десять выкраивалось, чего, само собой разумеется, для широкой собачьей натуры не хватало. Джемме приходилось в таких ситуациях подавлять свои амбиции и удовлетворяться получасовым бегом по двору Яниного дома из угла в угол, после чего она еще некоторое время прогуливалась по нему туда-сюда, только теперь уже степенным шагом.

Но долгожданный для собаки момент в очередной редкий раз наступил и, едва оказавшись за калиткой, она рванула вперед в направлении находящегося недалеко от дома пустыря. Милославская и сама любила там бывать, потому что это отвлекало или, наоборот, помогало сосредоточиться, все существо ее охватывало ощущение свободы и неисчерпаемости бытия. Пустырь находился на возвышенности, с которой видна была добрая часть города, река вдалеке, а вечером — многочисленные огни...

Оказавшись здесь на этот раз, Яна еще раз окинула взором снова представший перед ней во всей красе пейзаж и будто вознеслась над всем тем, в трясине чего она, увлеченная делом, невзначай погрязла. Ей вдруг стало так легко и хорошо, словно и не было никаких промахов и ошибок, словно раскрыть убийство Воробья было сущим пустяком. Уже через пару

минут гадалка ощутила прилив сил и ее наполнила необыкновенная вера в себя. Яна любила такие минуты, потому что они заставляли поверить, что каждый ее шаг в этой жизни все-таки наполнен смыслом.

Легкий ветер дул гадалке в лицо, и она, закрыв глаза и вытянув руки в стороны, представив себя большой-пребольшой птицей, наслаждалась его теплым дыханием. А Джемма, носилась, как сумасшедшая, сначала все подставляя хозяйке трухлявую тут же найденную дубину, а потом, потеряв все шансы на игру, просто так, изредка взвизгивая от удовольствия.

Незаметно пролетело около сорока минут. Пора было возвращаться. Яна встряхнулась и, отдав приказание Джемме, неспешно зашагала назад, домой. Собака, высунув язык, послушно засеменила за хозяйкой.

Возле двора все было спокойно. Дом мирно дремал в тени раскидистых дубовых ветвей, похожих на огромные лапы неведомого зверя. Значит, никто не приходил. Нужно было поскорее усесться возле телефона и ждать звонка либо... пришествия «спеца».

Войдя в свое жилище, Милославская скинула одежду, приняла душ, не закрывая двери в ванную, чтобы не дай бог не пропустить мимо ушей пиликанье телефона, и плюхнулась на кровать. Было свежо и легко. Только трубка лежала рядом и заставляла нервничать. Чтобы немного отвлечься, Милославская взяла пульт и стала щелкать кнопки, переключая телевизор с канала на канал.

Почти сразу она остановила свой выбор на одной из популярных передач, но посмотреть ее ей не довелось, потому что... раздался звонок.

Гадалка судорожно схватила трубку. Сердце ее часто забилось.

— Алло! Алло! — закричала она.

В ответ раздался спокойный ровный голос.

— Здравствуйте, — произнес он.

— Здравствуйте, — радостно выпалила Милославская.

— Я от Семена Семеныча Руденко.

— Очень! Очень приятно! — перебила Яна, с трудом сдерживая эмоции.

— Когда вам удобно встретиться? — с приятной хрипотцой спросил все тот же голос.

— Прямо сейчас! Приезжайте сейчас.

— Кейс при вас?

— Да, он тут, дома, — Милославская нащупала рукой кейс, который лежал неподалеку, и любовно погладила его.

— Хорошо, я скоро буду.

— Адрес, адрес запишите, — напомнила было гадалка.

— Спасибо, у меня все есть.

— Ну тогда все. Жду. Очень жду. Сколько вам понадобится на дорогу?

— Минут десять, — после некоторого молчания сообщил мужчина. —

До встречи.

— До встречи.

Милославская положила трубку и бросилась приводить себя в порядок. Голос показался ей настолько приятным, что она уже рисовала себе в воображении образ обаятельного мужчины, которого теперь боялась разочаровать своим внешним видом. Имидж простой домохозяйки, как казалось гадалке, вовсе не импонировал мужчинам.

Она снова нырнула в ванную, пригладила растрепавшиеся волосы, подкрасила глаза, губы и, практически вбежав в свою спальню, принялась перерывать гардероб. После нескольких минут недовольного ворчания раздалось наконец удовлетворенное «Угу».

Милославская быстренько облачилась в выбранное платье, пару раз брызнула на себя из флакончика любимых духов и направилась в кабинет, где деловито опустилась в кресло.

Закинув ногу на ногу, она молчаливо наблюдала за передвижением часовой стрелки. Джемма, вылизывая свою тарелку, из коридора удивленно поглядывала на хозяйку, совершенно не понимая, что с той происходит.

— Ой! Что же это я?! — вдруг воскликнула Яна и понеслась на кухню.

— Как же без кофе?! — бормотала она, надраивая прикопченную джезву.

Поставив наконец ее на плиту, она пристыженно поймала себя на мысли о том, что слишком уж суетится. «И с чего бы это?» — задалась она вопросом. Легкий румянец тут же покрыл ее лицо. Яна прекрасно знала, с чего.

После гибели ее мужа прошло уже достаточно времени, но Милославская еще ни разу не позволила себе даже представить на его месте какого-то другого мужчину, а тут вдруг один только тембр совершенно не знакомого голоса вскружил голову, заставил метаться по комнатам, переживать, искать чего-то.

Яне вдруг стало стыдно. Мысленно она укоряла себя за волю, данную чувствам, но какой-то внутренний голос упрямо все же твердил, что жизнь не кончена и что она имеет полное право быть счастливой и любимой. Впервые за долгое время гадалку начали раздирать такие внутренние противоречия.

Неожиданно ее посетила еще одна мысль. Ужаснувшись и закрыв лицо руками, она воскликнула:

— А-а-а! Какая я глупая! Какая... Боже мой! Почему я об этом сразу не подумала? Это... ловушка!

Гадалка беспомощно опустила на табурет.

— Яна, ты теряешь профессионализм, — с укором сказала она себе, покачивая головой.

Мысли пчелиным роем вдруг ворвались в голову Милославской.

Весь ужас ее положения вдруг ей открылся, и надо было срочно, сию же минуту, решить, что делать. «Воробьева кому-то сказала о кейсе! Или... за мной следили!!! — мысленно твердила она. — В кейсе разгадка всего и... преступник едет, чтобы отобрать его и... расправиться со мной!!!»

Кофе убежал на плиту, неожиданно взорвав тишину своим шумным шипением. Милославская вздрогнула. Поняв, в чем дело, выключила газ, снова села на табурет.

— А я-то дура! Дура! Дура! — вслух заговорила она. — Так сразу ему все и выложила! Мол, дома кейс, приезжай, забирай, — гадалка истерически захохотала. — Нет, бы с Семеном для убедительности созвониться, проверить, мол, он, не он. Идиотка! Так, так, так...

По мнению Милославской, преступник должен был прибыть с минуты на минуту и первоочередной задачей в связи с этим становилось принятие решения о том, как защищаться, если вдруг он, ловкач и, наверное, рецидивист, беспрепятственно и незаметно проникнет во двор и... ее дом.

В полной растерянности она вскочила со своего места, выдвинула ящик стола и выхватила оттуда здоровенную скалку. Джемма громко гавкнула, словно напоминая о себе.

— Ну конечно! — гадалка снова истерически засмеялась. — Какая я дура! Даже о тебе забыла! Я точно сошла с ума...

Милославская обессиленно опустила на корточки и облокотилась о стену. От сердца сразу отлегло. С Джеммой можно было ничего не бояться. Уже долгие годы она была Яниным верным другом и защитником, не раз ходила с хозяйкой «на дело», не раз спасала ей жизнь.

— Слава богу... — вздыхая с облегчением, прошептала Милославская.

Тут же воображение снова стало ей рисовать образ прекрасного незнакомца, причем снова самыми светлыми красками.

— Я сумасшедшая! — едва не плача, протянула гадалка.

Неизвестно, сколько бы еще продолжалась борьба чувств, если бы вдруг не зазвонил телефон. Милославская снова вздрогнула.

Взяла трубку. Тихо произнесла:

— Алло.

— Алло! Яна! Тебя плохо слышно! — раздался знакомый голос.

— Семен Семеныч... — с облегчением и радостью прошептала Яна.

— Ты чего?!

— Ничего, все в порядке...

— Тогда встречай гостя. Он должен сейчас уже подъехать. Ты точно в норме?

— Да, все хорошо, — сломавшимся на полуслове голосом ответила гадалка.

Она не собиралась признаваться Руденко в том, что пережила за последние минуты. Что это было? Яна и сама четко определить не могла. Страх? Нет, конечно. Милославская уже многое повидала на своем «детективном» веку. Скорее, это был ужас совершенной, абсолютно глупой ошибки, смешанный со стыдом за внезапно возникшие чувства. И эта-то гремучая смесь повергла ее на время в полное замешательство.

Узнай обо всем Три Семерки, он бы долго еще потом подшучивал над подругой, поэтому Яна тут же добавила, солгав:

— Я просто дремала, не проснулась еще.

— Ну вот! Тут такое дело, а она спит! Ну ты даешь!

— Ну ладно, ладно, я проснулась уже, не ворчи. Встречаю.

За окном как раз в этот миг посигналила машина. Милославская положила трубку. Приказала залаявшей собаке замолчать.

Лицо гадалки залилось краской. Она подбежала к окну. Прямо у ворот стояла черная «Волга». За рулем сидел водитель. Рядом — еще какой-то мужчина. Дверь автомобиля приоткрылась, и показалась фигура высокого молодого человека в темных очках. Он был смугл, темноволос и очень хорош собой. На некоторое время Милославскую словно парализовало. Раздался еще один сигнал. Гадалка вздрогнула и крикнула:

— Иду!

На мгновенье Яна застыла перед зеркалом в прихожей и, оправив платье, птицей понеслась по двору. Руки подрагивали, когда она открывала калитку. «Нет, так нельзя,» — мысленно сказала себе гадалка и немного успокоилась. Джемма уже была рядом, терлась о ноги и тихо рычала.

— Уйди, — сердито сказала ей Яна.

Собака немного посторонилась, но не ушла.

Калитка открылась. Незнакомец стоял прямо перед Милославской.

— Здравствуйте, я Игорь, — спокойно сказал он, снял очки и улыбнулся.

— Яна, — произнесла в ответ Милославская и тоже заулыбалась, между делом покосившись на дипломат, который незнакомец держал в руке, — Яна Борисовна. Проходите, — предложила она и посторонилась.

Игорь глянул на Джемму и весело сказал, проходя:

— Ух, какая сердитая!

— Это только так кажется, — рассмеявшись, ответила гадалка, — на самом деле она белая и пушистая, — Яна привычно потрепала Джемму по холке.

— Одной только лапой шею переломит, — заметил Игорь, оценивая оглядывая собаку и тоже смеясь.

— Идемте, идемте, — позвала за собой хозяйка. — Джемма, а ну-ка отойди! Все в порядке.

Собака недоверчиво поглядела на гостя, пропустила его вперед, а сама пошла бок о бок с Милославской.

— Пройдемте сюда, — предложила гадалка, приглашая гостя на кухню. — Я угощу вас кофе.

— Ну что ж, не откажусь, — пожав плечами, ответил он и, поставив в угол свой черный дипломат, прошел к столу.

Яна на подносе принесла две дымящиеся чашки, сливки в хрустальной прозрачной вазочке и сахар кусочками.

— Выбирайте, какая на вас смотрит, — сказала она гостю.

— Кажется, вот эта, — ответил он и взял чашку, что стояла справа.

Положив себе сливок и сахару, Игорь отхлебнул кофе и с улыбкой сказал:

— Семен Семеныч дал вам прекрасную рекомендацию, а вот о том, что вы готовите прекрасный кофе, упомянуть забыл.

— Ну что вы, — смущенно ответила Яна, — это пустяки.

Джемма исподлобья смотрела на гостя, явно ревнуя. Ей он точно не нравился, а восторженная Милославская тем временем с укором говорила про себя: «А я еще его называла рецидивистом!»

Разговор между тем как-то нужно было поддерживать, и Игорь, несколько не теряясь, сказал:

— Далековато вы забрались... Я впервые в Агафоновке.

— Вот видите, полезное вы теперь совместите с приятным. Получше узнаете свой город.

— Свой город я знаю хорошо.

Яна подняла на Игоря непонимающий взгляд.

— Я ведь не здешний, я из Самары.

— Как жаль! — не сдержав чувств, удрученно протянула Милославская. — А как же вы... Семен Семеныч...

— Ах, вы об этом! Я с Руденко, вернее, с вашим городским УВД, сотрудничаю давно. С тех времен, когда еще студентом был тут на

практике.

— Одаренным, наверное, были студентом, раз о вас не забыли?

— Им виднее.

— Вы ко всему прочему еще и скромны.

Яна поставила на стол свою чашку и, опустив глаза, спросила:

— И часто вы сюда приезжаете?

— По мере необходимости. Когда по долгу службы, а когда... бизнес зовет.

— Бизнес?

— Да. Это связано с продажей элитных кейсов.

— Вот как? И, простите, давно вы этим занимаетесь?

— Как только стал разбираться...

— В кейсах?

— Ну да.

— Очень интересно.

Яна снова взяла свой кофе.

— Неужели вы сами, глава фирмы, занимаетесь... тем, зачем ко мне пришли?

— Ну это только ради Семена Семеныча. Он слезно увещевал меня, что для такой женщины, как вы, нужен самый высококлассный специалист.

Милославская засмеялась.

— Ну что ж, займемся делом? — спросила она, видя, что чашка Игоря уже пуста.

— Да, пожалуй.

Игорь вмиг посерьезнел, сухо кашлянул, взял свой дипломат.

От него неожиданно повеяло холодом, и Яна, поначалу огорчившись по этому поводу, мысленно сказала себе: «Ну и к лучшему — мне надо остыть.»

— Пройдемте в кабинет, — деловито сказала она, — поддерживая интонацию гостя.

Хозяйка двинулась вперед, гость — за ней.

— И где Оно? — снова пошутив, но не переходя деловой грани, спросил Игорь.

— А-а-а, — словно только что вспомнив о кейсе, протянула гадалка, — сейчас, сейчас.

Она на миг исчезла в соседней комнате и вскоре вернулась оттуда с тем же большим пакетом, в котором «упрятан» был заветный кейс.

— Вот! — с гордостью заявила она и освободила кейс от пакета.

— Ого! — удивленно произнес Игорь. — Овчинка и впрямь выделки

стоит. А я уж грешным делом побаивался, что... Думал, Руденко преувеличивает...

— Ну и напрасно, как видите, — ответила Милославская и положила кейс на стол.

— Тут вам будет удобно? — спросила она.

— Вполне, — гость пожал плечами.

Яна подошла к столу и включила лампу, старательно наклонив ее гнувшееся основание пониже к кейсу.

— Будет посветлее, — радостно пояснила она.

Игорь только ухмыльнулся в ответ. Молча положил рядом с кейсом свой дипломат, открыл его маленьким ключиком, неизвестно откуда вдруг появившемся в руках и извлек изнутри фонарик.

Милославская посмотрела на гостя недоуменно.

— Без профессионального оборудования не обойтись, — прокомментировал Игорь с улыбкой.

Фонарик был совсем небольшой, но когда он нажал кнопку, включив его, тот пронзил комнату мощным ярким лучом, который, конечно, был не сравним со светом бытовой настольной лампы. Причем луч этот возможно было фокусировать, сужать и концентрировать на маленьком предмете, даже на какой-то точке, что гость тут же и продемонстрировал ошеломленной Милославской.

— Я только хотела помочь... — немного растерянно пролепетала она.

— Похвально, — улыбнулся в ответ на ее слова Игорь.

Он присел на корточки и направил луч фонаря на один из замков кейса. Пробормотал:

— Так, так, так... — потом прищурил один глаз и, насвистывая, стал продолжать рассматривать едва различимый замок.

Яна пыталась понять, что мог означать этот свист, и ей не терпелось услышать хоть какие-нибудь комментарии на счет кейса. Но гость на этот счет продолжал молчать. Имея определенный опыт совместной жизни с мужчиной, гадалка знала, что в такие минуты к особям мужского пола лучше не лезть с вопросами, а потому взяла себя в руки, села в кресло и просто закурила. Нервно покачивающаяся нога выдавала ее беспокойство.

Игорь, очевидно, заметив его, сказал:

— Будем разбираться.

Он снова раскрыл свой дипломат, достал какое-то приспособление, которое гадалка в тот же миг окрестила лорнетом, и присоединил его к правому глазу, закрепив за ухом.

Луч фонаря снова ударил в замок, снова заставил Яну напрячься в

ожидании открытия. Однако через несколько минут молчания со стороны Игоря прозвучало только многозначительное «Угу» и не более.

Он привстал и достал из дипломата маленький пенал, откуда извлек некий инструмент, похожий на медицинский пинцет, только с очень тонкими иглоподобными концами.

Еще большее напряжение сковало Милославскую. Игорь работал размеренно, не спеша, продумывая каждый шаг. Наблюдать за ним взволнованному ожиданием и ждущему счастливой развязки расследования человеку было очень нелегко, поэтому гадалка, как только Игорь приблизился кончиками щипцов к замку, отвернулась в сторону. Закрыв глаза, она ожидала щелчка, который должен был знаменовать, по ее мнению, что кейс сдался.

Однако после нескольких минут абсолютной тишины раздался не щелчок, а тяжелый вздох Игоря, который, поднявшись с корточек, сел на стул, снял «лорнет», достал из дипломата какую-то книгу и принялся листать ее. Дойдя до определенной страницы, он замер, и можно было наблюдать только, как бегали вдоль строк его глаза.

Видимо, найдя нужную информацию, он немного посмотрел задумчиво в одну точку, снова надел «лорнет» и, снова присев, стал крутить небольшое неприметное колесико, которое находилось с правого края кейса.

Милославская не смогла больше выносить эту неопределенность и, стараясь говорить ровным голосом, спросила:

— Не получается?

Игорь, не отрываясь от своего дела, спокойно ответил:

— Те замки, за которые я поначалу взялся были ложными. Их открыть невозможно.

— Как?! — ужаснулась гадалка.

— Да, бывает и такое.

— Что, нет никакой надежды?

— На замки нет. Думаю, все дело в тайном сейфовом замке.

— И-и-и... — рискнула предположить Яна, — вы крутите это, пытаетесь угадать шифр, способный стать ключом к замку?

— Почти так.

— Почему почти?

— Я не пытаюсь угадать шифр. Я же не гадалка, — Игорь улыбнулся, посмотрев на Яну. — Я действую профессионально, руководствуясь своим опытом.

— Не буду мешать, — ответила Милославская и вышла из кабинета,

боясь, что гость заметит охватившее ее в эту минуту смущение.

Она вышла на крыльцо, закрыла глаза и, обхватив себя руками, глубоко вдохнула. Задержала немного вдох и не спеша стала выдыхать набранный воздух. Этот прием не раз помогал ей прийти к внутреннему равновесию.

С первого раза не помогло — мысль о том, что мучающее ее таинство происходит практически у нее за спиной, мешала.

Вторая попытка помогла гадалке почувствовать себя чуть лучше. Она собралась предпринять третью, но из дома донесся восторженный возглас:

— Есть!

Яна, не веря собственным ушам, сломя голову понеслась в кабинет. На его пороге ее ждал Игорь с открытым кейсом в руках.

— О Боже! — прошептала Милославская облегченно.

Она благодарно посмотрела в глаза своему гостю, потом перевела взгляд на кейс: он был полон каких-то бумаг.

— Что это? — спросила Яна Игоря, расплываясь в улыбке.

— Это уже не по моей части, — усмехнувшись, ответил он.

— Ну да, конечно, — проговорила гадалка, кивая головой.

— Давайте положим это на стол, — сказала она Игорю, спустя несколько секунд и взяла из его рук кейс.

Яна беглым взглядом осмотрела бумаги — сразу в них разобраться было невозможно. К тому же Игорь стоял за ее спиной.

— Это надо отпраздновать, — сказал она ему, кивнув на кейс.

— Меня водитель ждет, — неуверенно ответил он.

— Мы быстренько, — сделав убедительный жест рукой, парировала гадалка. — Идемте.

Она снова провела своего гостя на кухню и достала из холодильника бутылку шампанского, радостно заявив:

— Вот! Прошу-у.

Игорь перенял шампанское и ловким движением рук мгновенно удалил пробку. Густой дымок змейкой пополз из горлышка.

— Ну? — спросил победитель. — Где же фужеры? Не вижу...

— Сейчас, сейчас, я не ожидала, что все так быстро... — Яна кинулась доставать посуду из шкафа. — Вот. Наливайте.

Шампанское зашипело и быстро наполнило оба бокала. В то время как оно играло множеством маленьких пузырьков, Милославская произнесла тост:

— За удачу! — и снова благодарно посмотрела на Игоря.

— За знакомство! — дополнил тот и первым поднес фужер к губам.

Только когда оба бокала были пусты, гадалка заметила, что и она, и ее гость все еще стоят посреди кухни.

— Ой, что это мы? — засмеявшись, спросила она. — Давайте присядем.

— Нет, нет, — возразил Игорь, — я не могу задерживаться. Водитель ждет, да и работы море.

— А вы на этот раз у нас надолго?...

— Завтра в полдень уезжаю. Надо еще успеть жене показать город.

— Вот как...

— Ну что, мне пора.

— Я провожу.

Яна с Игорем молча дошли до калитки. Открывая ее, Милославская сказала:

— Я вам очень, очень благодарна. Надеюсь тоже сослужить вам добрую службу. Обращайтесь, если будут какие-то проблемы.

— Хотелось бы надеяться, что их не будет, несмотря на то что общение с вами доставило мне удовольствие, — засмеявшись, ответил Игорь.

Гадалка тоже улыбнулась в ответ.

— Пока? — глядя на нее, произнес Игорь.

— Пока, — вздохнув, ответила Милославская и, помахав вслед гостю рукой, с теплой грустью закрыла за ним калитку.

ГЛАВА 11

Яна стояла в дверном проеме своего кабинета и не знала, с чего начать. Радость открывшегося доступа к информации вскружила ей голову. Да и мысли об Игоре не сразу покинули голову. Гадалке пришлось приложить усилия и сказать себе, что не время думать об этом, да и он не для нее предназначен. К тому же она успокоила себя тем, что едва ли позволила бы себе на самом деле завести отношения с каким-то мужчиной.

— Так, наплыв чувств, — сказала она и совершенно успокоилась на этот счет.

Лежащий напротив кейс с документами казался сказочным сундуком с золотом, к которому и подойти-то было страшно. Но необходимо.

Милославская приблизилась. Села за стол. Развернула к себе кейс. Зажгла настольную лампу. Скомандовала:

— За работу! — и погрузилась в изучение бумаг.

Она долго шуршала ими, вызывая любопытство Джеммы, изредка что-то бормотала себе под нос, изредка произносила ругательства, изредка — слова удовлетворения. С бумагами она старалась обращаться очень осторожно, чтобы не помять ни одной, не загнуть уголков, не перепутать их порядок. Торопливость здесь была неприемлема, а потому время бежало куда быстрее, чем двигалась работа.

Первоначальные выводы стали напрашиваться нескоро. Яне пришлось серьезно понервничать, прежде чем обуявшая голову информация стала мало-мальски укладываться в голове.

— Кажется, мои силы себя исчерпали, — сказала она не менее, чем через час, глядя на Джемму.

Та радостно гавкнула.

— А вот это зря, — высоко подняв брови, заявила гадалка. — Поводов для радости слишком мало.

Милославская встала со своего места, закурила и принялась ходить из угла в угол, как это она часто делала в минуты раздумий. Собака сочувственно наблюдала за ней, поворачивая голову то в одну сторону, то в другую и постукивая хвостом по полу. Вдруг Джемма встрепенулась и громко залаяла.

— Что такое? — обратилась к ней Яна.

По тому, каким был Джеммин лай, собрав все свое внимание, хозяйка тут же определила, что, вероятно, пришел кто-то свой. Как овчарка это

угадывала — долгое время оставалось для многих серьезной загадкой, однако, если Яна старательно прислушивалась к «голосу» собаки, то позже заключала, что ее любимица практически всегда оказывалась права.

— Может быть, Три Семерки? — предположила Милославская, направившись к окну. — Ну точно! Это он! — прокомментировала она, выглянув на улицу, и торопливо зашагала к выходу.

Калитка была незапертой, и Семен Семеныч, убедившись в этом, уже шагнул по двору навстречу Яне.

— Что терпения не хватило? — смеясь, спросила у него Милославская, чуть сойдя с крыльца. — У тебя, кажется, была куча дел?

— Какая же ты вредная женщина, Яна Борисовна, ей Богу! — утирая со лба пот замазанным платком, тоже смеясь, парировал Руденко.

— Ну так в чем дело? — спросила так же весело гадалка, убирая с его волос зацепившийся тополиный пух.

— Может быть, ты меня все же пригласишь в дом? — приподняв фуражку и отряхивая голову, уже серьезней ответил Три Семерки.

Яна посторонилась и жестом пригласила его пройти.

— Я за это время много чего успел и-и-и... у меня перерыв образовался. К тому же я кое-что перенес назавтра, — на ходу пояснил Семен Семеныч тоном, не позволяющим больше над ним подшучивать.

Он остановился посреди прихожей и, посмотрев на подругу, спросил:

— Куда прикажешь?

— В кухню не напрашиваешься? — игриво спросила она.

— Нет, я сыт.

— О-о-о-о! Тогда проходи в кабинет.

— Нет, подожди, — остановил Руденко уже сдвинувшуюся с места Милославскую. Он лукаво посмотрел на нее исподлобья. — Скажи сразу, открыли или нет. Я до Игоря не смог дозвониться.

— Ты в нем насколько был уверен?

— На все сто!

— А почему тогда спрашиваешь, открыли или нет?

— Открыли?! Ну, Янка, какая же ты умница! — воскликнул Семен Семеныч и подхватил Милославскую на руки, крепко сжав ее в объятьях.

— Э-э-э-э! Отпусти, задушишь! То вредина, то умница, тебя, Сема, не поймешь!

— Ладно, за вредину прошу прощения.

— Если серьезно, я тут абсолютно не при чем. Умница он, а не я.

— Да ладно, не скромничай. Ну и что там? — Руденко направился в кабинет, сразу увидел на столе кейс, подошел к нему и склонился к

бумагам. — А я думал, уж не деньги ли там. Чего тут такое? — Три Семерки поднял глаза на Яну.

— Ты присядь, Семен Семеныч, тут подумать надо.

Руденко попятился назад и послушно опустился на диван.

— Ну-с? — вполне серьезно спросил он, поглаживая ус.

— Скажу честно, Сема, — начала гадалка, — никакого великого открытия, перебрав этот ворох бумаг, я не сделала. Но определенные выводы все же есть. А соображения мои вот какие.

Три Семерки закурил и сел на диване повыше.

— Во-первых, не слишком давно покойник очень крупно потратился. На что — неизвестно.

— Ясно дело — на казино свое, — с видом знатока протянул Руденко.

— Не думаю.

Семен Семеныч, услышав Янин ответ, удивленно захлопал глазами.

— Дело в том, — пояснила она, что все бумаги в кейсе ничего общего с деятельностью казино не имеют и потраченные деньги, как я смею предполагать, тоже.

— Вот так ешки-трешки! А где же собака зарыта?

— Пока не знаю. Но могу тебя удивить еще кое-чем. Готов?

— Валяй!

— Алексей Михайлович Воробьев очень тесно сотрудничал с неким неизвестным нам с тобой ООО «Парус»!

Руденко привскочил на месте и по-бабьи хлопнул себя руками по бедрам.

— Ни черта себе! — протянул он. — Ничего не понимаю!

— Я пока тоже.

— И чем же этот «Парус»... одинокий занимался?

— Это нам, Сема, только предстоит узнать. Ты думал кейс нам все преподнесет на блюдечке с золотой каемочкой? Ан нет! Тут еще поработать придется.

— Да-а-а... — Руденко задумчиво покачал головой. — И каковы твои планы?

— Сначала хочу в верности своих предположений убедиться и кое-что еще прояснить — не все в бумагах мне понятно.

Семен Семеныч продолжал смотреть на подругу непонимающе.

— Хочу, Сема, к одному человечку обратиться... Он большой знаток во всякого рода бумажках. Профессия у него... — Милославская призадумалась, — что-то вроде аудитора.

— Это верно, Яна, — заметил Три Семерки, потирая подбородок, —

одобряю. Дополнительное подтверждение твоих выводов, как бы я их не уважал, не помешает.

— То-то и оно.

— Наверное, моя помощь нужна?

— Нет, Сема, ты доделывай свои перенесенные на завтра дела, а я тебе перезвоню, как проясню что-то. Яков Андреич не любит суеты... Он немного затворник.

— Яков Андреич?

— Ты разве не помнишь? Я тебе о нем как-то рассказывала.

— А-а-а, что-то припоминаю... Ну ладно, раз так. Давай я тебя хотя бы подвезу?

— Было бы здорово. Подожди только минутку. Я с ним созвонюсь сначала. Он человек щепетильный, фамильярности не переносит.

Милославская взяла трубку.

— Ты не против, если я уединюсь ненадолго? — спросила она Руденко.

Тот только покачал головой, и гадалка скрылась в соседней комнате. В течение пяти минут оттуда доносился ее певучий голосок, старательно увещающий в необходимости встречи того самого Якова Андреича.

— Все в порядке, едем, — появившись наконец перед Руденко, сияя, заявила Яна.

— Едем, — кряхтя поднимаясь с дивана, ответил тот.

ГЛАВА 12

— Это я, Яна Борисовна, — громко проговорила из-за двери Милославская, отвечая на вопрос стоящего по другую ее сторону Якова Андреича.

Он смотрел на гадалку в глазок, но все равно счел необходимым убедиться, что зрение его не подводит. Это было вполне в его духе, поэтому Милославская нисколько не удивилась и не была раздражена.

Послышалось щелканье замка, потом лязг отодвигаемой цепочки, и Яков Андреич, одетый в длинный, до пят, шелковый халат и старые кожаные шлепанцы предстал перед Милославской. Из-за воротника его халата выглядывала белая рубашка и малиновый в клетку галстук, без которого хозяин этой квартиры, казалось, даже спать не мог.

— Яночка, проходите, — шамкая, проговорил он.

В свои пятьдесят семь это был совершенный старик. Старик, скорее, не внешне, а старик в душе, ворчливый и педантичный. Моложе своих лет он, конечно, не выглядел, причем отсутствие нескольких передних зубов придавало его лицу дополнительный старческий колорит, но все же некоторые и при этих недостатках сохраняют молодость и веселость духа, легкость характера, Яков Андреич же был совершенно не таков.

— Здравствуйте, — произнесла Милославская и приобняла его.

Она знала, что этот человек так здороваться любил.

Он вообще для всех, с кем общался, устанавливал свои правила. Те, кто их не принимал, автоматически выбывали из круга общения старика.

Яков Андреич наклонился к обувной полке и, поднявшись, кинул под ноги Милославской тапочки. Это были старые, давно не стиранные и все потертые шлепанцы сорок второго размера, но отказаться обуть их — в этом доме означало обидеть хозяина. Скрепя сердце пришлось влезть.

— Идемте, — проговорил Яков Андреич и пропустил гостью вперед. Слегка похлопав ее по спине, протянул: — Похуде-ела. Кашу ешь, как я советовал?

— Ем, — соврала гадалка.

— Значит забегалась просто. Ты не против, если я буду на ты? — спросил он и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Надо отдыхать. Садись сюда, — старик пододвинул Яне деревянный табурет, покрытый из лоскутного шитья одеяльцем.

Милославская глядела на него, на его очки, лысину, на седые

всклоченные волосы вокруг нее и в очередной раз пыталась представить то, что никогда не укладывалось в ее голове: этот мужчина некогда имел репутацию дамского угодника и был чертовски красив.

Как он стал тем, кем был сейчас, она не знала. Знала только от своей мамы, которая ее с Яковом Андреичем когда-то и познакомила, что тот занимал некий важный пост в банке, имел жену и двоих детей. Потом дети выросли, а жена, старше его лет на восемь, умерла в пятидесятипятилетнем возрасте. Сам Яков Андреич, возможно, от полученной душевной травмы, тяжело заболел и получил инвалидность, после чего и жил почти отшельником.

— Давай бумаги, — сказал хозяин, смахнув со стола крошки рваным засаленным полотенцем.

Милославская освободила пакет от кейса, предусмотрительно постелила его на стол и открытый кейс положила сверху.

— Обижаешь, — посмеиваясь, протянул Яков Андреич и вытащил из под кейса пакет, бросив его на пол.

Яна сделала вид, что не поняла в чем дело, но умного старика трудно было провести, однако, к счастью, он не стал заострять на случившемся внимание.

Яков Андреич сдвинул очки на край носа и, сгорбившись над кейсом, протянул:

— Ну-у-у, что тут у тебя?

Он послушав кончики своих слегка скрюченных артрозом пальцев и стал перелистывать одну бумагу за другой, на ходу пробегая содержание листов глазами. Яне не пришлось сейчас давать никаких дополнительных объяснений, потому что главное она сказала старику по телефону. Он любил лаконичность и сам всегда был предельно краток.

— Вот это посмотрим, а остальное убери, — сказал он спустя пару минут и вытащил из общей массы несколько листов.

Яна, с трудом сдерживая улыбку удовлетворения, убрала кейс с оставшимися бумагами на пол, а избранные Яков Андреич разложил перед собой на столе и вперился в них глазами.

Он был очень умен и опытен, к тому же по-прежнему прекрасно разбирался в своем деле. Старик совершенствовал приобретенные за годы работы навыки, много читая современной профессиональной литературы и периодически помогая имеющим положительные рекомендации частным лицам в вопросах, находящихся в пределах его компетенции. Поэтому Милославская вполне могла надеяться на успех и на скорое разрешение имеющихся у нее вопросов.

Яков Андреич начал работать. Яна знала, что он не любил, когда в такие минуты за ним пристально наблюдают, и поэтому просто смотрела по сторонам.

— Иди, телевизор посмотри, — протянул вдруг хозяин, не поворачивая головы и кивнул на дверь, ведущую в зал.

— Угу, — промычала Милославская и спешно удалилась, как и было велено.

Она включила телевизор и стала щелкать с кнопки на кнопку, потом, подумав, что это может помешать работе Якова Андреича, остановилась на музыкальном канале. Естественно, она не могла сосредоточиться на нем, хотя клипы демонстрировались самые зажигательные. То, что происходило в соседней комнате, было, на ее взгляд куда более горячим.

Яков Андреич долгое время не произносил ни звука. Гадалка уже успела в очередной раз изучить все в его комнате. Она давно здесь не была, и кое-что тут изменилось. Самым интересным оказалось сидеть и отыскивать различия между старым и новым.

Неизменно стоял на комодe портрет жены в черной рамке и искусственные гвоздики в рамке возле него, по-прежнему напротив телевизора стояло деревянное кресло-качалка, покрытое давно истертой шкурой какого-то животного, так же пышно цвели фиалки на подоконнике, так же громко тикали большие старинные часы на стене... А вот паутины по углам стало больше и, как это не удивительно было обнаружить среди довольно архаичного интерьера, у Якова Андреича появился дорогостоящий домашний кинотеатр. Большую часть своего жизненного времени он проводил дома, и это приобретение, наверное, как-то скрашивало его одинокие дни.

«Значит, на помощи таким, как я, старик неплохо зарабатывает,» — пронеслось в голове у Милославской, и она тут же принялась рыться в кошельке, отсчитывая энную сумму.

В этот момент Яков Андреич и крикнул ее.

Яна, поморщившись, снова всунула ноги в предоставленные ей тапки и поспешила к хозяину.

— Садись, — проговорил он, снова подставляя ей тот же табурет.

Гадалка села.

— Вот что я тебе скажу, — продолжил хозяин, в стопочку укладывая изученные бумаги. — Во-первых, все, до чего ты дошла сама — суцья правда. За это хвалю — видно, уроки, не проходят даром, — Яков Андреич обнажил в улыбке свой беззубый рот. — Во-вторых...

Старик, загибая пальцы, назвал Милославской, когда именно

Воробьевым были потрачены деньги и какая именно сумма.

— Более того, — продолжил он, — твой Алексей Михайлович не просто сотрудничал с ООО «Парус»... Он входил в его руководство! Во многих местах стоят его подписи, если хочешь знать. Довольно отчетливые, поэтому не думай, это не ошибка.

— Да что вы, я не думаю, — пролепетала гадалка, с трудом сдерживая радостную улыбку.

— Еще я тебе скажу, — продолжил Яков Андреич, — что Воробьев уже получил после большого вложения определенную прибыль... И еще — как мне кажется, бизнес у «Паруса» навряд ли был легальным.

Старик пошамкал немного и продолжил:

— Яна, будь осторожна. Там крутятся большие деньги. Возможно, из-за них этот человек и погиб... Будешь расследовать это дело, не суйся туда открыто, не советую...

Яна только хлопала глазами, потому что в эти минуты ничто, кроме охов и ахов из ее уст вырваться было не способно, да и старик не любил подобных сантиментов.

Он еще несколько минут говорил Милославской о том, что содержалось в бумагах, а она по-прежнему бессловесно кивала ему в ответ.

— Теперь смотри, поучу, — в завершение добавил он и опять пододвинул сложенные в стопку бумаги.

Яков Андреич принялся тыкать пальцем то в одну строчку, то в другую, пытаясь обучить Яну хотя бы азам своего мастерства. Конечно, далеко не с каждым, а скорее, с Милославской одной он проделывал такое. Хотелось кому-то предать накопленный опыт, к тому же с гадалкой его связывали не только деловые отношения — он когда-то в молодости дружил с ее отцом, да и сама Милославская была ученицей, о которой мечтает любой учитель — она схватывала все на лету.

Правда на этот раз ей как никогда трудно было сосредоточиться на произносимом Яковым Андреичем — мысли, возникшие в ее голове после открытого стариком, настойчиво спешили уложиться в определенную систему и мешали воспринимать новую информацию. Сказанное хозяином квартиры звучало в голове гадалки снова и снова, заглушая то, что он говорил сейчас. Тем не менее Яна кивала в ответ на каждую фразу Якова Андреича и послушно смотрела в те строчки, на которые он указывал.

— А теперь повтори-и, — вдруг проскрипел он.

— Я?... А... Э-э-э, — только и смогла выговорить Милославская.

— Что-то ты рассеянна сегодня, дорогая, — спокойно ответил на это старик и принялся объяснять все сначала.

Яна собрала в кулак всю свою волю, понимая, что едва ли она сможет где-то научиться тому, чему сейчас ее обучает старый знакомый, и все же заставила себя на время отключиться от всего, выходящего за рамки сиюминутных слов Якова Андреича.

Он говорил не спеша, объяснял доходчиво, и постепенно в голове Милославской стал накапливаться определенный багаж новых знаний.

— Ясно? — улыбаясь и шамкая, спросил Яков Андреич после повторного объяснения.

— Угу, — так же немногословно ответила гадалка.

— Чего угу? — нравоучительно парировал тот. — Ты бы записала чего. На голову надейся, да сама не плошай. Где у тебя там блокнот? — Яков Андреич покосился на Янину сумку. — Другие-то записи целы? — сдвинув брови, спросил он, когда Милославская открыла записную книжку.

— Целы, целы, — улыбаясь, ответила Яна, — куда же они денутся.

— Кто тебя знает, куда. Ну ладно, хватит шутить, давай записывай.

И старик произнес длинную тираду, разбив ее на пункты 1, 2, 3, 4 и так далее. Яна только и успевала делать торопливые движения шариковой ручкой.

— Разборчивей, разборчивей пиши, — наставлял ее Яков Андреич.

Гадалка подумала, что ему вполне бы удалась карьера преподавателя. Она вдруг представила старика в черном модном фраке, белой рубашке и элегантной бабочке, за институтской кафедрой и тут же заключила, что его наверняка терпеть бы не могли студенты, зато потом, по прошествии нескольких лет и по пришествии мудрости они вспоминали бы Якова Андреича с наибольшей благодарностью.

— Точка, — подытожил Яков Андреич. — Убирай все. Чайку попьем.

— Да нет... Спасибо. Я...

— Я что-то плохо слышу Яночка, что ты там... Давай, давай, включай-ка чайник, — только и ответил он на ее возражения, поглаживая лысину.

Гадалка вздохнула, приподнялась и поставила небольшой слегка закопченный чайник на огонь. В левой руке она по-прежнему сжимала приготовленные для старика деньги.

— Яков Андреич, вот, возьмите, — скороговоркой произнесла Милославская, — я вам очень благодарна за вашу помощь.

Старик был абсолютно непредсказуем, и, произнося эти слова гадалка боялась смотреть ему в глаза, почему и отвела взгляд немного в сторону. Однако Яков Андреич отреагировал вполне спокойно: взял деньги, сказав:

— Премного благодарен.

Наверное, нуждался. Иногда он с визгом отвечал:

— Убери это сейча-с-с-с-же! — и жидкие его волосья гневно подпрыгивали на голове.

— Сахарок доставай, вон там, в шкафу, — певуче сказал Яков Андреич, убирая деньги в карман. — Чашки бери, наливай заварку...

Яна послушно выполняла команды хозяина квартиры, в то время как ей хотелось поскорее уйти и заняться делом. Яков Андреич прекрасно это понимал, но вопреки своим принципам — напоить гостя бессменным зеленым чаем — поступать не собирался.

— Чаек у меня хороший, с жасминчком, — приговаривал он, глядя, как из заварника стекает в его чашку бледная зеленоватая жидкость.

Гадалка наполнила чашки кипятком и присела за стол. Отхлебнув чаю, она подумала: «Это все равно, что пить одеколон», — но такое замечание вслух привело бы к полному разрыву столь выгодных отношений с Яковым Андреичем, поэтому, в очередной раз поступившись своими жизненными правилами и вкусом, Яна снова смолчала.

— Аппетит у тебя плохой, — заметил старик, видя, как Милославская цедит из чашки неприятную ей жидкость. — Сейчас я тебе его подниму.

«О Боже! — подумала гадалка. — Что он еще придумал?!»

Яков Андреич на миг скрылся в другой комнате и вскоре вернулся оттуда с какой-то толстой книгой.

— Вот, — сказал он, — справочник. Свежайший.

Милославская смотрела на собеседника удивленно.

— Тут ты найдешь информацию о местонахождении твоего «Паруса», — старик похлопал по книге — и других ЧП.

— Но вы же сказали, что они работают, скорее, нелегально...

— Они зарегистрированы по одному виду деятельности, а большие деньги зарабатывают, вероятно, другим — вот что я хотел тебе сказать, милая. С твоим опытом ты уже должна была прочитать это между строк.

— Да, конечно, — тихо проговорила в ответ Милославская.

Яков Андреич протянул ей справочник.

— Это редкость, — сказал он. — Просто так на лотках не валяется. Я только-только приобрел. Выпускается, кстати, нелегально, — старик закричал.

— Как же я вам благодарна! — восторженно произнесла в ответ Яна, принимая книгу и прижимая ее к себе.

Аппетит у нее после этого не разыгрался, зато вкус притупился, потому что голову снова обуял рой мыслей. Она механически большими глотками допила чай и встала со своего места.

— Ну что же, теперь-то вы меня отпустите? — улыбаясь, спросила она

хозяина, который тоже опустошил свой бокал.

— Куда же я денусь, — тоже с улыбкой ответил он и развел руками. — На, — Яков Андреич протянул гадалке все то же полотенце, — руки-то вытри.

— Спасибо, — подавляя протестующий дух, ответила Милославская и выполнила указание.

— Ну, я пойду? — спросила она.

— Да-да, идем, провожаю, — ответил хозяин и зашаркал вслед за ней шлепанцами.

ГЛАВА 13

Расставшись с Яковом Андреичем, Милославская заспешила где-нибудь уединиться с полученным справочником. Ей не терпелось поскорее пролистать его, найдя строчку с наименованием «Парус». Минутах в десяти ходьбы от дома старика находился небольшой тихий сквер, где и решила обосноваться на время гадалка.

Она торопливо шагала по тротуару, никого и ничего не видя перед собой. Яна шла бы еще быстрее, если бы ее не отягощала ноша: кейс и довольно тяжелый справочник.

Мимо летели по шоссе троллейбусы, автобусы, автомобили, но Милославской казалось, что вокруг совершенно тихо, потому что она ничего не слышала, кроме собственных мыслей. В ее мозгу уже выстраивались кое-какие планы дальнейших действий, и она даже не заметила, как налетела ненароком на пожилого прохожего, обругавшего ее весьма нецензурно.

Через пять минут Яна свернула на более тихую улочку, спускающуюся к тому самому скверу. Дома на этой улице были частные, в основном старенькие, у одного из них на старом бревне сидели скучающие старушки, еще издали увидевшие идущую им навстречу отрешенную Милославскую, принявшиеся пристально наблюдать за ней и проводившие ее любопытными взглядами.

— Сумасшедшая какая-то, — сказала одна из них.

— Пьяна поди, — не согласилась другая.

— Они теперь не пьют, колют себе чего-то, — высказала свою версию третья.

Темы обсуждений современной молодежи старушкам хватило до позднего вечера. Спасибо Яне Борисовне, развлекла.

Густая зелень парка наконец впустила в себя гадалку и сомкнула за ее спиной свои ветви. За деревьями тут давным-давно никто не ухаживал. Они разрослись, сучья их высоко поднялись над аллеями и местами сомкнулись между собой, образовав длинные полукруглые живые арки, в которых копошились птицы, перепрыгивающие с ветки на ветку.

Молодая поросль тоже так густо заселила сквер, что кое-где сквозь нее ничего невозможно было увидеть: ни соседнюю тропку, ни дорогу, которая шла мимо парка. Поэтому днем, в жару, любой чувствовал тут себя весьма комфортно, а вечером — жутковато. Наверное, в иной ситуации и

Милославская тоже. Однако сейчас это место показалось ей самым подходящим — немногочлюдно и довольно тихо.

Попетляв по нескольким дорожкам, Яна отыскала наконец скамейку, всерьез удивившись, что она оказалась в таком месте редкостью. То ли местные власти сидели сложа руки, то ли местное ворье слишком старательно эти руки прикладывало...

Скамейка находилась во вполне уединенном месте. Ее окружали несколько кленов и затерявшаяся среди них молодая липа, от которой приятно пахло медом. Только начинавшие гудеть комары были единственной неприятностью.

С чувством облегчения Милославская опустилась на лавку, положила рядом с собой пакет с кейсом, на всякий случай придерживая его, и открыла оглавление справочника.

Сначала она старательно его изучила, хотя прыгающие нервы и заставляли ее двигаться вперед без оглядки, потом начала листать страницы в поисках сведений о «Парусе». Попутно нашла для себя много интересного, на чем решила позже, возможно, дома перед сном, остановиться подробнее.

Итак, заветное слово мелькнуло среди прочих.

— Ага-а! — со злостным удовлетворением прошептала гадалка.

Она вперилась пальцем в найденную строку, словно та пыталась от нее убежать, и вслух стала читать написанное. Проходившая мимо женщина с улыбкой оглянулась на нее.

В справочнике Яна нашла не только адрес интересующей ее фирмы, но подтверждение того, что Алексей Михайлович Воробьев, действительно, имел к «Парусу» непосредственное отношение.

— Думаю, долго держать книгу будет неприлично, — сказала себе гадалка и решила переписать все, что ее заинтересовало насчет «Паруса», в свой блокнот. И вообще, она всегда предусмотрительно «размножала» ценные сведения.

Для удобства Яна положила на колени кейс и принялась переписывать. Буквы выходили кривые, поскольку поверхность все же была не слишком ровной, но в ее рабочем блокноте редкая запись оказывалась аккуратной, хотя гадалка в вопросах порядка и была весьма щепетильной.

Начинало уже смеркаться, и от напряжения, вызванного наступавшей темнотой, покалывало в глазах. Когда подул ветерок и пряди волос стали падать на блокнот, мешая писать, Милославская и вовсе решила, что какие-то темные силы восстанут против ее продвижения к победе.

Она зло заправила волосы, немного поморгала, чтобы облегчить

работу зрения, и все же довела начатое дело до конца.

Теперь стоило окончательно задаться вопросом, что делать дальше. Конечно, очертания плана уже давно созрели в голове Милославской, но она имела привычку перед любым начинанием расставлять все точки над и, то есть определить все свои действия от и до. Итак, она решила: первое — съездить домой, чтобы отвезти кейс, справочник, переодеться в спортивную одежду и — второе — ехать срочно на объект — так она мысленно назвала ООО «Парус».

Зачем? Затем, чтобы выяснить, что есть их легальная деятельность, а что скрытая для глаз официальных органов работа, поскольку, как выразился Семен Семеныч и как многие говорили в такой ситуации, «собака зарыта» была именно в подпольном обороте чего-то. Чего — Яна тоже намеревалась узнать.

В ее голове все еще звучали слова Якова Андреича о том, что в «Парус» не стоит соваться открыто. В этом Милославская вполне с ним была солидарна, а потому мысли просто прийти в «Парус», представиться: здрас-сьте, мол, я Яна Борисовна, хочу узнать о том-то и том-то — у гадалки не было.

Уже темнело, но Милославской только того и нужно было, ведь в «Парусе» ее никто не ждал с распростертыми объятьями, и действовать женщина намеревалась тайно.

Конечно, это не было безопасно, но гадалка намеревалась попасть домой еще и для того, чтобы взять с собой Джемму, верную помощницу в таких делах.

Такие минуты, после эпизодов гадания, конечно, по мнению Яны, были самыми захватывающими в ее работе. Сейчас она без помощи доктора могла бы определить, что у нее повысилось давление, участился пульс и наблюдается легкая аритмия. И, несмотря на это, Милославская ни за что бы не отказалась от своих намерений, какой бы ущерб ее здоровью они не нанесли.

— А кстати... — хитро прищурившись, проговорила вдруг гадалка. — Не попросить ли мне дополнительного совета у карт?

Пришедшей мысли она очень обрадовалась. На самом деле — своя голова хорошо, а подсказка потусторонних сил в приложение к ней — все же лучше.

Яна чуть отложила в сторону пакет с кейсом, в который всунула и справочник Якова Андреича, и открыла сумочку, чтобы отыскать в ней любимую колоду.

— Вот она заве-етная! — с любовью протянула гадалка, доставая

карты.

По привычке она веером развернула их перед собой, будучи в полной готовности приступить к гаданию, но внезапно возникшая дилемма заставила ее на минуту задуматься. А ведь она совсем не решила, какой вопрос задаст своим любимцам, о чем, собственно, их спросит!

Итак, Яна собралась идти к ООО «Парус». Это было уже точно определено. Поэтому вопрос о том, куда двигаться дальше, отпал сам собой. Так же отодвинулся на задний план и ряд других вопросов. Но ведь что-то мучило Яну, что-то не давало ей покоя, и это следовало как можно более четко сформулировать, глядя в лицо картам.

Стоп! Ведь гадалка к тому же не решила, какой из карт воспользуется! Она пристально посмотрела на колоду, словно видела ее впервые. Таинственные символы: зрачки, небесные тела, колокольчик, лестницы — замелькали перед ней в своем мистическом разнообразии.

На миг Яне показалось, что ее притягивает к себе карта «Внушение». Корявая фигура, изображенная на ней, словно маняще зашевелила своими древесными щупальцами. Но, подумав, гадалка решила, что обращаться к «Внушению» пока не было смысла. Кому и что внушать? Милославская сразу эту карту отодвинула в сторону.

И в «Царство живых», на которое гадалка перевела внимание, она заглядывать не собиралась — было и так ясно, что Воробьев — покойник. Что ж, и «Царство живых» молча посторонилось.

«Джокер»? Едва ли он мог посоветовать сейчас что-то определенное — таковы уж были его принципы, поэтому Яне и его пришлось убрать.

«Чтение»? Но в чьи мысли заглядывать? Вокруг никого.

Так гадалка размышляла, рассуждая над каждой из карт, и в конце концов она выбрала «Да» и «Нет». То есть собралась спросить, есть ли вообще смысл в ее визите к «Парусу», принесет ли это пользу. В конце концов посещение названной фирмы требовало определенных временных затрат, а потому гадание на «Да» и «Нет» оказывалось необходимым.

Присев на скамейке поудобнее, Яна положила «Да-Нет» на правое колено и накрыла его похолодевшей от волнения ладонью.

Эта карта, как и все остальные, имела символическое изображение. Посреди кирпичной стены располагались ворота, распахнутые какой-то неведомой силой. Вдаль уходила дорога, которая замыкалась в огромном человеческом зрачке, поглощающем ее в себе.

Милославская знала, что сосредоточиться в сложившейся ситуации ей будет непросто. Нет-нет да и проходили мимо люди, ветерок шелестел зеленью за ее спиной, комары так и норовили ухватить за открытые части

тела... Да и напряжение ее сковало порядочное.

Однако карта поспешила удивить Яну: она практически сразу почувствовала покалывание в кончиках пальцев, а потом и идущее от картона тепло. Наверное, скопившаяся за день и за этот стрессовый промежуток времени чудодейственная энергия искала выход и наконец нашла его: мощным сгустком вонзилась она сейчас в разум гадалки, еще более увеличивая его необъяснимые способности.

— Да или нет, да или нет, — еле слышно твердила Милославская, спрашивая карту о том, стоит ли ей тратить время на работу вокруг «Паруса».

Гадалка многократно повторяла эту фразу и в один неуловимый момент потеряла грань между реальностью и тем миром, в который она всегда погружалась во время своих сеансов. Яна уже не слышала стрекотанья насекомых, бороздящих траву, шелеста листьев, будоражимых ветром — все это осталось где-то там, за гранью ее сиюминутного состояния.

— Да или нет, да или нет, — кружилось в голове, и, казалось, эти слова уже произносит не Яна Милославская, а какой-то таинственный голос.

Эхом отдавались они где-то в вышине, заглушая все вокруг. Да-а-а... Нет... Да-а-а-а... Нет... Вскоре эта фраза стала отдаваться в сознании Милославской одним словом:

— Да, да, да, да.

С этим словом она и очнулась. Оно, произнесенное чьим-то страшным, магическим голосом, застыло на Яниных устах.

Милославская открыла глаза и непроизвольно произнесла:

— Да.

А немного придя в себя, оценила все и еще более взвешенно, с невероятным облегчением, проговорила:

— Значит, начнем работу с «Парусом».

У гадалки в этот момент возникла вдруг масса других вопросов, вытекающих из утверждения карт о необходимости посещения «Паруса». Что? Как? Зачем? Яна ужасно сожалела, что не могла о обо всем этом теперь спросить у колоды, ведь ей требовалось время на восстановление сил.

Сознавая это, Милославская все же заметила, что состояние ее было куда лучше, чем обычно после гадания. Обыкновенно она даже подняться могла не сразу. Яна и рада была бы еще раз взяться за колоду, но карты всегда диктовали свои законы и никогда не позволяли преступать их — второй раз к ряду они просто не шли на сотрудничество.

Яна огляделась, не вполне ориентируясь поначалу, где вообще находится, как это бывает порой с человеком, проснувшимся не у себя дома и долго соображающим, где он и как туда попал. Увидев вокруг себя сквер, в котором стало совсем темно, Милославская вспомнила все происходившее до гадания. Она по-прежнему сидела одна посреди узкой аллеи.

Через некоторое время, немного придя в себя, гадалка усилием воли поднялась на ноги. Она встряхнула спутанными легким ветром волосами и тяжело вздохнула. Самочувствие не очень располагало к работе. Тем не менее Милославская знала, что у нее еще есть время для восполнения потраченной энергии: сейчас она поймает такси и по дороге домой вздремнет немного.

Не поднимая еще своего пакета со скамейки, гадалка потянулась и сделала несколько встряхивающих движений кистями рук. В теле сразу почувствовалось расслабление.

— Теперь можно идти, — едва слышно сказала себе женщина и, собрав пожитки, поплелась по скверу.

Со стороны можно было подумать, что она пьяна: Яну слегка покачивало из стороны в сторону, потому что к окончательному душевному и физическому равновесию после гадания она еще не пришла.

Ну вот и конец аллеи, за высоким бордюром — дорога. Яна подошла к обочине и стала голосовать. Почти сразу возле нее остановилась «Волга» с привычными шашечками.

— Куда прикажете? — весело, с забавным кубанским акцентом спросил усатый водитель, когда Милославская разместилась на заднем сиденье.

— В Агафоновку, — произнесла Яна с таким вздохом, будто это было само собой разумеющееся.

— В Агафоновку, так в Агафоновку, — обиделся водитель на показавшийся ему высокомерным тон и больше не стал вступать в разговор с клиенткой. А даже если б и попытался, едва ли б она ему ответила: как только машина тронулась с места, гадалка закрыла глаза и задремала.

ГЛАВА 14

— Э-э-эй, тетя, вставай! — донеслось вдруг до Милославской.

Она удивленно открыла глаза.

— Тетя, ты что пугаешь? — взбудораженный водитель тряс гадалку за плечо, покинув свое место и подойдя к ней с задней двери.

— А? — не поняла Яна.

— Выходи, приехали, — сердито ответил кубанец, утерев под носом. — Я уж думал того, труп катаю.

— Да-да, сейчас-сейчас, — забормотала Милославская, выбираясь из машины, — простите ради бога. Я заснула...

— Вот это ты спишь! Как пароход на якоре... — водитель рассмеялся, испытав облечение.

Гадалка поспешила расплатиться с таксистом, которому, разумеется, не было смысла объяснять, что женщина просто восстанавливала силы после гадания. Едва ли он в таком случае поверил собственным ушам.

Автомобиль отъехал, а Яна отперла калитку и вошла в свой двор. Кругом было тихо, только сверчок радостно трещал где-то под крыльцом. Джемма, услышав, что хозяйка отпирает дверь, стала с обратной стороны царапать ее когтями.

— Сейчас, сейчас, — успокоила ее Милославская.

Собака кинулась навстречу ей с радостным поскуливанием. Потеревшись об ноги хозяйки и облизав ей все руки, она успокоилась и улеглась на свой коврик в углу прихожей, думая, наверное, что сегодня ей больше не о чем переживать.

— Э-э-э, — со смехом обратилась к ней Милославская, — можешь даже не прикладываться! Хотя, впрочем, минут десять у тебя есть.

Джемма поднялась на ноги, не понимая, к чему клонит ее хозяйка. Милославская же, понадежнее спрятав кейс, а справочник отнеся в свой кабинет, пошла переодеваться.

Яна выбрала темный спортивный костюм, потому что, по ее мнению, в нем она была менее всего заметна в темноте.

Волосы гадалка заплела в тугую косу, чтобы не мешали.

Она прихватила и небольшую, почти невесомую спортивную сумку, в которую покидала кое-какие «инструменты», как она их называла: фонарик, газовый баллончик, связку отмычек и еще ряд приспособлений, которыми Милославская не раз пользовалась в своей работе.

Пристегнув к шее Джеммы длинный кожаный поводок, Яна скомандовала:

— Теперь можем идти.

Однако как только нога ее вознеслась над порогом, собираясь переступить его, зазвенел телефон.

— Кто еще так поздно? — удивилась гадалка и, недоумевая по этому поводу, побежала к трубке.

«Может, Руденко? — на ходу подумала она. — Надо было ему раньше отзвониться!»

Гудки были так настойчивы, что, казалось, можно было почувствовать, как кто-то на том конце провода нервничает.

— Алло, — немного запыхавшись, произнесла Яна.

— Слушай сюда, — вдруг прогремело ей в ответ. — Завтра в восемь утра на железнодорожном вокзале в камере хранения тебя будет ждать сюрприз. Номер ячейки сообщу утром в половине восьмого. Приходи обязательно!

— Кто вы?! — воскликнула гадалка, но из трубки звонко посыпались короткие отрывистые гудки.

— Боже! — прошептала Яна, глядя на подбежавшую к ней Джемму. — Кто этот мужчина?

Голос его ей был совершенно не знаком. Да и глупо бы выглядело, ей бы знакомый человек преподносил ей сюрпризы подобным образом, тем более что и праздников-то никаких в ближайшие дни не намечалось.

Если бы это случилось накануне первого апреля, Яна от души бы порадовалась столь оригинальной шутке. Но сегодня такое предложение ничего, кроме настороженности, у гадалки не вызвало, потому что оно, вероятнее всего, было напрямую связано с ее расследованием.

Милославской сразу пришла мысль, что либо за ней все же следили, либо кто-то организовал прослушку. Могли прослушивать телефон или вообще само помещение. Безусловно, заинтересованным лицам важно было знать, стоит ли опасаться этой хрупкой на вид женщины и насколько далеко она зашла в своих попытках раскрыть преступление.

За истекший день Милославская говорила о важном деле по телефону, к ней приходил Игорь, потом Руденко, в конце концов она и поразмышлять вслух любит... В общем, при желании сноровистый преступник сегодня мог выудить все, что интересовало его начет гадалки.

— Едва ли тут обошлось одной только слезкой, — проговорила Яна, оглядывая комнату. — Наверняка была и прослушка.

Этим вопросом Милославская всерьез озадачилась, потому что

находиться незамеченным рядом с ее домом и проникнуть в него, когда там находилась Джемма, было невозможно, а Джемма...

— Ах, да! — воскликнула гадалка, хлопнув по столу. — Мы уходили на пустырь!

Этим моментом преступник и мог воспользоваться. А потом звонил Игорь, затем он приехал, потом прибыл Руденко, в общем, в установившейся суете ни Яне, ни ее собаке просто некогда было присматриваться к тому, все ли вокруг в порядке.

Джемма, конечно, — существо необыкновенное, но этот день принес в дом гадалки столько новых запахов, что и она легко могла быть сбита с толку. Ей трудно было сообразить, что присутствовало в помещении как само собой разумеющееся, а что проникло извне совершенно незаконно.

Сначала Яна явилась, вся пропитанная запахом дорогого мужского одеколona, который въелся в ее одежду в кабинете Воробьева и который собачий нюх легко уловил... Потом она выложила на обозрение Джеммы кейс, как-то странно пахнущий... Распахнула его, и оттуда повеяло запахом бумаги и типографской краски... Явился Игорь, наполнив комнаты своим ароматом, стал доставать всякие «штучки», нюху овчарке также незнакомые... От Руденко пахло «Шипром» и его излюбленным портвейном, плюс столовскими беляшами... Поди-ка тут разберись! Тем более что хозяйка никаких особенных команд не давала.

После звонка Джемма сразу сообразила: что-то не так и насторожилась, готовая жизнь отдать за Милославскую.

— Джемма, ищи! — сердито скомандовала ей Яна, и та поняла: все очень серьезно.

Овчарка кинулась рыскать по дому, обнюхивая каждый, даже знакомый ей, предмет. Гадалка пристально следила за всеми ее движениями. Проникнув в кабинет хозяйки, собака вдруг залаяла. Милославская кинулась туда, но тут же увидела, что Джемма возмущается по поводу справочника, лежащего на ее рабочем столе.

— Фу! — дала команду Милославская. — Отставить! Это мое.

Собака развернулась и принялась снова рыскать по комнатам. Довольно быстро она снова обнаружила подозрительный предмет и подняла лай. Джемма оперлась передними лапами на один из подоконников и голосила, глядя на форточку. Потом она вытянула морду и ухватила что-то небольшое зубами. Тут же засеменила к хозяйке и положила находку к ее ногам, покорно присев рядом.

— Что это? — Яна подняла найденный предмет и стала рассматривать его, приподняв к свету. — Ну точно! Была прослушка! — с горечью

воскликнула она.

Преступники, не желая рисковать и отягощать вой поступок проникновением в дом, закрепили подслушивающее устройство у форточки, которую Яна летом никогда не закрывала. Сделав дело, они, видимо, хотели скрыть следы своей деятельности, но, очевидно, чего-то или кого-то испугавшись, заторопились и зацепившуюся за сетку часть устройства обломили. Ее и нашла Джемма. Но этого было вполне достаточно, чтобы установить: за Яной наблюдали.

— О черт! — сквозь зубы произнесла гадалка.

Она отыскала небольшой полиэтиленовый пакетик, в который поместила находку, пояснив:

— Будет, если что, вещдок.

Следом Милославская подошла к телефону, подняла трубку и торопливо набрала номер Семена Семеныча. Она покосилась на циферблат часов: для звонка было уже поздно, но повод для разговора казался гадалке более чем простительным.

Ответили Милославской почти сразу.

— Сема, спишь? — скороговоркой спросила она.

— Нет, — протянул Три Семерки.

— Уже нет, то есть после моего звонка, или вообще еще не спишь?

— Вообще не сплю, жду, когда ты звякнешь. Давай, отчитывайся.

Руденко говорил неспешно и спокойно, еще и подшучивал.

— Лучше я потом отчитаюсь, — приняла шутку Милославская.

— Сначала тебе новость сообщу! Готов?

— Всегда готов! — отрапортовал Три Семерки.

— Мне сейчас звонили, — начала гадалка.

— Ну, — требуя продолжения, произнес Семен Семеныч.

— Неизвестное лицо.

Яна выдержала паузу. Руденко уже не «нукал», а молчал, понимая: пахнет жареным.

— Таким громовым голосом неизвестный мужчина сказал, что завтра в восемь утра на железнодорожном вокзале в камере хранения меня будет ждать сюрприз. Прийти я должна обязательно, — быстро проговорила гадалка.

— Что еще за сюрприз?!

— Хотела бы я знать.

— Это шутка?

— Боюсь, что нет.

— М-да... Дели-ишки... А номер, номер ячейки какой? Мы сейчас же

можем туда оперов направить!

— Хм, мой бывший собеседник не такой дурак, чтобы с ходу говорить об этом. Номер он решил сообщить за полчаса до того, как я должна прибыть к месту назначения.

— Ну и подлец! Ловок, шельма!

— Ты дальше послушай. Я решила, что за мной следили или была прослушка. Велела Джемме искать. Она нашла осколок жучка.

— Ты уверена?

— Как никогда.

— Хороша Джемма!

— Ты лучше, что будем делать, скажи. Про Джемму я и без тебя знаю. Я считаю, что все это связано с нашим расследованием.

Далее Яна рассказала приятелю, все что узнала в его отсутствие, немало удивив его и обрадовав.

— Вот так повороты! — крикнув, произнес он. — Ну что ж, Яна, меры надо принимать самые экстренные! Тебе нужна охрана!

— Так, так, так, сто-оп! — протянула Милославская, перебив приятеля. — Меня не надо об этом спросить?

— Спрашиваю.

— Тогда отвечаю: охрана мне не-нуж-на.

— Ты же в опасности! — раздражаясь, воскликнул Семен Семеныч.

Яна не собиралась уступать ему, а потому принялась доходчиво отстаивать свою точку зрения:

— Во-первых, мне пока еще никто не угрожал. Во-вторых, в опасности я не первый раз. В-третьих, у меня есть Джемма, и я всегда на связи с тобой! И вообще, я сейчас ухожу. У меня... свидание, — под конец соврала гадалка, не желая посвящать Руденко в суть своего последнего решения. Он бы ни за что не дал согласия отпустить туда Яну одну и так далее, и далее, и далее...

— Ну ты даешь! Яна, ты... Тут такое, а у нее свидание!

— Когда-нибудь я должна устраивать свою личную жизнь...

— Слишком уже не вовремя, — буркнул Три Семерки. Он немного помолчал, недовольный и продолжил: — Ладно.

Уходишь, так уходишь. Насчет завтра что решила?

— Надо идти.

— Ну хоть тут ты проявила благоразумие. Свидания обычно лишают рассудка...

— Сема, я не поддамся на провокации и не пущусь в спор насчет собственного благоразумия, не надейся. Давай по поводу завтрашнего утра

все обговорим. Ведь сюрприз может быть каким угодно...

— В наши «взрывные» дни, да.

— Знаешь, я тоже о взрывчатке сначала подумала. Но ведь, если бы от меня хотели избавиться, нашли бы какой-то другой способ. Я не Джеймс Бонд в конце концов.

— Да это я так, к слову. Сейчас попытаюсь установить, с какого телефона тебе звонили, определю данные абонента. И еще позабочусь о защите от прослушки на твой телефон.

— Вот это почести! Я точно, как агент ноль ноль семь.

— Не обольщайся, это на время, кто ж мне разрешит так о частном лице заботиться. Но на несколько дней... Думаю, смогу пробить этот вопрос.

— Спасибо, Сема, ты настоящий друг.

— Да, поспать мне сегодня не придется.

— Ну не мне же одной полуночничать...

— Надеюсь, кавалер твой надежный? Встретит? Проводит?

— С ним все в порядке, Сема.

— Ты уж смотри там, осторожнее.

— Буду стараться.

— В общем, завтра в половине восьмого будь как штык у калитки. Я за тобой заеду.

— Договорились.

— Удачи.

— Удачи.

Яна положила трубку и сказала Джемме:

— Ну что, идем, дорогая? Времени у нас не так много. Надо еще успеть вернуться и хоть чуточку поспать.

Собака побежала вперед, виляя хвостом. Милославская направилась вслед за ней, и вскоре они обе были за калиткой.

На улице совсем стемнело. Все вокруг заполнил назойливый посвист сверчков и треньканье других насекомых. Подул прохладный ветерок, и стало свежо. Горько пахло полынью. Небо казалось звездным, как никогда, и любоваться им было одно удовольствие. Только не для этого гадалка вышла на прогулку, а потому в любовании ей пришлось себе отказать.

Милославская, тесно скрестив на груди руки, поежилась.

— Ветеро-ок, — сказала она, глянув на Джемму. — Ладно, вперед.

Улицу освещали несколько тусклых фонарей, и спускаться вниз к дороге можно было почти безбоязненно — местность прекрасно просматривалась на несколько метров вокруг. Джемма держала уши остро,

периодически выглядывая из-за травы, забором огородившей тропинку, по которой шла она со своей хозяйкой.

Кошка, испуганно выскочившая из-под забора соседского дома прямо под ноги гадалке, заставила Яну вздрогнуть и молниеносно скрылась в траве.

— Вот дрянь! — сердито воскликнула Милославская, машинально схватившись за заколотившееся сердце.

Досталось бы этой кошке, если бы гадалка не остановила Джемму — та рванула было вслед за Яниной обидчицей, но Милославская сказала:

— Джемма, у нас есть более серьезные враги. Оставь эту несчастную.

Тропинка вывела единомышленников к дороге, где гадалке снова пришлось голосовать. Машин в это время на дорогах обычно оставалось не так много, как днем, а в районе Агафоновки и подавно, поэтому Яне пришлось понервничать, прежде чем ищущий клиентов автолюбитель притормозил рядом.

ГЛАВА 15

— Вперед! Только тихо! — скомандовала Милославская своей собаке.

Они стояли на окраине дороги, напротив которой и находилось ООО «Парус». Предприятие было обнесено высоким бетонным забором и, разумеется, охранялось, поэтому остаться незамеченными — было первой гадалкиной задачей.

Яна потуже натянула поводок и большими шагами двинулась за Джеммой, рвущейся вперед. Прямо на них смотрели высокие металлические ворота. Но они не были предназначены для незваных гостей, а потому Яна решила сначала обойти бетонный забор вокруг, чтобы найти подходящее для проникновения на территорию «Паруса» место.

Никаких тропок вдоль забора не наблюдалось. Предприятие находилось в довольно уединенном месте, в паре километров от жилого микрорайона, и пешеходы тут встречались очень редко. По этой причине гадалке пришлось самой прокладывать себе дорогу. Почти по пояс войдя в бурьян, живой стеной окруживший забор, она пошла вдоль плит, пустив впереди себя Джемму, которая хоть немного раздвигала траву и облегчала хозяйке движение.

На территории предприятия горел мощный фонарь, но в той части, с которой начала свое следование Яна, было совсем темно, потому что высокий забор преломлял свет. Местами гадалка оступалась, попадая ногами в промежутки между высокими кочками. Она старалась не произносить ни звука, хотя испуганное «ой» так и норовило соваться с губ.

Милославской необходимо было не только смотреть себе под ноги, но и изучать забор, подыскивая в нем дыру или выступы арматуры, которые помогли бы ей проникнуть внутрь. Этим движение вперед и усложнялось.

Гадалка достала фонарик, но зажигала его только временами, когда требовалось рассмотреть что-нибудь более пристально. Яна включала только ближний, более слабый свет, так как опасалась быть замеченной и привлечь к себе внимание.

При остановке Милославская крепко натягивала поводок, что было сигналом для Джеммы остановиться. Собака сразу подчинялась таким бессловесным командам, прекрасно понимая, что того требует сложившаяся ситуация.

В какой-то миг в траве что-то зашуршало и, раздвигая кусты, стало удаляться. Джемма сразу резко остановилась, наострила уши и дернулась

было в погоню, однако хозяйка тут же остановила ее, светом фонарика указав на перепуганного ежа.

Иногда гадалка останавливалась, прислушиваясь, нет ли за забором шагов охранника и не нужно ли ей на время притаиться. Но вокруг было тихо, и она шла вперед. Потом где-то вдалеке загудела электричка, и все ближе и ближе стало слышаться мерное постукивание колес состава. Это позволило Милославской двигаться вперед быстрее, не боясь посторонним шумом обнаружить свое присутствие.

В одном месте она обнаружила небольшое отверстие между плит и сразу приложилась к нему глазом. Отверстие позволяло увидеть только небольшую часть двора, зато обзор на охранную вышку был прекрасный.

Вышка располагалась на высоком кирпичном фундаменте, который при более внимательном взгляде оказался гаражом. Яна скромно назвала помещение для охраны будкой, но по размерам оно было не менее пятнадцати квадратных метров.

Будка оказалась до половины застекленной, и легко можно было наблюдать, что происходит внутри. А внутри горел свет. Яна заметила сидящих, вероятно, вокруг стола мужчин. Их она насчитала пятеро. Они, по-видимому, всем составом обедали, что Милославской играло на руку.

Она уже заметила несколько мест, где можно было попытаться преодолеть забор и, сделав кольцо вокруг него и снова увидев перед собой ворота, решила определить, какая из лазеек ей предоставляет больше шансов. Это Милославская их так назвала, лазейками, на самом деле, забор вокруг «Паруса» был добротный, и лучшим, что выбрала Яна, оказалась чуть выступающая посередине плиты арматура, наступив на которую можно было попытаться руками достать до верха плиты, подтянуться и... спрыгнуть уже на территорию предприятия.

Задача, конечно, предстояла не из легких, однако гадалка надеялась на свою физическую форму, которую она в перерывах между расследованиями старалась поддерживать. Яна посещала фитнес-зал, иногда покупала абонемент в бассейн, в свободное время предавалась увлечению ароматерапией и прочими модными направлениями в оздоровлении организма, которые в комплексе делали тело Милославской крепче. А в здоровом теле, как известно, здоровый дух. Этот дух тоже был призван помочь ей в преодолении нового препятствия. Хорошей подмогой всегда являлась и Джемма, и необходимо было поторопиться, чтобы в очередной раз доказать себе это.

Территория предприятия оказалась не такой уж и большой, к тому же идти по проторенной дорожке оказалось легче, и Милославская довольно

скоро снова достигла найденного и запримеченного ею места.

Маленький кусок железа смотрел на гадалку и, как ей казалось, посмеивался. Но Яна во что бы то ни стало обязана была преодолеть препятствие. Она понимала, что тяжелее всего будет дотянуться до арматуры, которая и была тут главной точкой опоры. Но в этом Милославская рассчитывала на Джемму.

Она притянула ее к себе за поводок и что-то нашептала той на ухо. Гадалка немного размялась, пошевелив плечевым поясом и скомандовала собаке, уже чуть громче:

— Держать!

Джемма послушно подставила свою мощную спину, на которую ловко вспрыгнула Милославская.

— Отлично! — шепнула Яна, переводя дух.

Теперь надо было надеяться на силу ног. Гадалка высоко задрала одну из них, и вот она уже кончиком кроссовка нащупала выступающий металл. Потянувшись рукой влево, Яна зацепилась ею за край плиты. Это была еще одна точка опоры. Одно ловкое движение, и Милославская резко поднялась вверх, встав на арматуру и придерживаясь обеими руками за верх плиты. Джемма, высунув язык и часто дыша, с волнением наблюдала за хозяйкой.

Немного переведя дух, Яна сделала еще одно усилие, и напрягшиеся руки по пояс вознесли ее над плитой. Ноги висели в воздухе и оставалось только перекинуть их через забор.

Милославская обернулась на Джемму и скомандовала:

— За мной!

Все среднеазиатские овчарки удивляют людей своим размером и силой, но Джемма очень выделялась даже на общем весьма положительном фоне. Поэтому одним мощным прыжком, царапнув в нескольких местах плиту, она перемахнула через забор, очутившись по обратную его сторону почти одновременно с хозяйкой.

Яна прислонилась к плите, чтобы отдышаться. Пятки у нее горели, как когда-то в детстве, когда она с подругой на перегонки прыгала с крыши сарая. Плита была выше того ветхого старого сарайчика, да и Милославская давно уже вышла из детского возраста, поэтому ощущения от прыжка оказались куда острее ожидаемых. В этой части забора было достаточно темно, поэтому гадалка могла себе позволить чуточку постоять в тени.

Первым делом она, конечно, огляделась и была поражена увиденным. По одну сторону от нее возвышалось несколько сравнительно небольших металлических резервуаров. Яна уже давно почувствовала запах бензина,

но здесь он ощущался еще острее, поэтому она с окончательной уверенностью заключила, что резервуары предназначены для хранения продуктов нефтепереработки.

От емкостей шло несколько труб достаточно большого диаметра. Все они вели в помещение, стоящее неподалеку от пункта охраны. Милославская уже догадалась, что находилось за стенами помещения, но одними догадками руководствоваться она не имела права, а потому решила подобраться к зданию и для пущей убедительности заглянуть внутрь.

Гадалке прежде всего нужно было преодолеть хорошо освещенный участок территории, который начинался в нескольких шагах от нее. Потом она снова могла скрыться в тени, падающей на землю от здания. Вокруг, кажется, никого не было и, дав команду Джемме, Яна рванула вперед.

Попав в тень, обе они поспешили прижаться к стене здания, потому что слышались чьи-то шаги. В будку охранников вела деревянная лестница, и ступени ее скрипели под тяжелыми ботсами одного из мужчин.

Яна затаила дыхание и жестом велела собаке вести себя как можно тише. Охранник вышел наконец на улицу и, насвистывая, пошел по территории прямо в направлении Милославской. «Ну все, пропала!» — с ужасом подумала она, еще сильнее прижимаясь к стене и считая, что ее заметили.

Гадалка не знала, что мужчина, выйдя из ярко освещенной комнаты, хорошо видеть во дворе еще не мог. Ему требовалось время, чтобы глаза привыкли к свету фонаря и стали различать предметы. Постепенно он приблизился к Яне и остановился всего в нескольких шагах от нее, тоже в тени. Женщина едва дышала.

Охранник продолжал насвистывать какую-то веселую мелодию. Он повернулся спиной к Милославской. «Значит, не видит,» — тут же с облегчением подумала она. Послышался звук расстегивающейся молнии и вслед за ним тихое журчанье. Узкий ручеек побежал от парня прямо к гадалке, потому что земля в этом месте имела небольшой наклон. Милославская поморщилась и раздвинула ноги, пропуская ручей к стене.

— А-а-а... — удовлетворенно протянул охранник, застегнул ширинку и быстрым шагом направился назад в будку, даже не глядя по сторонам.

— О Боже... — прошептала Яна, сползая по стене.

Она, конечно, допускала, что ее могут обнаружить. В этой ситуации гадалка придумала бы какую-нибудь историю, связанную с побегом собаки и ее поисками по все округе.

Как женщина, она вряд ли оказалась бы под подозрением. Но ее, конечно, немедленно бы выдворили за забор. А быть застигнутой в тот

момент, когда Милославская еще не достигла своей цели — не выяснила, что скрывает за своими стенами здание — означало проиграть этот бой. Этого Яна допустить не могла, а потому так остро и пережила последний эпизод.

Она, так же близко находясь к стене, начала передвигаться вдоль нее, пытаясь обнаружить вход в помещение. Он оказался с противоположной стороны, и одна стена попадала под самый яркий свет прожектора. Две фигуры скорее бы привлекли постороннее внимание, поэтому Джемме Милославская велела остаться в тени.

Семенящими шагами она миновала освещенную территорию и скрылась за большой железной дверью, которая была распахнута настежь и позволяла укрыться за собой. В проеме между петлями открытой двери образовалась щель, сквозь которую гадалка могла вполне хорошо видеть все, что происходило внутри.

Милославская поняла, что предположения ее подтвердились, когда увидела новенькое оборудование мини-нефтезавода. Работа здесь шла, видимо, круглосуточно, и за установкой сейчас следили несколько человек. Один из них сидел за столом и что-то записывал. Двое разговаривали, облокотившись на металлическую лестницу, лежавшую вдоль стены. Еще один что-то регулировал, стоя у установки. Большого Яна видеть не могла.

Все работники были одеты в черные форменные комбинезоны и бейсболки и выглядели как сотрудники вполне приличного предприятия. Неожиданно в поле зрения гадалки появилась женщина в белом халате.

— Давай на пробу, — сказала она тому, что сидел за столом, посмеиваясь. — Я за тобой бегать должна что ли?

Тот, скрипнув отодвигающимся стулом, молча встал и пошел вслед за удаляющейся женщиной. Что они делали дальше, Милославская видеть не могла — щель не позволяла ей этого. Но женщина достаточно быстро вернулась и, ругаясь, крикнула тем двоим, что беседовали:

— Дело опять дрянь, ребята! Октановое — снова шестьдесят!

Голос женщины, отдаваясь среди металла, звучал звонко, и ей это, видимо, нравилось.

— Что за ерунда! — воскликнул один из мужчин и приправил фразу крепким словцом.

— А я, думаю, Саня, это уже стабильно, — ответил ему напарник.

— Разбавлять будем? — удрученно спросил первый.

— Сейчас узнаю.

Саня достал мобильный телефон и набрал чей-то номер. Он долго прислушивался, а потом констатировал:

— Трубку не берет, черт.

— Пошли эсэмэску, — посоветовал ему приятель.

Саня последовал совету своего коллеги с вскоре получил ответ, скомандовав остальным:

— Бодяжим!

Он вдруг направился в сторону Яны. Она снова замерла и прижалась к стене. Мужчина подошел к двери потянул ее за большую металлическую ручку. Дверь стала двигаться на него.

Гадалка оказывалась без укрытия, и если не сам Саня, то кто-то другой, мог ее увидеть.

Милославская осторожно попятилась в сторону и, завернув за угол, поспешила тем же методом вернуться на прежнее место, где ждала ее Джемма. Оставаться на территории предприятия дальше было рискованно. К тому же гадалка получила определенную дозу информации, над которой ей требовалось поразмышлять, планируя дальнейшие действия.

Прежде чем покинуть мини-завод, Яна должна была найти подходящее место для возвращения за забор. Ходить вдоль него в поисках какого-нибудь выступа, как она делала это в первый раз, Милославская не могла — ее сразу бы заметили, тем более что большая часть двора достаточно хорошо освещалась.

Гадалка одной рукой расстегнула молнию на своей спортивной сумке и стала нащупывать внутри нее небольшой бинокль, который она тоже прихватила с собой. Он позволил бы ей получше присмотреться не только к светлым участкам забора. И хотя не везде «глаз» Милославской мог бы заглянуть таким образом (отсюда, если даже старательно передвигаться вдоль стен здания, обозревалось лишь три пятых намеченной цели), использование бинокля значительно увеличивало шансы гадалки.

Яна приложила бинокль к глазам и не спеша стала осматривать ограждающие территорию плиты. Освещенные места она видела совсем хорошо: каждую выемку в бетоне, каждую неровность. А вот к затемненным — тень на них бросали либо сами плиты, либо идущие по двору трубы, либо резервуары — приходилось присматриваться, прилагая куда большие усилия.

Джемма вдруг приподнялась и предупреждающе стала бить хвостом. Яна молча посмотрела на нее вопросительно. Собака тихо зарычала.

— Тихо! — сквозь зубы процедила Милославская.

В следующий миг она услышала гул автомобильного двигателя. Гадалка предположила, что он едет мимо предприятия по дороге, но когда за воротами раздался звучный гудок, Яна поняла, что ошиблась.

— Этого только не хватало! — с досадой подумала Милославская.

Охранники в своей будке сразу засуетились, поднялся гул их голосов, и Яна снова затаилась, быстро сунув бинокль назад в сумку.

Один из мужчин бегом побежал по направлению к воротам. Рядом с ними находился небольшой кирпичный домик, вроде тех, что стоят на железнодорожных переездах. Охранник забежал туда, видимо, нажал какую-то кнопку, и шлагбаум у ворот стал медленно подниматься вверх. Потом ворота автоматически раздвинулись.

Оттуда на территорию завода и на Милославскую в том числе своими оранжево-желтыми глазищами смотрел чумазый бензовоз. Он, ради шутки что ли, посигналил еще раз и медленно стал въезжать в ворота. Въехав, не стал двигаться дальше по двору, а притормозил.

Водитель его спрыгнул из кабины на землю. Навстречу ему заспешил охранник, вышедший из домика.

— Здорово!

— Здорово! — поздоровались они, пожав друг другу руки.

— Ты чего-то припоздал, — сказал охранник, демонстративно посмотрев на часы.

— На переезде долго закрыто было, — ответил водитель машины. — Кури, — предложил он, достав из заднего кармана помятых джинсов приплюснутую пачку.

Охранник молча вытянул из пачки немного выдвинутую вперед сигарету. Милославская быстро достала свой блокнот и записала в него на всякий случай регистрационный номер бензовоза.

— Вы тут порядок что ли наводили? — спросил бензовозчик, обернувшись и обводя взглядом территорию предприятия.

— Да, — махнув рукой, ответил его собеседник, — субботник был. — Вон там, — засмеявшись, сказал он, — видишь, как чисто? Я там мел!

В этот момент оба мужчины отвернулись от ворот, и Яна решила, что время действовать. На всякий случай в план своего выхода с территории «Паруса» она включила Джемму. Все же это была для нее неплохая страховка.

Как ни в чем не бывало, гадалка двинулась в сторону ворот.

Бег провоцирует на резкие движения, а потому Милославская шла обычным будничным шагом, несмотря на то, что внутри у нее все трепетало.

Мужчины по-прежнему стояли к Яне спиной, но все же, боясь быть ими замеченной, она тихо скомандовала Джемме:

— Вперед! — и жестом указала ей в противоположную сторону.

Собака едва слышным семенящим шагом побежала к забору. Остановившись возле него, стала громко лаять. Конечно, она не могла не привлечь внимание не только двух беседующих ротозеев, но и охранников, находящихся в будке. Все они повернулись в ту сторону, откуда раздавался лай и удивленно стали отыскивать взглядом того, кто его издавал. Увидев Джемму, они еще несколько секунд соображали, кто перед ними. Поняв, что шум подняла просто собака огромных размеров, они стали рассуждать, откуда она там взялась.

— Ну и кобе-ель! — с изумлением произнес один из охранников.

— Какой кобель, это сука! — ехидно возразил ему другой.

— Как эта сука сюда проникла? Вот в чем вопрос! — вмешался в разговор третий.

— Как? Ка-ак? В ворота зашла! — смеясь пояснил им четвертый. — Посмотри, настезь все!

— С-са-а-бака б-ба-а-скрвилей, — заикаясь, воскликнул еще один, и все громко захохотали.

Все обернулись в сторону раскрытых ворот. Милославская к тому времени беспрепятственно покинула территорию предприятия. Джемма, увидев, что ее хозяйка благополучно ретировалась, перемахнула плиты так же легко, как она это сделала некоторое время назад.

— Вот те и ворота! — остолбенев, протянули охранники. — Не зверь, а птица...

— Эй вы, — очнувшись наконец, крикнул один из них стоящим на прежнем месте бензовозчику и открывающему ворота, — хорош балагурить, закрывай калитку!

Мужчины, снова пожав друг другу руки, попрощались. Охранник вошел в домик и опустил шлагбаум — ворота задвинулись. Водитель сел за руль и подогнал автомобиль к гаражу. Один их охраны открыл перед ним его двери, и бензовоз вскоре исчез за ними.

ГЛАВА 16

Яна торопливо шагала вслед за своей собакой, которая бежала чуть впереди нее. Поводок Милославская отпустила, потому что вокруг был совершенный пустырь, и Джемма могла позволить себе «выгул». Конечно, далеко от своей хозяйки она не отходила, однако чувствовала себя все же гораздо более комфортно, чем когда ее вели на привязи.

Когда гадалка добиралась сюда, такси привезло ее почти к самому «Парусу». Идти оставалось минут пять. Яна преднамеренно велела водителю остановиться, увидев замаячивший вдалеке забор предприятия, и отпустила таксиста, немало удивленного, что могло понадобиться прекрасной даме поздним вечером посреди чиста поля. О ее столь далеко идущих планах он и думать, конечно, не мог.

Теперь же Милославской надо было не менее получаса идти до шоссе, где перспектива поймать машину казалась ей более многообещающей. К мини-заводу вела неширокая асфальтированная дорога, на которой автомобили, особенно в такое время суток, встречались крайне редко.

Яна долго переводила дыхание, вспоминая свое пребывание на территории «Паруса», и прошло не менее десяти минут, прежде чем сердце ее застучало спокойней. Благополучно выбравшись за ворота, гадалка юркнула за забор и, пройдя метров двадцать вдоль него, притаилась. Вскоре перемахнувшая через плиты Джемма сама нашла ее, и вот они спокойно убирались восвояси.

Милославская посмотрела вдаль. Там маняще светили огни придорожных фонарей. Она решила срезать путь и свернула с дороги вправо, решив, что полем доберется быстрее. Небогатая степная трава после призаборного бурьяна не произвела на гадалку никакого впечатления, и она смело шагала вперед, приминая ногами редкую полынь и назойливые колючки, которые тут же облепили ей все ноги.

Прокручивая в голове увиденное и услышанное на территории завода, Яна пришла к выводу, что далеко не все ей понятно. Ясно, например, было, что нелегальная деятельность «Паруса» — переработка нефти, что для этой деятельности у предприятия есть все необходимое, и оборудование завода, скорее всего, куплено совсем недавно.

Все остальное вызвало у гадалки массу вопросов. По поводу некоторых вещей она могла только предполагать, а кое-что вообще требовало дополнительных разъяснений. Что такое, например, октановое

число? И что значит, что оно равно шестидесяти. Бодяжить — ясно: разбавлять. Но что разбавлять и зачем — вопрос вопросов.

Яна продвигалась вперед по полю и думала, думала, думала над всем этим. В конце концов она решила, что сейчас ей мешает усталость, накопленная за весь день. Да и сколько сил было потрачено при гадании! Конечно, багаж знаний Яны о «Парусе» существенно пополнился и смутно в ее голове вырисовывалась вся картина происходящего. Но пока еще сказать окончательно, что все так-то и так, она не могла, потому что никогда не позволяла себе делать поспешные выводы.

Джемма неожиданно залаяла, испугав Милославскую. Собака определенно что-то нашла в траве. Она остановилась, смотрела вниз и гавкала. Яна бегом догнала свою питомицу.

— Что тут у тебя? — запыхавшись, спросила она.

Перед ней была небольшая яма, поросшая по краям травой. На дне ямы что-то лежало, но в темноте этого не видно было. Гадалка торопливо достала фонарик и осветила вниз.

— Ого! — воскликнула она, присвистнув.

Свет фонарика четко обрисовал ей лежащие на дне ямы металлические и пластмассовые канистры. Взглядом сосчитав их, Милославская констатировала:

— Литров на пятьсот в целом будет.

Она погасила фонарь и огляделась.

— Джемма, никого? — спросила гадалка на всякий случай.

Собака вела себя спокойно, что значило: посторонних поблизости нет.

— Тогда я туда спущусь, — решила Яна. — Охраняй, — скомандовала она собаке. — В случае опасности подашь голос.

Милославская чуть согнула ноги в коленях и осторожно стала спускаться яму. Надо было сделать всего два-три больших шага, но земля ссыпалась под ногами, поэтому, чтобы не упасть, гадалка не спешила.

Это был лишь небольшой неглубокий овражек, однако он прекрасно скрывал то, что Яна тут нечаянно обнаружила. Она спрыгнула вниз, присела на корточки и стала откручивать крышку одной из канистр. Открыв ее и заглянув внутрь, Милославская определила:

— Бензин.

Таким же образом она исследовала все емкости. Все они были полны одним и тем же.

— За этим обязательно кто-то должен прийти, — вслух подумала гадалка и решила воспользоваться этим шансом.

Она выбралась на верх ямы. Поначалу задавшись вопросом, откуда

там все это взялось, сама себе ответила: откуда у людей, имеющих сравнительно небольшую зарплату, берутся квартиры, машины и прочее. Воровство, по мнению Милославской, было налицо. Она даже легко определила схему махинаций, придуманную «хозяевами» бензина.

С наступлением темноты и в час, наиболее благоприятный для проворачивания такого дела, ловкачи незаконно наполнили канистры ценной жидкостью и переправили их в ту самую яму. Конечно, они не могли выносить их через ворота. В конце концов, и начальство могло приехать, и... мало ли еще кто. Вероятней всего, эти народные умельцы, обладая недюжинной силой, а, возможно, и просто, пользуясь лестницей, перекидали канистры через забор в самом укромном его месте. А потом кто-то из них, переправившись туда, может быть, вполне законным способом, перетаскал канистры в яму. Работа, разумеется, не из легких, но ведь и овчинка выделки стоила.

До какой поры канистры должны были ожидать своего часа, Яна тоже смогла предположить, причем с большой уверенностью.

В полночь на дорогах города очень много сотрудников ГИБДД, а ближе к утру и даже глубокой ночью, они рассеиваются, и можно почти безбоязненно перевозить все что угодно, минуя, конечно, КПП.

Это означало и то, что у вынесших бензин были сообщники с машиной, либо они сами организовывали свою работу так, что могли исчезнуть с предприятия на некоторое время, а потом как ни в чем не бывало появиться там снова.

Вероятно, в сговоре был и старший охранной смены. Иначе долго на этой работе вечно куда-то исчезающие сотрудники не продержались бы. Вряд ли старший сам таскал канистры, а вот дань с «носильщиков» брал точно.

Вот такая круговая порука и предстала воображению гадалки. Она пыталась предположить, кто из увиденных ею ребят какую роль в этом процессе выполнял. Немного поломав голову, махнула рукой. Так или иначе, за канистрами, по мнению гадалки, скоро должны были прийти. И этих мистеров или мистера Икс она во что бы то ни стало решила дождаться. Конечно, Яну несколько не радовала перспектива просидеть тут часов до четырех утра, потом добираться домой, а потом в восемь лететь на вокзал вместе с Руденко, то есть сутки почти не спать. Однако такое во время расследования бывало с ней не раз, так что, как человек привычный, Милославская все мысли о сне отодвинула на задний план, успокаивая себя приближающимися успехами в расследовании и тем, что после его окончания она оттянется на полную катушку.

Сначала Яна решила притаиться в яме. Потом она вдруг представила себе свое положение и посчитала его проигрышным: мистер Икс стоит наверху, возвышаясь над ней, а она смотрит на него снизу вверх... Нет, этот вариант не то что проигрышный, он просто рискован. Ведь ее присутствию в бензиновом «тайнике» вряд ли кто-то был бы рад.

Милославская выбралась из овражка, отряхнула штаны и огляделась. Вокруг по-прежнему было тихо. Она бросила на землю свою спортивную сумку, села на нее, поджав ноги и сказала Джемме:

— Будем ждать.

Поначалу Яне было жутко: одна посреди поля в полной темноте. Луна освещала землю, но это нисколько не придавало гадалке уверенности в себе. Однако минуты бежали, и постепенно она привыкла к своему положению.

Тогда пришла другая беда: стал наступать сон. Веки становились все тяжелее и тяжелее, и ресницы вот-вот готовы были сомкнуться. Так и тянуло прилечь на травку и задремать под мерное трещание сверчка...

Милославская вскакивала, встряхивала головой, руками, делала несколько наклонов вниз и в стороны, но это помогало лишь на несколько минут. Как только она садилась, по телу снова растекалась приятная тяжесть, так и зовущая ее повалиться на бок.

Яна принялась мысленно читать стихи. Сначала это бодрило, но вскоре Пушкин смешивался с Плюшкиным, причем Милославскую это нисколько не огорчало. Было так хорошо и спокойно...

Переживания о предстоящем опасном разговоре вообще отступали на задний план.

— Нет, это невозможно! — воскликнула гадалка и поднялась на ноги.

Она решила пробежаться немного, чтобы кровь заиграла в жилах. Пустившись вперед со всей мочи, она едва не повалилась в траву: ватные ноги не слушались. Сделав несколько приседаний, гадалка все же побежала, однако тут же ей показалось, что вдалеке что-то гудит. Яна посмотрела вдаль. Множество огней там, у дороги, сливались между собой, и ничего рассмотреть было невозможно.

Милославская снова побежала, но слышимый уже более отчетливо шум приближающегося мотора заставил ее остановиться. Посмотрев вперед, она заметила, что два огня отделились от других и приближаются в ее направлении. Автомобиль ехал со стороны «Паруса».

Гадалка, осознав наконец свое положение и окончательно проснувшись, попятилась назад. Потом она развернулась и, пригнувшись, побежала в сторону оврага.

Джемма уже стояла настороже.

— Спокойно, — сказала Яна, пытаясь отдышаться, но волнение делало ее дыхание еще более частым. — Так, ждем гостей.

Вернее, хозяев...

Милославская присела на корточки, чтобы не быть заметной издали и пригнула голову. В темноте она сливалась с пышным кустом полыни и рассмотреть ее при беглом взгляде было невозможно.

Автомобиль стремительно приближался, свернув, как и Милославская, с дороги. Не доезжая до Яны буквально нескольких метров, он стал разворачиваться и подъехал к яме задним ходом.

Это была старая ржавая «копейка», прошедшая уже огни и воды и помогающая хозяину скопить на что-то более приличное. Хотя, возможно, ее просто использовали для езды по таким буеракам и перевозки тяжелых грузов, в то время как новенький автомобиль спокойно дожидался в гараже своей непыльной работы.

Машина остановилась, мотор ее заглох, фары погасли. Через пару минут дверь открылась и не спеша на землю опустилась сначала одна нога, потом вторая. Яна сразу узнала бутсы, какие видела на охранниках. Значит, ее подозрения насчет организованного ими воровства оправдались.

Этим она и собиралась воспользоваться, прибегнув пусть и не к очень чистому, зато вполне действенному способу — шантажу. Всплыви организованное хищение, ребята рисковали не только лишиться работы, но и заработать статью. А при очень свирепом хозяине и пару ребер можно было потерять.

Конечно, Милославская не желала им зла, вполне представляя размеры их зарплаты и зная конкретно о доходах предприятия из бумаг, найденных в кейсе. Но язык за зубами держать она готова была только в том случае, если они добровольно раскладывали ей все по полочкам.

Мужчина, вышедший из машины, подошел к автомобилю сзади и открыл багажник. Он раскидал лишние предметы в стороны и подошел к яме. Яна сидела чуть правее, буквально в двух метрах от приехавшего.

Охранник сделал один мощный прыжок и очутился в овражке. Медлить ему было некогда, и он сразу подхватил пару канистр. Кряхтя, выбрался наверх и скинул емкости в багажник.

Пока парень стоял к Милославской спиной, она поднялась на ноги, усадив Джемму чуть впереди себя. Та сразу приняла позу, которая позволяла ей в считанные мгновения совершить прыжок.

Охранник обернулся. Перед ним стояла выросшая из-под земли фигура гадальки с собакой. Правда, он не сразу понял, что это женщина и что она с

собакой. Сначала его всего передернуло от испуга, потом он вскрикнул:

— Ты кто?!

— Я дух полей, — магическим голосом пошутила Милославская, сдерживая смех.

В этот момент гадалку забавляло мертвенно-белое от страха лицо мужчины, который физически был значительно сильнее ее, если, конечно, не брать в расчет Джемму. Охранник же толком не видел Яниного лица, потому что глаза его еще не привыкли к темноте. Решив, что это выигрышный момент, Милославская решила усилить его воздействие, достав фонарик, включив его на самый яркий свет и направив прямо в лицо парню.

Тот сразу весь сморщился и автоматически заслони́л глаза рукой. Яна прекрасно представляла, что творится в этот миг у него в душе, и ей было даже немного жаль его. Однако выполнение поставленной задачи для нее было все же важнее, поэтому действовала она жестко.

— Ладно, успокойся, — уже обыкновенным своим голосом сказала она, немного приглушив свет фонарика и чуть отведя его от глаз мужчины. — Я не дух полей, я простая русская баба...

— А что ты тут делаешь среди ночи? — нерешительно спросил охранник, все прикрываясь от света рукой.

— Давай договоримся: я задаю вопросы, а ты отвечаешь, — жестко проговорила гадалка. — Хотя, чтобы удовлетворить твое любопытство, на этот, только лишь на этот вопрос, я отвечу. Я немного слухавила: я, конечно, русская баба, но не такая уж простая...

На несколько мгновений установилось молчание, затем Яна продолжила:

— Я веду расследование по факту убийства Воробьева Алексея Михайловича. Известен тебе такой?

Парень молчал. Потом, решив, очевидно, что это бессмысленно, протянул, вздыхая:

— Ну, известен...

— Давай вот без этих ну, — поморщившись, произнесла гадалка.

— А то что? — явно осмелев, спросил охранник.

— А то у моей собаки зубы очень чешутся, — ангельским голосом ответила Яна и светом фонаря осветила Джемму, вставшую на дыбы.

В довершение всего собака гавкнула так, что, казалось, воздух задрожал.

— Понял, — сказал охранник, облокотившись на свою машину.

— Понял, значит валяй, говори.

— А что говорить-то? — пожав плечами, глуповатым тоном, спросил парень. — Я не знаю...

— Кто убил Воробьева? — решив не мелочиться и попытаться сразу сорвать хороший куш, произнесла Яна.

— А я откуда знаю?! Ну вы даете! Я что, под подозрением что ли?!

Возмущение охранника было настолько искренним, что Милославская поспешила его успокоить:

— Нет, если ты спрашиваешь конкретно об исполнителе убийства. Я думаю, не такая мелкая сошка к этому причастна...

— А чего же ты хочешь?!

— Кому могло быть выгодно устранение Воробьева?

— Черт его знает, — парень пожал плечами. — Всем выгодно!

Яна не на шутку была удивлена.

— Что ты имеешь в виду? Кому всем?

— Да кто их разберет! Они делом занялись, прибыль пошла, а теперь грызутся, как собаки. Каждый на себя одеяло тянет.

— Ты имеешь в виду руководство «Паруса»? — уточнила Яна.

— А кого же...

Милославская тут же взяла себе на заметку сказанное ее собеседником. Кажется, вырисовывался новый мотив убийства. И снова это была конкуренция, только уже не внешняя, а внутренняя.

Однако останавливаться на выводе об этом мотиве было нельзя.

В конце концов это еще не было стопроцентной истиной.

Поэтому, намереваясь все узнать о работе мини-завода, Яна продолжила разговор дальше.

— Тебя как зовут-то? — обратилась она к охраннику.

— А че?

— Чтоб я знала, что на памятнике написать, когда этот милый песик откусит тебе голову, — Милославская погладила Джемму.

Та снова сердито зарычала.

— Ну, Диман.

— Вот что, Диман. Давай валяй про то, что тебя лично больше касается, — Яна кивнула на яму, которая была чуть правее нее.

— С какой это стати?

— Ну ты ведь не хочешь, чтобы я сообщила об этом куда следует?

— О чем?

— О хищении бензина с ООО «Парус».

— Ха! О каком хищении?

— Но вот эти канистры не с неба же свалились...

— Мне откуда знать, может и с неба...

— Ну тогда ты их воруюешь у неба. Я же тебя с поличным взяла. Две штуки ты уже отправил в свой багажник. Так что я вполне могу обратиться в надлежащую инстанцию.

— Попробуй!

— Я могу попробовать отпустить натянутый поводок, — резко проговорила гадалка и отпустила Джемму.

Та сразу же рванула на Дмитрия и, повалив его в открытый багажник, прижала огромными лапами.

— А-а-а! Уйди! Уйди! — закричал он.

Милославская подошла ближе и, заглядывая в багажник, спокойно проговорила:

— А еще у меня связи в милиции...

— У-убери собаку, — сердито бросил парень.

— Джемма, фу! — скомандовала Яна и снова заняла прежнюю позицию, ослепив собеседника фонарем.

Тот встал в прежнюю позицию, отряхнулся и обиженно произнес:

— Беспредел какой-то!

— А это не беспредел?! — зло усмехнувшись, спросила гадалка и снова кивнула на груды канистр. — Это самое что ни на есть беззаконие!

— Да что вы говорите! А что такое на три тыщ-щи вчетвером жить вы случайно не знаете? А то можем просветить на этот счет...

— Оставь свой цинизм, он тут никому не нужен, — хмуро прервала парня Яна.

— Нет, ты послушай, про неработающую жену и двоих маленьких детей... Раз в месяц у нас семейный совет: мы вместе садимся и чуть не плача три на четыре делим. Хотя вру: вычитаем еще плату за коммунальные услуги и телефон. Делим два на четыре...

— Бог вам в помощь, — снова съязвила Милославская. — И хватит об этом. Мне абсолютно наплевать на твои канистры. Я всего-навсего преследую свою цель — раскрыть убийство Воробья. А ты — одно из средств достижения цели.

— Хороши же методы! — охранник сплюнул в сторону. — Слушай, а кто ты вообще такая? И откуда свалилась на мою голову, а? Ты следила за мной что ли?

— Если я скажу, кто я, ты не поверишь, поэтому будем считать, что я нечто близкое к частному детективу. И это последний вопрос, на который я ответила. Итак, откуда тут взялось это? — Милославская пальцем ткнула в яму.

Дмитрий тяжело вздохнул и нехотя, сквозь зубы, расписал гадалке схему хищения, которая полностью совпала с той, что нарисовалась в мозгу Яны еще до этого разговора.

— М-да, — выслушав его, протянула Милославская. — Дело нехитрое. В-общем-то так я себе все и представляла. Пойдем дальше, — Яна в задумчивости поджала губы.

— Хе! — лицо охранника исказила злая усмешка. — Куда еще дальше?! Я все сказал. По-моему, взамен этого мне была обещана свобода...

— Ну-у-у... я не отказываюсь от своих слов. Свобода так свобода. Но не сейчас. Я не обо всем еще спросила, — гадалка призадумалась на миг и продолжила: — Там женщина была, в белом халатике, блондиночка такая миниатюрная. С пробиркой... Что-то она там насчет октанового числа говорила... Не припомнишь? — Яна намеренно изображала такое «беспамятство». Дмитрий это прекрасно понимал, и его это еще больше злило.

— О! Да ты и впрямь следила! — выпучив глаза и смеясь почти истерическим смехом, воскликнул он.

— Следила, следила.

— А что тогда от меня-то надо, а?! Что?! Все же видела, раз следила!

— Все видела, да не все поняла, — так же зло парировала Яна. — Отвечай на мой вопрос!

— Не буду! — выпятив губы и сложив на груди руки, заявил вдруг охранник. — Не буду и все, — дополнительно пояснил он, глядя в лицо удивленной Милославской, и закинул ногу на ногу. — Пусть меня загрызет! — отрезал он, кивнув на Джемму.

— Это всегда пожалуйста, — протянула гадалка, поглаживая собаку. — Только какой смертью ты умрешь, Дима, — протянула Яна иронично, покачивая головой. — Умрешь смертью предателя! Заложил всех и помер спокойно! Хорошенькая смерть... Может тебе памятник героя потом поставят, а? Не думал об этом?

— А кого это я заложил? Никого я не закладывал!

— Ну как же, ты же только-только мне все по полочкам разложил.

— Не было такого. Где свидетели? Не вижу. Может у тебя собака говорящая? Пусть подтвердит.

Дима явно издевался. Но Яну трудно было вывести из себя. К тому же она могла быть вполне спокойной, так как неплохо подстраховалась. Милославская опустила руку в свою сумку и нажала кнопку воспроизведения записи диктофона, который она включила, как только

охранник начал «исповедоваться» и выключила, когда он закончил.

— Собака у меня обыкновенная, только кусается больно, — сказала она при этом, — а вот эта штука неплохо разговаривает, — слова из диктофона полились рекой. — Как думаешь, как менты и твои товарищи на это отреагируют?

Парень побелел. Руки его плетью свесились вдоль тела.

— М-м-м, — протянул он, сверкнув глазами, — откуда ты... Черт бы тебя... За что?! За что мне все это?!

— Успокойся, — ледяным голосом произнесла Милославская. — Не надо этих конвульсий. — Я не собираюсь тебя обижать. Отвечай только на мои вопросы и убирайся с богом. Ты тянешь время. Скоро светает. Думаю, это не надо ни тебе, ни мне.

Ровно минуту Дмитрий сохранял сердитое молчание, а потом заговорил. Диктофон снова принялся записывать его слова:

— Лаборантка Таня обычно берет бензин на пробу...

— Она и сегодня брала.

— Я там не был, не знаю.

Милославская побоялась дальше перебивать парня, но он не обратил на ее слова внимания и говорил дальше:

— Сегодня, как сказали ребята, бензин получился плохой.

— Как это?

— Шестидесятый.

— Ах вот что значило это октановое число! — не сдержавшись, воскликнула гадалка.

Дмитрий саркастично улыбнулся. Яна спросила:

— А зачем тебе такой бензин, если он плохой?

— Хм, он уже хороший.

— Не поняла...

— Оборудование для всей этой канители куплено недавно. Деньги за него уплачены хорошие, но бензина нормального никто пока не видел. Должно производство себя как-то окупать? Должно. Приходится низкосортный бензин...

— Разбавлять? — догадалась Милославская.

— Какая ты догадливая, — усмехнулся охранник. — Да, разбавлять. В итоге продаем восьмидесятый, девяносто второй. Выгода есть.

— Ловко!

— А ты как думала. Деньги в руки идут только ловким...

— Да я, в-общем-то, не сомневалась.

Яна сдвинула брови, задумалась.

— Можешь не тужиться, изобретая умные вопросы. Я все равно больше ничего не знаю, — сказал ей Дмитрий. — Ничего, кроме того, что ты видела, и того, что... я сказал.

— Скажи, деятельность велась легально?

— А ты как считаешь?

— Догадываюсь, что нет.

— Вот и я могу догадываться о том же. Только лишь догадываться. Охрану в бумажные дела не посвящают. Я знаю то, что вижу. И никуда помимо не лезу. Меня и так все устраивает.

— Еще бы! — Милославская с ироничной улыбкой посмотрела на канистры.

— Вот что, Дима... — сказала она чуть позже совсем серьезно. — Нервы я тебе потрепала, знаю. Но поверь, зла не хотела, а потому посоветую: увольняйся, мальчик, завтра же с этой шарашкиной конторы к чертовой матери. Дело там не чистое. Я тебя лично сдавать не собираюсь. Но раз уж начато расследование и есть факт нарушения закона, не сегодня-завтра в «Парус» менты нагрянут. Придут по душу руководства, но и вас поспрашивают. Тебе это надо? Думаю, что нет. А потому подыщи другую работу или... на время больничный достань. От души советую.

— Какие мы добренькие, — ехидно проговорил парень. — Сразила прямо наповал своими благородными побуждениями!

— Можешь к ним не прислушиваться, это твое право, твой выбор. А вот насчет нашего разговора у тебя только одно право — молчать. Забудь об этой встрече. Тогда и я забуду. За-будь!

— С удовольствием! — Дмитрий сделал глубокий поклон. — Я свободен или как?

— Свободен.

Охранник повернулся к Милославской спиной и с силой хлопнул крышкой багажника.

— А остальное как же? — насмешливо спросила его Яна. — Забирать не будешь?

— Что-то я не в настроении, — пожав плечами, парировал парень.

— Значит, едем?

Дмитрий удивленно посмотрел на гадалку.

— Ты, кажется, сказала во множественном числе? — спросил он.

— В двойственном. Едем, ты и я. Подвезешь меня до дороги, там я такси поймаю.

— А пешочком что же?

— Опаздываю, понимаешь ли.

Яна нахально подошла к машине и уселась на заднее сиденье;, пропустив впереди себя Джемму. Дмитрию ничего не оставалось, как звонко хлопнув дверью, сесть за руль.

ГЛАВА 17

— Неужели мы дома... — устало пробормотала Милославская, переступив собственный порог.

Джемма сразу принялась обнюхивать свою тарелку, явно проголодавшись. Гадалка же ни о чем, кроме как побыстрее отойти ко сну, и мечтать не могла. К счастью, в миске собаки еще оставался корм и поэтому Яна, которой больше не о чем было беспокоиться, сваленная усталостью, плюхнулась в кресло.

Она даже боялась поднять взгляд на часы, потому что знала: они могут сообщить ей только то, что выспаться она уже не успеет. Тем не менее поспать немного — все же лучше, чем совсем не спать. Не желая окончательно портить себе настроение положением часовой стрелки, Милославская развернула кресло в обратную сторону.

Она хотела лишь посидеть немного, расслабиться и перейти в кровать, но невольно сомкнула веки и скоро забылась сном.

Неизвестно, сколько времени прошло, когда гадалка вдруг стала чувствовать ноющую боль в спине, заставившую ее проснуться. Не открывая глаз, на ощупь, она перебралась в свою спальню и, прямо на пол побросав одежду, неуклюже забралась на постель. Джемма преданно ее сопровождала, но посягательства на постель хозяйки тем не менее себе не позволила и калачиком свернулась у ее основания, накрыв собой небрежно раскиданные вещи.

Сон снова быстро охватил гадалку. Мерное тиканье часов и безмятежное посапыванье собаки помогли ей в этом, хотя обычно, однажды разбуженная, гадалка спала уже плохо.

Бессвязные картины, одна сменяя другую, стали мелькать в ее воображении. Предложения, возникающие в мышлении, обрывались, не выстроившись до конца, а вслед за ними всплывали новые, уже совершенно о другом, нелепые и пустые.

Милославская вряд ли сама бы ответила, сколько времени она провела в таком состоянии полусна-полудремы, однако забыться по-настоящему глубоко ей не удалось: лай собаки известил о прибытии гостя.

— Какого черта! — сев на кровати и плетью свесив руки, пробормотала Яна и снова упала на постель.

Настойчивое лязганье щеколды все же заставило ее подняться. Джемма, видя недовольство хозяйки, залаяла еще более отчаянно.

Было уже светло. Милославская поняла, что пора вставать. Впереди ее ждал еще один крутой вираж — эпизод с камерой хранения.

Гадалка вдруг поймала себя на мысли, что проснулась с каким-то тяжелым чувством на сердце. Она бы с удовольствием приняла душ, взбодрилась чашечкой кофе и, поджав под себя ноги, уселась перед телевизором, намереваясь поочередно нажимать кнопки пульта до тех пор, пока на экране не появится что-нибудь для нее интересное. А еще лучше — Яна спала бы до обеда.

— Да, невозможно быть в хорошем расположении духа, не выспавшись, — заключила она, поразмышляв о причинах своего плохого настроения.

Громкий стук вдруг заставил вздрогнуть стекло. Гость определенно начинал нервничать. Джемма тоже. Она вскочила на задние лапы и угрожающе зарычала.

— Кого же это еще, как ни Три Семерки? — поднимаясь с кровати, безнадежно произнесла гадалка.

Шлепая босыми ногами, она подошла к окну и, отодвинув тюлевую занавеску, выглянула на улицу. У калитки, оперевшись одной рукой о ее косяк, а другую поставив в бок, стоял Руденко.

— Тихо, — спокойно сказала овчарке гадалка, лениво потирая глаза, — это наш обожаемый Семен Семеныч.

Яна пригладила волосы.

— Почему-то никто еще не звонил, — зевая, протянула она. — Может, преступник передумал, решил дать мне выспаться, а? — гадалка вопросительно посмотрела на Джемму.

Конкретно в этот момент женщина совершенно спокойно рассуждала об ожидаемом звонке, потому что больше всего на свете она хотела спать и ни на какие вещи, кроме своей постели, трезво смотреть пока не могла.

Накинув первый попавшийся халат и всунув у порога ноги в огородные резиновые галоши, Милославская неспешно побрела к калитке.

Руденко, уже облокотившись о капот машины, стоял и покуривал.

— Заходи, — проскрипела сонным голосом Милославская.

— А я уж думал, ты со свидания решила не возвращаться, — обиженно пробормотал Семен Семеныч.

— С какого свидания? — зажмурив один глаз, спросила Яна.

— С обыкновенного, — ничего не подозревая, ответил Руденко.

— А-а-а, со свидания, да, да, — гадалка вспомнила о своей недавней фантазии.

Милославская увидела на руке приятеля часы и подняла ее, чтобы

поглядеть на циферблат.

— А-а-а! — ахнула она. — Сема, я тебя убью! Десять минут седьмого! Нам же к восьми! Боже мой, — Яна захныкала, — я так не выпалась!

— Ничего, — побряхтывая и довольно приглаживая усы, сказал Три Семерки, — поменьше будешь по свиданиям шляться.

— Я тебя убью, — покачивая головой, беспомощно проговорила гадалка.

— Ладно, брось. Наши уже все в отделе, утверждают план операции. Никто не звонил?

— Нет, — Яна помахала головой.

— Почему?

— Потому что, очевидно, в отличие от тебя, Сема, этот человек очень пунктуален. Половины восьмого еще нет, — гадалка обиженно отвернулась.

— Ну, ты что? Не унывай! — Семен Семеныч наклонился к Милославской и потряс ее за плечи.

Яну обдало смесью табака, дешевого одеколona и недавно съеденных полуфабрикатов. Запах был отвратительный, но на этот раз в этом букете хотя бы не было алкоголя.

Милославская развернулась и побрела к калитке, остановившись в ее проеме. Семен Семеныч шел за ней.

— Пропускай, — сказал он, видя что подруга встала.

Милославская отстранилась и освободила проход во двор. Руденко деловито кашлянул, поправил зачем-то козырек фуражки, затем привычно провел рукой по усам и замаршировал по двору.

Войдя в дом, он поприветствовал взглядом Джемму, что-то пробормотал себе под нос, теребя ее по шерсти, а затем прошел в кухню и, поджав под себя одну ногу, уселся за столом на широкой массивной табуретке. Милославская стояла в дверном проходе и удивленно глядела на него. Ведь тоже почти не спал, а свежий, как огурец! «Он не перестает меня удивлять», — подумала гадалка и принялась варить кофе.

— Ты чего лохматая такая? — посмеиваясь, спросил Руденко, глядя в спину подруге.

— Сема, — тихо протянула она, — видишь вон тот половник? Еще слово, и он опустится на твою голову.

Три Семерки сначала проглотил язык от удивления, а потом, опустив ногу на пол, серьезно сказал:

— Понял. Молчу.

Но молчал он недолго. Хитро почесывая бровь указательным пальцем,

Семен Семеныч не более чем через минуту произнес:

— Ты почему ни о чем не спрашиваешь?

— О чем? — присаживаясь напротив и приглаживая волосы, спросила Яна.

— Ну даешь! Хм, о чем... Короткая же у тебя память!

— Девичья, — съехидничала в ответ Милославская. — Сема, — устало протянула она, помолчав, — я сейчас не помню, как меня зовут, а ты говоришь о высоких материях...

— И ни о каких не о высоких, — возразил Руденко. — Тебя что, не интересуется, кто звонил тебе вчера вечером? Кто на вокзал пригласил, да?

— А-а-а! Семен Семеныч! Говори же, говори скорей! — воскликнула гадалка. После слов друга в ее голове вдруг произошло необыкновенное прояснение. — Кто это был? Его поймали? Ты сумел определить его телефонный номер?

— Тихо! Тихо. Ишь, накинулась. Давай по порядку.

Яна нетерпеливо смотрела в глаза приятелю.

— Номер я его с трудом разузнал. Не зря же он на твоём определителе не определялся... Вдобавок ночь еще, ни от кого ничего не добьешься толком... Как от тебя сейчас, — добавил Три Семерки тише.

— Дальше! Ну!

— Потом раздобыл адрес этого абонента, его данные. Не думай, не одна ты очей нынче не смыкала.

— Молодец, молодец, хвалю. Только продолжай дальше побыстрее, прошу.

— Организовал я выезд опергруппы по адресу. Но типчик там не проживает, а прописан. Живет там его престарелая мать. Пришлось учинить ей допрос, где, мол, обитает ваше чадо, по какому адресу. А она за сердце ну хвататься, давай валидол жрать, ни слова сказать может, только кричит, за что его, за что, не делал он ничего плохого. Белая вся стала, еле откачали. Скорую ведь вызывать пришлось.

— Ну узнали что-нибудь наконец?

— Адрес узнали.

— И?

— Там сожительница его, расфуфыренная вся, с бокалом шампанского. Зрась-сьте, говорит, мальчики, ик, ик, вам кого? Объяснили, так, мол, и так, где гражданин такой-то. В ночном клубе, говорит, баб снимает, а я, говорит, напиваюсь тут в одну харю. Будете, спрашивает. Нет, говорим, скажи лучше, клуб какой. Она четыре назвала. Ищите, говорит, в каком из них. Он во всех четырех бывает. Вставьте ему, говорит, хрен по самое не хочу,

отомстите, говорит, мальчики, за мою поруганную молодость.

— Сема! Ты можешь покороче? — смеясь и чуть не плача, воскликнула Милославская.

— Не перебивай, рассказываю все по порядку, как было.

— Дальше, дальше, — торопила гадалка, хлопая заспанными глазами.

— Мы ей: давай фото, будем его искать. Она ящик с фотографиями на пол вывалила, ползала вокруг него, ползала на четвереньках, потом вытянула одну, говорит, вот он, урод, всю кровь из меня, мол, выпил, ищите, вяжите, наказуйте. Мы взяли фотку, размножили. Операм раздали. Двоих оставили у подъезда, дожидаться адресата. Остальные поехали по названным клубам. Искать стали.

— Нашли? — снова перебила Милославская.

— Нет.

— Вот это да! Такая долгая история и такой финал! Сем, у тебя эта фотка с собой?

— Угу.

— Дай!

— Подожди ты!

— Ну дай.

Руденко недовольно порылся в своей потертой папке и протянул подруге фотографию. С нее на Яну смотрел смуглый чернобровый мужчина лет тридцати пяти.

— А он ничего! — пошутила гадалка. — Можно себе возьму?

— Бери и слушай дальше, — сердито отрезал Три Семерки.

Яна упрятала фото в свою сумочку, а ее приятель продолжил:

— Его в одном клубе опознали. Был, говорят. С мужиком каким-то уехал только-только. Тормозили мы машины на КПП, не нашли. Устроили засаду у его матери тоже. Так что попадетсЯ, никуда не денетсЯ, после ночных заведений все равно придет домой отсыпаться. А тот мужик с ним знаешь кто?

— Кто? — ожидая сенсации, воскликнула гадалка.

— Сообщник!

— А ты откуда знаешь?

— Кхе, догадался.

— Фу ты, Сема, я уж думала...

— Не хочешь ты, Яна Борисовна, моих успехов признать, не хочешь...

— Признаю, признаю.

— Нет, ты зря смеешься, лучше дальше послушай.

— А что дальше? Разве еще не все?

— Ну ты, например, не спросила насчет камер хранения, — хитро протянул Руденко.

Милославская насторожилась.

— Колись, — прищурившись и в упор глядя на Три Семерки, прошептала она.

— После нашего с тобой разговора я сразу дал указание об организации слежки в том зале, — Семен Семеныч, намеренно дразня Яну, стал неторопливо чесать за ухом.

— И?!

— Следили, следили, ничего не выследили!

— То есть?

— Ребята были одеты в гражданское, прогуливались мимо туда-сюда, но никого подозрительного они не заметили. В камеры хранения заходили вполне приличные люди с большими и не очень авоськами, которые они оставляли в ячейках. Некоторые несколько позже свое добро забирали назад. Я считаю, что преступник подкупил какого-то совершенно невинного с виду человека и поручил ему оставить «сюрприз» для тебя.

— Или... — задумчиво протянула гадалка, — он этот сюрприз оставил задолго до звонка, когда за камерами еще не было наблюдения...

— Может и так, — признавая поражение и опустив глаза, проговорил Руденко.

— В общем, — заключил он чуть позже, — все главные открытия у нас впереди. Мы хотели поначалу пройтись вдоль ячеек с металлоискателями, собаками... Но потом подумали: а если тип еще ничего не положил в назначенное место.

— В этом случае вы его просто спугнули бы! — заключила Яна.

— Вот-вот, и мы к такому же выводу пришли. Поэтому все инструменты у ребят наготове. Ждем только начала операции.

— Спасибо, Сема, — сказала гадалка, коснувшись плеча своего приятеля. — Все здорово.

Милославская быстро сварила кофе и разлила его по чашкам.

Она закурила и пододвинула чашку Руденко.

— Прости за внешний вид, — сказала гадалка, видимо, немного успокоившись. — Но без кофе я с душем не справлюсь. Совсем нет сил.

— Понял, — тем же послушным тоном, парировал Семен Семеныч.

Яна молча опустошила чашку и удалилась с намерением посетить ванную комнату. Но сначала она зашла в спальню, чтобы заранее подготовить к выходу гардероб.

Порывшись в шифоньере, она достала из него джинсы и удлиненный

легкий пуловер. С утра на улице было совсем прохладно, да и пасмурно. Темные тучи закрыли небо.

Казалось, вот-вот начнется дождь.

Отгладив одежду, Милославская расстелила ее на кровати. Этот наряд показался ей наиболее подходящим не только для установившейся погоды, но и для данного случая.

Накинув на себя любимый белый махровый халат, гадалка направилась в ванную, с сожалением думая о том, что через двадцать минут ей вновь придется приступить к работе.

Благоухание пышной пены, наполнившей ванну до краев, показалось уставшей женщине настоящим раем, и расстаться с ним ей было нелегко. Чтобы взбодриться, Милославская спустила воду и встала под душ.

Теплые струйки воды, побежавшие по телу, показались ей райским оазисом в пустыне. Гадалка с наслаждением подставила лицо под напор десятка ручейков и, закрыв глаза, упивалась своими ощущениями. Казалось, силы постепенно возвращались к ней.

Облившись под конец совсем холодной водой, она с большей уверенностью сказала, что чувствует себя лучше. Растирание махровым полотенцем и несколько брызг энергоспрея позволили Милославской укрепиться в этом мнении.

Одеваясь, она все же мечтала о шелковых простынях своей постели и долгом, долгом полноценном сне. Однако Яне пришлось успокоить себя лишь тем, что чем быстрее раскроется преступление, тем быстрее она сможет осуществить свои мечтания.

— Совсем другая женщина, — констатировал Руденко, увидев подругу.

— Все та же, — вздохнув, ответила Яна, принявшись расчесывать перед зеркалом свои угольно-черные волосы.

— Да-а, — хмыкнув, протянул Три Семерки и хитро прищурился, — видать хорошо тебя потрепал твой... Глянь-ка, у тебя и руки-то не поднимаются!

— Сема, — процедила Милославская, погрозив другу расческой, — оставь эту тему!

— Молчу, молчу, — скоро проговорил Руденко, пряча свою улыбку в усы. — Собирайся давай быстрее, — сказал он позже серьезней.

— Постараюсь, — холодно ответила гадалка, закалывая волосы на затылке шпильками.

Следом она освежила тело туалетной водой, благоухающей ароматом магнолий и, лукаво глянув на приятеля, спросила:

— Идем? Я готова.

Руденко в этот миг ковырялся заостренной ножом спичкой в зубах. Отплевывая добытые таким манером кусочки пищи, он промямлил:

— Угу, идем.

В этот момент неожиданно зазвонил телефон. Оба приятеля одновременно дернулись, посмотрели друг на друга, сразу поняв, в чем дело, и помчалась в сторону трубки. Яна — легко ступая по полу кончиками пальцев, Семен Семеныч — грузно переваливаясь с боку на бок и громко топая. Хрустальные висюльки бра на стене в прихожей звонко позвякивали при этом.

Трубку подняла Милославская. Руденко глянул на определитель. На табло высветился какой-то номер. По первым двум цифрам можно было определить, что звонят откуда-то из центра города. Но знания одного только этого было мало.

— Алло, — тихо произнесла гадалка, стараясь не выдавать своего волнения.

Она закусила губы и напряженно ждала, что скажет ее собеседник.

— Хе, ждешь? — произнес знакомый уже ей голос.

Яна в ответ промолчала, не находя сразу, что ответить.

— Номер ячейки триста восемьдесят шесть, — отрезал мужчина без лишних пояснений, потом назвал код дверцы и оборвал разговор.

Раздались короткие гудки. Милославская стояла на прежнем месте, лишившись на время способности двигаться и говорить.

— Трубку! Трубку дай! — крикнул Руденко, заставив ее очнуться.

Гадалка торопливо протянула ему телефон. Тот, от волнения не сразу попадая толстыми пальцами на нужные кнопки, набрал номер своего отдела. Руденко пригласил кого-то из своих коллег и велел все бросить и срочно разузнать хозяина номера, с которого сейчас звонили его подруге. Такой ход дела был уже заранее запланирован, поэтому ему не пришлось давать никаких дополнительных разъяснений.

Сотрудники отдела должны были действовать на этот счет оперативно, поскольку все уже для нужной операции было подготовлено. Все собрались в отделе еще на рассвете и многое уже обдумали. Поэтому Яна с Семеном Семенычем рассчитывали получить ответ на свой вопрос уже через несколько минут. Они молча сели друг против друга и, затаив дыхание, стали ожидать ответного звонка, хотя время уже перевалило за половину восьмого.

Приятели не разговаривали между собой, не смотрели по сторонам, в уме отсчитывая убегающие минуты. Оба курили, нервно стряхивая пепел на край хрустальной тарелки.

Вскоре раздалось ожидаемое пиликанье. У Яны была более быстрая реакция, и она первой схватила трубку.

— Алло, — механически произнесла она.

Руденко, забыв о приличиях, вырвал у нее телефон и тоже крикнул:

— Алло!

По гримасе, которая вскоре овладела его лицом, гадалка поняла, что не все гладко.

— Что? — нерешительно спросила она, когда Три Семерки окончил разговор.

— Звонили с таксофона. Задержать его удастся сейчас навряд ли, потому что разговор с ним был слишком короткий, и он наверняка уже спешит убраться с того места подальше.

— Ладно, — подбодрила приятеля Милославская, — не будем унывать! Нам некогда. Нельзя терять время!

Семен Семеныч поднял со стола свою фуражку, отряхнул ее по привычке, надел на голову, потуже затянул ремень и пошел вслед за удаляющейся Яной.

Гадалка и на этот раз взяла с собой Джемму. Ей она доверяла гораздо больше, чем обученным милицейским псам, которых, по словам Руденко, должны были привезти его коллеги.

Не зная, как скоро провернется намеченное дело, Милославская заперла дом и ворота на все имеющиеся замки, а любопытно выглядывающую из-за забора соседку попросила за жилищем присматривать. Та любила подобные поручения, и с радостной улыбкой закивала в ответ на Янины слова.

За воротами друзей ждал бессменный автомобиль Руденко.

«Слава богу, — удовлетворенно подумала Милославская, — не надо тащиться до дороги и ловить такси.» Она разместилась на переднем сиденье рядом с приятелем.

— Пристегнись, — попросил тот, глянув по-отечески.

Гадалка послушно последовала просьбе Руденко и чуть вытянула ноги, пытаясь найти положение поудобнее.

На заднем сиденье сидел один из сотрудников отдела, в котором работал Семен Семеныч. Он был значительно моложе Руденко и только начинал стажировку, а потому тот очень перед ним важничал и без конца упоминал в разговоре свои прошлые героические похождения, до которых, по намеку старшего, этому юнцу было еще очень далеко.

Парень по дороге к дому гадалки, видимо, устал от всей этой болтовни. Он сидел в машине с совершенно замученным видом. Сухо

поздоровавшись с Милославской, он снова отвернулся к окну.

«Шестерка» Семена Семеныча привычно затарахтела, когда друзья тронулись с места. Их выхлопной трубы повалил черный густой дым. К счастью, по близости не было экологов, иначе бы они при виде этого устроили митинг и перекрыли несчастной троице дорогу.

Машина Руденко и впрямь была очень старой, повидавшей многое на своем веку. Три Семерки, как обычно, не гнал автомобиль во всю прыть, стараясь не подвергать его лишним «стрессам», так как их в «жизни» «шестерки» и без того хватало. Милиционер поехал вниз по ухабистой улице не спеша, старательно объезжая все кочки, хотя время уже поджимало.

Прочитав это упоминание в глазах Милославской, Три Семерки сказал:

— Сейчас вывернем на ровную дорогу, там упущенное и наверстаем.

Несмотря на то что машинешка иногда могла заглохнуть в самый неподходящий момент, Руденко очень ценил ее: все же лучше, чем на своих двоих или на казенном транспорте, которого вечно не хватало. А сравнение с общественным транспортом вообще было не в пользу последнего.

Яна тоже уважала эту старушку, поскольку она часто принимала самое непосредственное участие в ее расследовании и, при счастливом стечении обстоятельств, летала, как ласточка. Гадалке очень хотелось, чтобы автомобиль и на этот раз не подвел, и мысленно она молилась об удачном прибытии на место. Настроение у обоих друзей было торжественно-тревожное.

Многострадальная «шестерка» Руденко словно чувствовала это настроение, читая мысли своих пассажиров: во-первых, завелась сразу, во-вторых, безоговорочно подчинялась командам «рулевого». Ему не пришлось ругаться благим матом, как это иногда бывало, если старое авто вдруг «раскорячивалось» прямо посреди дороги. Проезжающие мимо автовладельцы презрительно оглядывались на стоящего в интересной позе у капота милиционера, и Семен Семеныч, конечно, чувствовал себя в такие моменты очень неловко.

Недолгие минуты пути показались гадалке мучительно длинными. Всю дорогу она сидела в напряжении, хотя Руденко пытался развеселить всех своими сто раз уже рассказанными анекдотами. Когда машина стала приближаться к вокзалу, это напряжение еще больше усилилось. Сердце подсказывало Милославской, что да, сегодня, точнее, вот-вот что-то решающее должно было произойти. Мысли Яны невольно обращали ее к недавнему гаданию, и картины расправы над преступниками всплывали в

ее воображении.

Когда до нужного места оставалось всего один поворот, сердце гадалки забило чаще. Она стала взволнованно вглядываться вдаль, пытаясь увидеть очертания знакомого здания.

Перекресток, еще один, и вот открылась взору во всей своей красе привокзальная площадь. Все тут было очень современно, за исключением памятника Кирову, которого очень любил местный птичий контингент и который вследствие этого выглядел не очень привлекательно.

Все остальное было полной противоположностью всеми забытой скульптуре. Пышным цветом алела на полукруглой клумбе герань, привлекали к себе прохожих свежевывкрашенные скамейки. Чистотой сверкали недавно побеленные бордюрики.

Даже дорога, никудашная во всем городе, и та отличилась: тут была такая разметка, о какой боялись мечтать даже центральные улицы.

Напротив вокзала возвышалось недавно выстроенное здание гостиницы. Она возводилась по модному проекту и уже успела стать местной достопримечательностью. Весело играли неоновые огни на вывеске ресторана-казино. Кишели народом многочисленные мелкие магазинчики.

— Пирожки! Беляши! — наперебой кричали на обочине тротуара толстые торговки с красными лицами.

Периодически воздух прорезывал металлический голос диспетчера, объявляющего о прибытии-убытии поездов. Гремели на поворотах своими «рожками» разворачивающиеся троллейбусы. Вдоль вокзала сидели или спали на своих огромных тюках азиаты в полосатых халатах и их женщины в длинных цветастых платьях. Чумазые ребяташки бегали вокруг них, нет-нет приставая к прохожим.

Сам вокзал сверкал множеством тонированных стекол и огромной золоченой вывеской. Он был довольно большой, двухэтажный, с несколькими просторными залами ожидания, переговорным пунктом, кафе, парикмахерской, магазинами и рядом прочих помещений.

Камеры хранения находились в полуподвале. Там всегда было не слишком многолюдно, прохладно и сыро.

— Ну вот и приехали, — прокомментировал Руденко и заглушил двигатель.

На первый взгляд вокруг все было совершенно спокойно и, казалось, ничего особенного не должно было произойти. Но как только Яна спросила: «Нас здесь что, никто не ждет?», Три Семерки ответил:

— Кхе, значит, наши ребята хорошо работают, раз ты их не видишь. А

должна бы уже... По лицу, по походочке...

Как оказалось, на привокзальной площади работало уже не менее десятка переодетых сотрудников. Кто-то из них сидел на скамейке, прикрывшись газетой, кто-то якобы увлеченно закидывал деньги в кабину игрового автомата, кто-то стоял на автобусной остановке, кто-то просто на входе в помещение вокзала. В общем, кто где — несли свою службу.

Узнав об этом, гадалка вздохнула с некоторым облегчением. Она почувствовала, что они с Семеном Семенычем не идут один на один с врагом. За их спиной — серьезная поддержка.

Яна отнюдь не страдала комплексом неполноценности и провернула уже не одну операцию без посторонней помощи. Но на этот раз особую пикантность ситуации придавал тот факт, что в одной из ячеек камеры хранения был заключен неизвестный предмет. В дни, когда страну и мир сотрясали теракты, такое положение дел являлось опасным. За словом «сюрприз» могло скрываться все, что угодно. И главное, оно угрожало не только ей, гадалке Яне Борисовне Милославской, но и абсолютно ни в чем не повинным людям. Как человек прекрасно это понимающий, Яна испытывала особое чувство ответственности.

Семен Семеныч тоже особо волновался по этому поводу. Он не стал извещать о происходящей операции верхушку руководства, потому что, по сути, ничего особенного в ней не было, за исключением опасения о сказанном выше.

Руденко тоже считал, что они с Милославской сами в силах во всем разобраться, однако так называемые отягчающие обстоятельства все же заставили его просить помощи у коллег. Три Семерки обратился к тем из них, с кем он состоял в наиболее близких отношениях, кто был ему чем-то по работе обязан и кто подчинялся лично ему.

Эти люди по-разному относились к его сотрудничеству с гадалкой. Они знали, что и на вокзале будут действовать по ее «наводке». Кто-то верил в ее чудодейственные способности, кто-то втайне или открыто посмеивался над ними, но как человек, Яна всем им нравилась, они давно знали и уважали ее, да и Руденко отказать не могли, хотя не всегда работа, проводимая по настоянию гадалки, оказывалась результативной.

Семен Семеныч очень нервничал, без конца гладил усы, поправлял фуражку, но в душе он переживал еще больше, потому что в случае любой неудачи злоязыкие стали бы намекать ему, что он в очередной раз напрасно пошел на поводу у «бабы». Таких, конечно, были единицы, но и от них услышать подобное было неприятно. К тому же в скором времени о том, что Три Семерки «облапошился» узнавал весь отдел.

Как только друзья вышли из машины, к Семену Семенычу подошел высокий статный мужчина. Они поздоровались за руки. Яна знала этого человека, потому что не раз пересекалась с ним в своей работе, посредством Руденко, конечно.

Мужчина кивнул ей и улыбнулся.

— Здравствуйте, Сергей, — ответила гадалка.

Этот человек был очень надежен и предан своему делу, поэтому Яна обрадовалась, увидев его рядом. Казалось, если за дело берутся такие мужчины, оно не может не закончиться успехом.

У Сергея были замечательные глаза редкой голубизны, хотя сам он был жгучим брюнетом. Такое необычное сочетание заставляло подолгу задерживать взгляд на лице этого красивого мужчины.

Однако в жизни ему никогда не везло. От Семена Семеныча Милославская узнала, что Сергей живет с престарелым отцом, что ему всю жизнь изменяла жена, родившая двух сыновей и заявившая однажды, что это не его дети. Тот изменнице все простил, но когда в очередной раз застал в своем доме постороннего мужчину, ушел, ничего не взяв, кроме своей одежды и документов.

Это случилось пять лет назад, но Сергей и по сей день поддерживал самые тесные отношения с сыновьями и оказывал бывшей семье хорошую материальную поддержку.

Думая об этом, гадалка начинала еще больше уважать этого мужчину, и работа с ним всегда доставляла ей истинное удовольствие. Он никогда не ругался в присутствии дам и никогда не говорил пошлостей. И вообще, был немногословен, как и подобает мужчине.

— Все готово, — сказал он, поздоровавшись со всеми и, посмотрев на часы, добавил: — Без пяти.

Руденко оправил китель, дернул фуражку за козырек и сказал всем:

— Идемте.

Все трое двинулись за ним.

Вокзал кишел людьми: кто-то нервно толкался у билетной кассы, кто торопливо спускался в подземку, кто-то сидел и отгонял от себя назойливых мух, обитающих в этом помещении круглый год. Но главное — тут всегда стоял характерный запах, который вошедшую Милославскую сразу же заставил брезгливо поморщиться.

Сидящие неподалеку от входа дежурные милиционеры с интересом оглядели стремительно движущихся навстречу им четверых людей. Сергей подошел к ним, показал корочку и что-то сказал. Его слов не было слышно за голосом, загремевшим из динамиков диспетчерской, но дежурные

переменились в лицах, и вместо скучающего любопытства они стали изображать деловое участие.

Только Яну эти сотрудники оглядели с несколько иным чувством, но она, оскорбленная столь откровенным разглядыванием, даже не посмотрев в их сторону, гордо прошествовала мимо.

С правой стороны находились вывески с указателями. Одна из них гласила: «Камеры хранения» — и указывала налево. Единомышленники дружно зашагали по неширокому, тускло освещенному коридору, минуя ряд комнат и приблизившись наконец к залу камер хранения.

Напротив располагался малый зал ожиданий. В него пускали либо по предъявлении билетов, либо за десятку, поэтому внутри было не слишком многолюдно.

— Так, — скомандовал Руденко. — Где у нас ребята с металлоискателями? Сюда их, — он посмотрел на Сергея.

Тот набрал какой-то номер на своем сотовом, коротко поговорил с кем-то, а приятелям сказал:

— Идут.

— Не лучше ли людей из этого зала ожидания пока эвакуировать, — предложила гадалка, кивнув на тот зал, что был напротив.

— Это мысль, — согласился Сергей.

А Руденко возразил:

— Да ты что, сейчас поднимется паника!

— Но ведь можно эвакуировать и без паники, — поспорила с ним Милославская, — Диспетчер объявит, что зал закрывается на генеральную помывку и все. Никто ни о чем не догадается.

— Хм, — хмуро произнес Три Семерки и ничего не сказал.

— Мало того, что мы этими людьми рискуем, — продолжила гадалка. — посмотрите, сколько любопытных глаз! Нам это надо?

Все сотрудники обернулись. Дверь в зал ожидания была распахнута настежь. Вход преграждали только металлические «собачки». Несколько человек, занимавших крайние сиденья и скучающих, с интересом принялись рассматривать столпившихся у входа людей. Камеры хранения им также могли быть видны.

— Ты права, — все же согласился с подругой Руденко, — пойду в диспетчерскую, дам указание.

— Подожди! — остановила его гадалка. — У меня пришла кое-какая мысль. Пару минут, идет? — спросила она, умоляюще посмотрев на приятеля.

— Что там у тебя? — недовольно пробурчал тот.

Но Милославская ничего не сказала, только махнула рукой и, заплатив женщине, сидящей за стойкой на входе в зал ожидания, юркнула в него.

— Чего еще придумала эта сумасшедшая? — покачивая головой, протянул Три Семерки.

Сергей только засмеялся.

Яна направилась к тем людям, насчет любопытства которых она еще совсем недавно возмущалась. Ей пришло в голову, что это любопытство могло оказаться вполне полезным. Фотография, выпрошенная ею у Руденко, находилась у нее в сумочке, и гадалка намеревалась, показывая ее, поспрашивать у ожидающих, не видели ли они этого мужчину. А возможно, с ним был и еще кто-то. Тогда и облик сообщника, если таковой имелся, стал бы известен.

Как оказалось, в зале преимущественно находились люди, похожие на беженцев, ехавшие неизвестно откуда и неизвестно куда. Было ощущение, что многие из них вообще живут здесь: подстелив какие-то матрасы прямо на пол в промежутке между рядом кресел и огромными окнами, некоторые из них мирно посапывали, кто-то просто лежал и, оперевшись на руку, посматривал по сторонам. Многочисленные босоногие дети лазали по полу, бегали или хныкали на руках у матерей.

Бомжей в этот зал не пускали, впрочем, Яне было без разницы, с кем общаться, лишь бы этот человек сказал ей что-нибудь дельное.

Милославская сначала присела и посмотрела по сторонам.

Справа от нее, на самых крайних сиденьях, откуда был прекрасный обзор на камеры хранения, две вульгарно накрашенные молодые дамы увлеченно беседовали между собой, и на появление соседки абсолютно никак не прореагировали. Яна покашляла — реакция та же. Гадалка подошла поближе и стала назойливо заглядывать им в лица — они по-прежнему занимались своим делом. Тогда она достала из кошелька пятьдесят рублей и помахала перед ними. Они обе резко замолчали и усталились на деньги.

Гадалка мгновенно выудила из сумки фотографию подозреваемого и также помахала ею перед дамами. Та из них, что была посообразительней, одним движением руки подхватила полтинник, потом неспешно взяла фотографию и лениво посмотрела на нее.

— Не видели такого тут? — спросила Милославская.

Вторая дама, сдвинув очки на край носа, вплотную приблизилась к фотографии и, прищурившись, стала рассматривать ее.

— Не, не видели, — активно разминая челюстями жвачку, заключила первая.

— Посмотрите внимательно, прошу вас, — вежливо еще раз попросила гадалка.

— Да нет, не было такого, — поддержала подругу первая. — Мы мужиков всех на прицел берем, будьте спокойны. Особенно таких симпатичных!

Обе захохотали, так что люди стали на них оборачиваться. Яна, не рассчитывая больше ничего узнать от этих девиц, поспешила удалиться. Она решила побеседовать с беженцами, поскольку они находились тут наверняка дольше.

Подойдя к играющему четками молодому мужчине, гадалка протянула фотографию и спросила:

— Простите, вы не видели этого человека?

Сфотографированный был смугл, и тот, очевидно, принял его за своего.

— Куда ехаль? — спросил он, взяв в руки снимок. — Таджикистан?

— Нет, он никуда не ехал, — Милославская замотала головой.

К мужчине, услышав разговор, подошла пожилая женщина в красивых янтарных бусах, она присела рядом и стала тоже всматриваться в лицо на фото. Затем она молча встала, поправила сбившийся на затылок платок и вместе со снимком стала подходить к своим соотечественникам. Те в ответ лишь отрицательно качали головой. Любопытные ребятишки подпрыгивали на полу, пытаясь разглядеть, чем же так интересуются взрослые. Янина новоявленная помощница сначала отгоняла их, громко ругаясь частично на своем, частично на русском языке, а затем, поняв, что от них так легко не отвяжешься, все же уступила.

Они с улыбкой до ушей смотрели на неизвестного им дяденьку, о чем-то переговариваясь между собой. Затем самый старший из них, смотря куда-то в сторону, крикнул:

— Искендар!

Вскоре к ним присоединился еще один мальчишка лет семи-восьми и, посмотрев на снимок, стал громко, сбивчиво что-то говорить женщине. Выслушав, она поманила Милославскую рукой.

— Искендар его видел, еще вчера на улице. Он на него обратил внимание, потому что тот сильно толкнул его, выходя из дверей вокзала.

— Вот везение! — обрадованно воскликнула Яна.

Гадалка накинулась на мальчишку с кучей вопросов, но, к сожалению, выяснить ничего не смогла, потому что он практически не говорил по-русски и ни о чем, кроме той обиды, поведать не мог.

Известие о возможном общении с подозреваемым Яну взбудоражило,

хотя мальчишка мог и ошибаться. Во всяком случае, теперь дальнейшее расследование в стенах вокзала имело больше смысла. Значит, преступник все же был здесь и все же что-то оставил в камерах хранения. К тому же теперь стало известно, что о «сюрпризе» он позаботился заранее, и с раннего утра его тут ждали напрасно.

Как только Милославская собралась покинуть этот зал ожидания, из динамиков зазвучал непривычно благожелательный голос диспетчера:

— Уважаемые ожидающие поездов! Зал ожидания номер пять закрывается на санитарную обработку. Просьба в течение пяти минут освободить зал. Вы сможете разместиться в любом другом зале по предъявлении железнодорожного билета или чека об оплате. Приносим извинения за принесенные неудобства.

Женский голос три раза подряд слово в слово повторил сказанное и замолк. В зале поднялась суматоха. Кто-то недослышал некоторые слова, кто-то вообще ничего не разобрал. Некоторые возмущались поведением администрации вокзала и ругали ее на чем свет стоит. Но все же люди бурча собирали свои пожитки и потихоньку начинали выползать из зала ожидания. Некоторых Милославской лично пришлось успокаивать и объяснять, что чистота — залог здоровья, что в стране бушуют страшнейшие эпидемии, против которых необходимо проводить профилактику, и так далее и тому подобное.

Руденко, видя ее доблестные старания, стоял в сторонке и посмеивался в усы. Он с самого начала издали наблюдал за подругой, но слышать толком ничего не мог, а потому гадалке пришлось от и до все ему рассказывать. Слушал и Сергей, и молодой подчиненный Руденко. Все они сошлись во мнении, что Милославская заслуживает похвалы и что мальчишку, видевшую подозреваемого, трогать больше не стоит, поскольку ни о чем криминальном поведать он не мог.

Вскоре зал ожидания опустел, администратор зала закрыла двери на замок и весело сообщила милиционерам:

— Ваши указания выполнены.

— Благодарствуем, — расплывшись в улыбке, протянул Семен Семеныч, косясь на огромный бюст администраторши.

Как только женщина удалилась, все приняли серьезное выражение лиц, словно и не было никаких шуток. К тому же оказалось, что опера с металлоискателями и еще какими-то приспособлениями, названия и назначение которых гадалке были неизвестны, уже прибыли и начали свою работу. Людей сюда уже не пускали, вторя все о той же санобработке.

— Начнем? — спросил Сергей присутствующих.

Все разом молча кивнули ему ответ, чувствуя себя единой командой, и продвинулись ближе к ячейкам хранения. Но молодой лейтенант, который водил вдоль камер какой-то штуковиной на длинной ручке, строго сказал:

— Женщине лучше отойти.

Семен Семеныч оглянулся на Милославскую.

— Ни за что! — шепотом отрезала она, глядя ему в глаза.

Три Семерки махнул рукой, что означало: с этой спорить бесполезно. Сергей тоже не стал настаивать, поскольку знал об участии гадалки в разных операциях и о ее опыте. Хотя так же хорошо он представлял, что если с Милославской что-нибудь случится — а она человек гражданский — начальство их с Руденко взгреет по полной программе. Однако верить в лучшее — было отличительной чертой его характера, поэтому все мысли о плохом он отогнал прочь.

Единомышленники стояли и наблюдали за ходом работы. Опера решила сначала проверить все ячейки, а потом уже более детально заняться ячейкой с названным подозреваемым номером. Вот они прошли уже три ряда, но все по-прежнему было тихо. Где-то в конце коридора слышались возмущенные голоса людей, сдавших сюда свой багаж. Они требовали его немедленного возврата, ссылаясь на скорое прибытие поезда. Яне было по-человечески жаль всех их, но ничего поделать она не могла. Конечно, уехать без вещей опера никому бы не дали, но нервы потратить людям все же пришлось изрядно.

Еще больше Милославской было жаль того самого молодого подчиненного Семена Семеныча, которого послали сторожить вход в коридор, ведущий к камерам хранения. Он был еще не опытен, не нагл, не дерзок, а потому удерживать давление толпы ему было очень не просто.

К счастью, этот парень находился там не один. Ему дали еще двоих в помощники, однако Яна прекрасно себе представляла, в каком положении, несмотря на это, все они пребывают. Взбушевавший народ их готов был разорвать. Немного подумав и решив, что от ее присутствия в данном месте пока нет никакого толка, гадалка решила пойти помочь дежурящим на входе.

Как раз напротив камер хранения висел очередной стенд с расписанием движения поездов. Гадалка посмотрела на него. До прибытия ближайшего состава, если он не опаздывал, оставалось десять минут, так что время у них еще было, и Яна немного успокоилась.

— Товарищи! — воскликнула она, и голос ее утонул в общем гвалте негодующих голосов.

— Господа! — крикнула Яна громче, и люди немного притихли. —

Минуту внимания, — спокойнее продолжила Милославская, подняв руку. — До прибытия ближайшего поезда осталось восемь минут. Ровно через восемь минут вы все получите свои вещи.

— Пока мы их дотащим, поезд уйдет! — едва ли не хором накинулись все на гадалку в ответ. — Тоже мне, раскомандовалась! Иди отсюда! Вещи давай! — восклицали голоса.

— Обещаю: поезд не тронется с места без вас и ваших чемоданов! — смело заявила Яна и, развернувшись, пошла на прежнее место.

Люди еще выкрикивали вслед ей дерзкие слова, но в целом стало намного тише. Видимо, гадалке поверили.

— Ну что тут? — спросила она, подойдя к Руденко.

— Уже над твоей ячейкой работают. Установили, что внутри есть металл, но, по-моему, ничего криминального. Идем поближе, — шепнул Семен Семеныч.

Ячейку триста восемьдесят шесть уже на самом деле обследовали. Металлоискатель слабо сработал, пикнув невнятно, и тогда подключили собак. Милославская предложила услуги Джеммы, но опера от них вежливо отказалась, потому что Янина овчарка не была обучена находить взрывчатку и прочие криминальные предметы. Гадалка пыталась возразить и начала в страстном порыве перечислять все Джеммины достоинства, но ее никто не слушал, и в итоге она успокоила себя тем, что Джемма зато целее будет.

Собаки обнюхали дверцу камеры и никак не проявили своей озабоченности ее содержимым. Тогда все тот же молодой лейтенант осторожно стал набирать на дверце названный гадалкой код. Что-то щелкнуло, и дверца, слегка скрипнув, отворилась.

Яна ахнула: внутри лежал такой же кейс, какой она нашла в доме Воробьевых. Она кинулась было к нему, но милиционеры ее тут же остановили.

— Стойте! Вы куда?! — крикнул Сергей.

— Простите, это внезапный порыв, — торопливо выговорила гадалка, понимая абсурдность своего поступка.

Все же она оказалась на переднем плане. Остальные вынуждены были наблюдать за происходящим из-за ее спины. К кейсу сначала подпустили собак. Они обнюхали его и брезгливо отвортили морды.

— Ничего, — констатировал лейтенант и еще раз поводит по кейсу своим прибором. — Можете спокойно его забрать.

— Снимите «пальчики» сначала, — вмешалась Милославская и посмотрела на Руденко.

— Это мысль, — ответил он и пригласил своего помощника с необходимым оборудованием.

Отпечатки сняли с ячейки и с самого кейса. В этот миг голос диспетчера объявил об ожидаемом прибытии поезда. Задерживаемые люди снова зашумели.

Милославская зашагала вперед, и тут уже никто не стал ее останавливать. Она протянула обе руки в ячейку и вытащила кейс.

— Вот! — горделиво сказала гадалка своему приятелю, но тут же лицо ее омрачила испуганная гримаса. — А-а-ах... — протянула она и рывком посмотрела на часы. В полдень Игорь уезжает! Без него нам кейс не открыть!

Руденко тоже глянул на свой циферблат и более спокойно сказал:

— Ну-у-у, время пока есть. Хотя медлить, конечно, не стоит.

— Кейс нужно во что-то упаковать, чтобы не привлекать внимание, — сказала Яна.

К счастью, в ее сумочке оказался большой пакет, в который кейс уместился.

— Вот радость-то! — протянула Милославская, не в силах скрыть своих чувств.

В эти минуты она даже мечты о сне оставила, потому что на миг забыла о своей усталости.

— Радость-то, радость, — парировал Три Семерки, — только вот найти бы Игоря...

— Звони ему на мобильник, — скомандовала гадалка.

— Придется, — вздохнув, ответил Семен Семеныч.

Он набрал известный ему номер и, закусив губу, стал дожидаться ответа абонента.

— Алло, — вскоре послышалось в трубке.

Милославская облегченно вздохнула и стала старательно прислушиваться к разговору.

— Игорь, это опять Семен, — прогремел Руденко. — Прости, что тревожу, но тут дело на миллион! — Три Семерки замялся.

— Что случилось?

— У нас в руках кейс.

— Прекрасно, разобрались с бумагами?

— Да нет, это уже другой, еще один! — Семен Семеныч оживился, чувствуя расположение собеседника.

— Как?!

— Долго объяснять. Понимаешь, его надо открыть.

— М-м-м, — задумчиво протянул Игорь.

— Ты сейчас где?

— Я с женой на экскурсии по городу. Едем на Соколову гору.

Уже почти прибыли.

— Но ты сможешь?

— Помогу.

— Как бы нам встретиться?

— Давай в аэропорту. У меня в половине второго самолет. В полпервого я буду на месте. Встретимся в терминале.

— Идет! Спасибо, Игорь! — Семен Семеныч отключил телефон и весело посмотрел на Милославскую.

Содержание разговора передавать ей не было необходимости, потому что связь была хорошей, и Яна все прекрасно слышала.

— Как дальше поступим? — спросил у нее Три Семерки.

— Полагаю, кейс пока надо отвезти в отдел, — проговорила гадалка.

— Правильно полагаешь, — поддержал ее Три Семерки, радуясь, что Милославская не стала настаивать на единоличном праве на кейс.

— И еще я полагаю, что у меня есть немного времени, чтобы поспать, — продолжила Яна. — Поэтому сейчас я отправлюсь домой, а двадцать минут первого встретимся в аэропорту на автобусной остановке. Идет?

— Идет, — согласился Семен Семеныч.

— Окажи услугу, — попросила гадалка, снова посмотрев на часы, — подвези до дома, времени на сон в обрез.

— Конечно, о чем речь, — ответил ей приятель, пожав плечами.

Сергей уже давно вышел из камер хранения и дал отбой всем своим сотрудникам. Было уже ясно, что подозреваемого на вокзале нет, и никто жизни и здоровью Милославской уже не угрожает.

Опера разместились по своим машинам, а Яна с Руденко снова направились к его «шестерке».

— Виталика домой забросим, — сказал гадалке Семен Семеныч, кивая на своего совершенно замученного борьбой с массажи молоденького напарника, который сразу как-то смутился.

— Забросим, — с улыбкой глядя на парня согласилась Яна, хотя ей не терпелось попасть домой. — Он нынче боевое крещение прошел.

Как оказалось, Виталий жил в той же стороне, что и Милославская, только вообще за городом, в поселке Лазурный.

В любом случае поворот на Лазурный был раньше поворота на Агафоновку, и гадалке так и так пришлось бы немного «покататься». Но

она успокоила себя тем, что вокруг Лазурного прекрасная природа, которая всегда на нее оказывала живительное действие, столь необходимое ей в эти минуты.

Машина довольно быстро, или мечтающей побыстрее попасть домой Яне так показалось, миновала пыльные городские улицы и оказалась на загородном шоссе, ведущем в Лазурный.

Здесь дышалось легче и вообще было спокойнее. Руденко же то и дело поглядывал в зеркало заднего видения, став вдруг более опасливым. Видимо, он допускал, что подозреваемый все же мог следить за его подругой и теперь уже за ним самим.

Спустя пару километров «шестерка» свернула с дороги, заколесив по незаасфальтированной наезженной неширокой тропе. Она бежала вдоль березовой рощи, окаймленная невысокой пожелтевшей от солнца травой, среди которой местами возвышались неброские луговые цветы. Яна любовалась ими, а мужчины, казалось, ничего не замечали, погрязнув в поглотившей их угрюмости и озабоченности, которой, впрочем, было вполне логичное объяснение.

Вскоре в открытое окно повеяло свежестью, а вдали между деревьями замелькала какая-то речушка. С высокого берега открывался великолепный вид: берег был высок и обрывист и с него можно было наблюдать за переливчатыми изумрудными волнами и видеть очертания Лазурного.

Руденко остановился у самого края обрыва, предложив молодому подчиненному:

— Добежишь тут? Через мосток...

— Конечно, — ответил Виталий. — спасибо. Я бы целый час на маршрутке добирался. Фу-у-у... Как я устал!

Он открыл дверцу и ступил на примятую колесами траву. От вида расстилавшейся картины лицо его просветлело, видно, в родном месте дышалось легче.

Просветлела и Милославская.

— Беги, беги домой, отдыхай, — сказала она, и приятели попрощались с Виталием, который скорым шагом направился в сторону родного поселка.

— Как тут хорошо, Сема, — протянула Яна, когда ее приятель стал снова заводить автомобиль. — Красотища...

Три Семерки согласился с ней молчаливым угуканьем.

— Я словно живой воды хлебнула, — продолжала гадалка.

— Слушай, у меня идея, — вдруг оживившись, воскликнула она.

Семен Семеныч посмотрел на нее вопросительно.

— Только обещай, что ответишь согласиём!

— Эх, мало ли ты что там придумала! — покачивая головой и улыбаясь, возразил Руденко и включил задни ход.

— Ничего я не придумала особенного!

— Может тебе опять бред какой-нибудь в видении пригрезился, а я на него подпишусь. Нет уж, сначала скажи, о чем разговор.

— Да что ты все о работе?! Я про другое совсем! На природу хочу сюда после расследования выбраться. Ты Маргариту возьмишь, пацана своего, посидим, подышим, раков половим...

Ну? Согласен?

— Согласен, — кряхтя и посмеиваясь, ответил Семен Семеныч и развернул машину, чтобы везти наконец размечтавшуюся гадалку домой.

ГЛАВА 18

Дом встретил Милославскую знакомым скрипом калитки, веселым шумом дубовой листвы под окнами, щебетом неугомонных воробьев, ласковыми лучами проглянувшего сквозь тучи солнца, играющими невесомыми пылинками, запутавшимися в этих лучах, как в паутине, и свежим ветром, налетающим как-то внезапно и исчезающим так же незаметно. Тут всегда было лучше, чем где либо, даже чем на самом престижном курорте.

Прохладный воздух, врываясь в открытую форточку, нещадно теребил полупрозрачный тюль и заставлял гадалку ежиться под тонкой шелковой простыней, под которую она юркнула сразу же, войдя в комнату и торопливо скинув с себя одежду.

Яна посмотрела на часы. Спать она могла себе позволить не более двух с половиной часов, и это удручало. Однако многообещающая перспектива окончания дела помогала ей открыть второе дыхание и смириться с любыми трудностями.

Джемма уже тихонько дремала у постели хозяйки, и, как только Милославская давала о себе знать легким шевелением, приоткрывала один глаз и настороженно приподнимала ухо.

Гадалка потянулась, издав громкое «Уа» и снова съежилась. Понимая, что нет никакого удовольствия валяться в постели, когда мурашки по всему телу бегают, она потянулась одной рукой за пледом и торопливо натянула его на себя, закрыв глаза в ожидании наступающего тепла.

Настоящего тепла она не дождалась, потому что почти моментально заснула. Ей стала сниться какая-то дребедень: то Лазурная речка, то беженцы с вокзала, то кейсы, кейсы, кейсы. Потом все это вдруг куда-то исчезло, и два часа гадалка провела в полной отключке от внешнего мира. Ее не мучили сновидения, и она вся как-то вытянулась, хотя обычно спала калачиком. Джемма, изредка поглядывающая на хозяйку, даже испугалась, что с ней что-то не то, но услышав ровное тихое дыхание успокоилась.

Когда запиликал будильник, Милославская не вскочила, как это иногда бывало. Она просто открыла глаза. На душе было редкостное спокойствие. Яна попыталась осознать, где она и что с ней, какое сейчас время суток и какие у нее планы на ближайшие часы. Когда недавняя картина всплыла в ее сознании во всей своей красе, гадалка спустила с кровати ноги и заставила будильник замолчать. Джемму тут же принесла ей от порога

тапочки.

— Правильно, медлить некогда, — хрипло проговорила Милославская и поднялась на ноги.

Выспаться хорошенько она, конечно, не успела, но все же чувствовала себе Яна намного лучше прежнего. Шаркая тапками, она поплелась в ванную и, решив, что даже три минуты в воде взбодрят ее, включила воду. Напор был мощный, поэтому, пока гадалка умывалась и чистила зубы, ванна наполнилась почти наполовину.

Отправив белье в высокий пластиковый ящик, Милославская налила в воду пару колпачков своей любимой персиковой пены от «Ив Роше» и погрузилась в пенные гребни. Чувство теплоты постепенно стало разливаться по всему телу; мысли, кипящие неладным строем в ее голове, уносились куда-то далеко-далеко, и от этого чувство легкости на душе начинало сменять собой возникшую тревогу и озабоченность. «Как же хороша бывает иногда жизнь!» — единственное, о чем Яна могла сейчас думать.

Однако времени на долгие размышления о прелестях бытия у нее не было, поэтому спустя пару минут, она окатила себя прохладным душем и закуталась в большое махровое полотенце. Высушив феном волосы и сделав быстрый неброский макияж, гадалка заключила, что у нее еще есть время на кофе.

Любимая джезва и мастерство Милославской быстро сделали свое дело и вскоре вспенившийся белой шапкой капучино уже стоял перед Яной. Он был еще слишком горяч, поэтому гадалка в очередной раз глянула на часы, а потом, следуя внезапно пришедшей мысли отправилась в прихожую за своей сумочкой, в которой лежали карты.

Милославской хотелось получить от них какую-то более конкретную подсказку, чем та, что явилась ей после гадания на «Да-Нет». Она побаивалась, что колода не пойдет на сотрудничество — Яна мало спала, и запасы ее энергии были ничтожны. Однако попытаться все же стоило, тем более что короткий сон и ароматная ванна частично восстановили гадалкины силы.

Яна достала карты и положила их перед собой на столе.

Колода, казалось, так и притягивала к себе, и у нее возникло какое-то странное внутреннее чувство, подсказывающее ей, что планируемый сеанс гадания все же должен быть успешным.

Веером раскинув перед собой карты, Милославская решила сделать выбор на одной из них. В этом она всегда руководствовалась интуицией и собственным самочувствием.

А самочувствие сейчас подсказывало гадалке, что ей вполне подойдет «Джокер».

Это была единственная карта, которую можно было использовать в один день с другой, то есть когда между гаданиями был еще небольшой отрезок времени. Это свойство Джокера объяснялось тем, что он вполне удовлетворялся не вполне восстановившейся Яниной энергетикой. Данный плюс зачастую перевешивался следующим минусом.

Джокер всегда давал малопонятную, загадочную информацию. Он мог нарисовать вполне четкие образы, но какое они имели отношение к делу, никогда не было ясно. Конечно, предоставленная им информация в конце концов расшифровывалась гадалкой. Но сколько мучений приносили ей размышления над преподнесенным Джокером! Правда, эти мучения компенсировались тем, что факты от Джокера оказывались всегда очень важными.

По причине всего перечисленного Джокер Яна еще называла Сюрпризом. На самом деле, он умел преподнести самую неожиданную неожиданность.

Беря во внимание качества Джокера, гадалка и решила попытаться использовать его сейчас. «Сюрприз» смотрел на нее озорно и игриво и так и манил изведать неизведанное. Воображение стало рисовать ей, какие приятные открытия мог бы помочь ей сделать Джокер. Она представляла, как ей открылись интереснейшие важные факты, как внезапно наступила развязка дела, как преступники попали в крепкие лапы закона и так далее. Так просидела Милославская пару минут, пока, наконец, мысленно не сказала самой себе: «Времени нет на мечтания нет!»

Эта фраза мгновенно охладила ее и вернула к действительности, оценив которую в своем сознании, Милославская не нашла пока ничего особенно утешительного. Вокруг было множество вопросов. Да и Джокер, в конце концов, мог как подвести Яну к развязке, так и окончательно все запутать. Не даром же он имел второе название — Сюрприз.

Добродушное лицо молодого месяца, изображенное на карте, с улыбкой взирало на маленький колокольчик и выпускало на него тонкую воздушную струйку, заставляя колокольчик раскачиваться и бренчать. Фоном этому забавному зрелищу служила расстилающаяся под ним мертвая, растрескавшаяся почва. Яна и сама не могла объяснить взаимосвязи между столь разными, но нарисованными ею на одной карте символами. Изображение было столь же парадоксальным, как и видения, даруемые ею.

Гадалка отодвинула лишние карты в сторону, села поудобнее и закрыла

глаза, накрыв Джокер ладонью.

Аромат капучино, стоявшего под носом, сначала мешал Милославской сосредоточиться, и она не сразу нашла контакт со своим помощником. Тем не менее знакомый туман вскоре закружил сознание гадалки.

Милославская была готова к тому, что вот-вот, сию минуту, видение откроет ей наконец что-то важное, свершится чудо и многое-многое, все, ей станет ясно. Видимо, чувствуя эту особую готовность, Джокер все же пошел на контакт.

В сознании гадалки все смешалось, где-то в черной дали замелькали малопонятные образы, фигуры, предметы. Они кружились в быстром танце, не позволяя как следует рассмотреть себя и не давая никаких намеков.

Сначала картина была черно-белая. Потом вдруг неизвестно как она обрела краски: синие, зеленые, желтые, разные. Но все по-прежнему было покрыто покровом тайны.

Яна сначала чувствовала себя где-то посередине между реальностью и видением, постепенно ею и вовсе овладело ощущение монолитности ее руки и карты, она практически не ощущала магический картон под ладонью. Казалось, их единство — это какое-то теплое пятно, стремительно разрастающееся и засасывающее гадалку в бездну. И если поначалу сознание, как это часто бывает, путалось — Милославская не могла разобрать: из этого или потустороннего мира доносятся голоса — то вскоре видение всецело поглотило ее.

Перед Яной вдруг замелькали длинные широкие темные коридоры. Пахло сыростью, как в погребке.

— Где я? — мысленно спрашивала себя гадалка, но ответа не было.

Вскоре к запаху сырости стали примешиваться и другие неприятные запахи.

В первую минуту, когда перед Яной возник темный коридор, она предположила, что перед ней место нахождения преступников или важных вещдоков, но когда повились эти ароматы, гадалка стала теряться в догадках.

Вокруг было прохладно, но душно. Однако через пару секунд картина стала меняться: Милославская толком ничего не видела, зато все наполнилось звуками и, скорее всего, многоголосым людским гомоном. Раздумывать над ним гадалке не пришлось: все стало более, чем отчетливым.

Перед Яной развернулся обыкновенный подземный переход со своей

людской толчеей, множеством ларьков, бомжами, и нищими, просящими милостыни. Яна, не видимая никому, витала из одной стороны в другую, осматривала каждый уголок этого перехода, каждое лицо, мелькавшее в толпе.

Ее особое внимание вдруг привлекла кучка бомжей. Их лиц она не могла видеть, потому что они вдруг боязливо стали отворачиваться от Милославской, а некоторые даже закрывали лицо руками. Гадалке хотелось спросить, кто они и почему от нее прячутся, но те только махали руками, отбиваясь от Яны, как от чумы. Нет, она не могла понять, какое отношение все это могло иметь к убийству Воробьева.

Видение постепенно стало угасать, а Милославская, конечно, ожидала от него большего.

Вскоре картина и вовсе неожиданно, почти мгновенно свернулась в какой-то непонятной формы клубок, маленький сгусток. Так сворачивается в шар испуганный ежик. Слышались потухающие постепенно звуки, вскоре начавшие походить на шипение закипающего чайника. Тепло, окутывающее гадалку, мощным энергетическим рывком вдруг покинуло ее тело, и она очнулась.

Яна сидела с закрытыми глазами, не находя еще в себе сил подняться и с досадой думала о том, как много могут открыть ей карты и как все же она не властна над ними. Они долго могли кружить ее по загадочным лабиринтам, заставляя искать, сомневаться, ошибаться и наконец находить, но никогда карты не давали ответа на главный вопрос сразу. В этот момент, когда Милославская ничего буквально не могла понять из свершившегося видения, ей особенно это было обидно.

Милославская открыла глаза. Чувствуя в теле необыкновенную слабость, она пододвинула к себе приготовленный капучино, закурила и, помешивая в чашке ложечкой, принялась обдумывать, что же все-таки могло значить необъяснимое и глупое на первый взгляд видение.

Джемма удивленно смотрела на хозяйку, готовая угодить любой ее прихоти и любовно следящая за каждым ее движением. Яна глянула на нее и в душе ее снова поднялось теплое и глубокое чувство любви к жизни. Она улыбнулась собаке, дунула на все еще стоявший шапкой кофе и сделал сразу несколько глотков, которые привнесли в ее разум просветление, а в тело бодрость.

Закончив трапезу, гадалка поспешила пойти одеваться, потому что время уже поджимало, и следовало поторопиться, чтобы не опоздать на встречу с Руденко. Джокер на этот раз оказался милостив к Яне и оставил ей на это силы.

Милославская вспомнила о втором кейсе и подумала, что, возможно, его содержимое как-то взаимосвязано с фактами из видения. Когда Игорь откроет кейс, Яна сможет убедиться в этом и связать все нити воедино. Пришедшая мысль гадалке очень понравилась, и она почувствовала прилив оптимизма.

Теперь в Милославской было гораздо больше уверенности, чем всего минуту назад. Она больше верила в удачу и в скорое разрешение дела. Джемма, видя такие резкие перемены в настроении хозяйки, радостно завиляла хвостом и облизала хозяйке руку.

Овчарка стала бросаться из стороны в сторону, удивляя хозяйку своей глупой беспричинной радостью и удивительной преданностью. «Нет, все не может быть плохо,» — думала гадалка, глядя на свою любимицу.

Милославская вскоре облачилась в легкие белые брюки и полупрозрачную розовую рубашу свободного кроя. Посмотрев на себя в зеркало, она решила, что выглядит вполне сносно. Прихватила розовую сумочку, переложив в нее все необходимое из другой, одела открытые розовые плетеные босоножки и направилась к двери. Джемму на этот раз решено было с собой не брать.

Приласкав ее на прощанье, Яна плотно притворила дверь и сделала несколько оборотов ключом. Джемма терпеливо молчала, но, когда Яна приближалась к калитке, все же протяжно и жалобно заскулила. «Она заслуживает лучшего, — проговорила про себя Милославская, глядя куда-то в небо, — Нужно поскорее заканчивать с этим делом.»

Оказавшись за калиткой, гадалка набрала в легкие побольше воздуха, чтобы вздохнуть глубоко и пожелать себе удачи.

Но кто-то вдруг окликнул ее. Милославская оглянулась: неугомонная соседка тетя Даша стояла, привалившись к своему забору, и смотрела на нее радостно и удивленно.

— Ты когда отдыхаешь-то, милая? — обнажая беззубый рот, спросила она. — Все ходишь куда-то, ходишь...

— В старости насижусь, тетя Даш, — махнув рукой, ответила гадалка и поспешила удалиться, потому что времени на вежливые разговоры у нее совсем не было.

Тетя Даша рассмеялась ей вслед и крикнула:

— Заходи вечерком-то, чаю попьем. Пирог пеку.

— Зайду, — протянула в ответ Милославская.

Она довольно быстро спустилась по знакомой тропинке к дороге, где принялась голосовать, пытаясь остановить машину. Почти сразу возле нее притормозила серая «девятка», и гадалка поспешила усесться на заднее

сиденье. Яна ловко юркнула внутрь салона, и автомобиль сорвался с места.

— Куда? — спросил водитель.

— В аэропорт, — ответила гадалка.

— Далековато, — присвистнув и сбавив скорость, ответил водитель.

— Пожалуйста, — протянула Милославская, — я хорошо заплачу.

Водитель тяжело вздохнул, но все же поехал быстрее.

— Вообще-то, мне совершенно в другую сторону, — оправдываясь, сказал он, косясь на Яну в зеркало.

— Понимаете, у меня очень, очень важное дело, — горячо ответила гадалка.

— По-моему, у вас всегда важные дела, — сказал ей мужчина, посмеиваясь.

Гадалка посмотрела на него удивленно.

— Я вас не раз уже подвозил. Не помните? — улыбаясь, пояснил тот.

— Нет, — растерянно ответила Милославская.

Она понимала, что слова водителя вполне могли бы быть правдой, просто гадалка, расследуя то или иное дело, была настолько поглощена своими проблемами, что редко вступала в разговор с таксистами и уж тем более смотрела на их лица. К тому же она имела привычку садиться в автомобилях на заднее сиденье, и только изредка по объективным причинам нарушала это правило.

— У вас еще собачка есть, здоровая такая, — не унимался водитель. — Сколько ей? — спросил он, и в глазах его засветилось живое любопытство.

Милославская ответила, внутренне радуясь такому отношению к своей любимице. Ей нечасто удавалось встретить таксистов, которые бы доброжелательно относились к перевозке собаки в их авто.

— Я тоже о такой мечтаю, — протянул мужчина, притормозив на светофоре, — да жена против. Аллергия у нее...

Яна промолчала и стала смотреть в окно. Она давно не была в этом районе, и ей интересно было наблюдать за так скоро изменяющимся городом. Кругом пестрели вывески новых супермаркетов, бутиков; обочины дороги украшали яркие рекламные щиты; в одном месте две новенькие десятиэтажки заменили квартал старых полуразрушенных домов. Район развивался, изменялся к лучшему, и это радовало.

Шумные улицы вскоре сменились более пустынными, а их пышность — некоторой убогостью. Начались кварталы, усеянные частными домами, домиками, домишками. Здесь были и великолепные особняки, двухэтажные, недавно отстроенные, смотрящие на мир амбициозно и тщеславно; были и скромные жилища, поросшие вокруг бурьяном, с

покосившимися заборами и прохудившимися крышами.

Вскоре мелькнула вывеска «Аэропорт», и машина повернула направо.

— Во-он, вон туда, — вытянув вперед указательный палец, указала Яна водителю. — Мне на автобусную остановку.

— На автобусную? — удивился мужчина.

— У меня там встреча, — пояснила Милославская.

— Может быть, тут выйдете? — спросил тот, — Тут дорога плохая очень...

— Как скажете, — согласилась гадалка.

Она уже видела вдалеке машину Семена Семеныча, поэтому поспешила поскорее расплатиться с таксистом. Тот удовлетворенно принял плату за проезд и тепло распрощался с гадалкой. Она же едва ли не бегом помчалась навстречу приятелю. Назначенное время уже миновало.

Три Семерки нервничал. Он вышел из машины и расхаживал из стороны в сторону, пытаясь увидеть на горизонте авто, везущее его подругу.

Яна помахала ему рукой. В ответ Руденко принял позу отца, готового высечь неблагоразумное чадо и поставил руки в бока. Потом он произнес длинную тираду, включающую нелестные для гадалки слова, но ветер отнес их в сторону, и Милославская предстала перед ним запыхавшаяся и сияющая.

— Ха-ха-ха, — тяжело дышала она, — вот и я. Опаздываю.

— Где тебя носит, е?!

— Ехала долго, — солгала Яна, не став рассказывать о своем видении. — Такси не сразу поймала...

— Ладно, хватит оправдываться, — отрезал Руденко. — Давай в машину.

Яна быстренько уселась позади друга, и вскоре они уже подкатили к аэропорту. Семену Семенычу пришлось показать свое удостоверение, зато приятелей пропустили через шлагбаум и разрешили оставить «шестерку» на служебной стоянке.

Еще раз он показал корочки на входе в терминал. Приятели вошли в огромный просторный зал, в котором было довольно прохладно, и стали глазами отыскивать Игоря.

Среди ожидающих самолета его не было. Милославскую сначала охватила какая-то тревога по поводу этого, но Три Семерки предложил пройти в кафе, где они Игоря и обнаружили.

Он сидел за стойкой бара на высоком крутящемся табурете и о чем-то разговаривал с миловидной дамой, оказавшейся впоследствии его женой.

— Игорь! — воскликнула Яна, первой увидев своего единомышленника.

Тот обернулся и стал вертеть головой по сторонам, не сразу замечая приятелей. Тогда Милославская помахала ему рукой. Жена Игоря посмотрела на нее удивленно, не сразу понимая, что происходит.

— О! — воскликнул Руденко, тоже заметив своего коллегу.

Торопливым шагом приятели тоже приблизились к бару. Три Семерки пожал Игорю руку, Милославская кивнула.

— Знакомьтесь, Ольга, — представил тот свою жену.

Яна бросила на нее оценивающий взгляд. Это была пышногрудая блондинка невысокого роста, приятной полноты, зеленоглазая, одетая по моде и со вкусом. Гадалка кивнула и ей.

— Руденко Семен Семенович, капитан милиции, Яна Борисовна Милославская, его внештатная помощница, — представил Игорь компанию своей супруге.

— Рада познакомиться, — учтиво произнесла она и вежливо улыбнулась.

— Как вам понравился наш город? — спросила Яна, чтобы поддержать разговор.

— Много интересного, — высоко подняв брови, ответила та, — но лучше всего — Набережная улица.

— Да, это райское место, — кивая, согласилась Милославская.

Мужчины выжидающе смотрели на женщин и, когда те закончили обмен любезностями, в один голос сказали:

— Что ж, займемся кейсом?

Оба они засмеялись над таким совпадением. Семен Семеныч, первым перейдя на серьезный тон, сказал:

— Пойду потребую какую-нибудь комнату для нашего занятия. Нельзя же тут...

Он тяжело зашагал и вскоре исчез за поворотом.

— Может, мартини? — предложил Игорь гадалке. — Мы с Ольгой попробовали по рюмочке. Рекомендую, великолепный.

— Да нет, я не пью на работе, — опустив глаза, ответила Милославская.

— Вам расслабиться надо, — поддержала мужа Ольга, — нельзя же все время думать только о делах! Я вот мужу и то пятьдесят грамм позволила. И сама пригубила. Ну-ка, Игорь, какие тут могут быть вопросы?!

Не слушая возражения смущенной гадалки, Игорь заказал ей рюмочку

мартини и угостил плиткой черного шоколада. Пришлось Яне подчиниться.

— Крепок! — зажмурив один глаз, констатировала она, когда попробовала мартини.

— До дна! До дна! До дна! — в один голос настаивали супруги.

После интересной экскурсии оба они были очень веселы, поэтому и слышать не хотели ни о каких Яниных отговорках.

Милославская опрокинула рюмашку и закусила кубиком шоколада.

— Я ведь тоже на работе не пью, но вы напоили меня шампанским... — тихонько шепнул ей на ухо Игорь. — Так что мы квиты!

Милославская смущенно улыбнулась и покосилась на Ольгу. Та была увлечена поеданием шоколада и на слова мужа не обратила никакого внимания.

— Идемте! — крикнул им из другого конца зала Три Семерки. — Сюда, сюда.

Яна, Игорь и Ольга встали со своих табуретов и скорым шагом направились к зовущему Семену Семенычу.

— В этот кабинет, — сказал он, открывая отпертую заранее дверь.

В кабинете находился большой кожаный диван, стол с компьютером и пара высоких черных шкафов. Войдя, Руденко вместе с кейсом плюхнулся на диван, но Игорь возразил:

— Мне на столе будет удобнее.

Три Семерки послушно передал ему кейс и снова увалился на прежнее место. Ольга присела рядом на краешек. Яна хотела понаблюдать за ходом дела, но Игорь взглядом дал ей понять, что лучше будет, если она подождет в стороне.

Милославская подошла к окну, закурила и попыталась убить время любованием из него.

Работа по открыванию кейса завершилась довольно быстро, потому что Игорь совсем недавно открывал похожий на него.

Ему не пришлось уже ломать голову, заглядывать в справочник, понадобился только опыт и умелые руки.

— Готово, — буквально через десять минут сказал он и жестом указал приятелям на распахнутый кейс.

— Боже, вы гений! — восторженно произнесла Милославская.

В глазах Ольги блеснул маленький огонек ревности.

— Я не гений, я просто специалист, — улыбаясь, сказал Игорь и отошел от кейса в сторону.

Тут приблизился расплывшийся в улыбке Руденко.

— Дай пять, — сказал он, протягивая руку.

Семен Семеныч звонко хлопнул Игоря по ладони.

— Спасибо, — проговорил он.

— О! Кажется, объявили посадку на самолет, — подняв вверх указательный палец, воскликнул Игорь.

— Да-да, — согласилась с ним жена. — Идем, надо торопиться.

— Ну... — произнес Игорь, глядя на Руденко и Милославскую, — До встречи?

Глаза его улыбались.

— Счастливо, — ответил Три Семерки, пожимая коллеге руку.

— Всего доброго, — с грустью произнесла гадалка.

Игорь обнял жену.

— Удачи вам, — сказала она, и супруги вышли из кабинета.

— Приезжайте, — крикнула вслед Милославская.

— Приедем, — не оборачиваясь, ответила Ольга.

Семен Семеныч с Яной остались наедине.

— Посмотрим, что тут, — первой сказала гадалка, обратившись к кейсу.

Руденко тоже обернулся и подошел к столу.

В этот миг дверь кабинета открылась.

— Не закончили еще? — спросила худенькая черноволосая женщина в форменной одежде, улыбаясь и сверкая рядом золотых зубов.

— Пять минут, — глядя на нее просящим взглядом и выставив вперед свою пятерню, произнес Три Семерки.

— Угу, — промычала она и скрылась за дверью.

— Бумаги, — задумчиво протянула Милославская, начиная перебирать лежащее в кейсе.

Белые листы лежали в полупрозрачной пластиковой папке, и увидеть, сколько их тут находилось, и прочитать, что в них было написано, сразу было трудно.

Яна отстегнула белую тугую кнопку и осторожно вытащила бумаги. Их оказалось немного. Всего листов десять.

— Что за ерунда?... — удивленно проговорила она, подняв первые два листа. — Тут ничего нет!

Руденко низко склонился к бумагам.

— Слушай, а может, тут как у Ленина, молоком написано? Ну, невидимые чернила? — сказал он, посмотрев на подругу.

— Сема, брось пороть чушь! — сердито ответила Милославская и стала разглядывать следующие бумаги.

Только на пятом листе приятели увидели напечатанный на компьютере

шрифт. Вся остальная бумага тоже была чистой. Оба они громко и облегченно вздохнули.

— Я уж думала шутка, — смеясь, сказала гадалка, — думаю, досадить просто хотели. Ан, нет, не зря мы все утро канителились... Ну-ка посмотрим, что тут.

Яна поднесла поближе к глазам исписанный листок и стала вслух читать напечатанный на нем текст. Чем дальше она читала, тем больше в невероятном удивлении округлялись глаза Руденко. В конце концов он присвистнул и грузно плюхнулся на стоящий возле стола крутящийся стул.

— Во дела! — почесывая подбородок, протянул он и поднял взгляд на Милославскую. — Не понял... — удивленно проговорил он. — Тебя это что, не трогает? Ты чего спокойная такая.

— Я? — очнувшись, ответила Яна. — Я не спокойная.

— Нет, ты ведешь себя как-то странно, не удивляешься даже... Ничего не понимаю!

— Ладно, вынуждена признаться, — ответила гадалка. — Многое из того, что тут написано, мне уже известно. Хотя есть, конечно, и существенно новое.

— Что-о? Как известно?! Ты окончательно меня запутала.

— Семен Семеныч, с сейчас все объясню, успокойся. Только давай договоримся: ты не спрашиваешь, откуда у меня эти сведения. Идет?

— Идет, — недовольно буркнул Три Семерки. — Валяй.

— Присядем на диван, — предложила Милославская.

Руденко пожал плечами и молча переместился. Я не спеша достала из сумочки диктофон.

— Ого! — воскликнул Семен Семеныч и закинул ногу на ногу.

Гадалка нажала кнопку воспроизведения записи, и зазвучал ее разговор с пойманным ночью охранником. Руденко слушал внимательно, покачивая ногой и хмурясь. Когда диктофон отключился, он сердито сказал, не глядя на Яну:

— Понятно откуда это. Со свидания...

— Мы же договорились!

— Я ведь не спрашиваю, откуда это, я тебе, наоборот, сообщаю... — Почему молчала? — тут же спросил Семен Семеныч.

— А когда мне было рассказывать? Сам знаешь, какая с утра у нас суматоха. Да я еще и обдумать это толком не успела.

— Так давай вместе и обдумаем, — Семен Семеныч сел повыше.

— Подожди, — сказала гадалка. — Возьми вот это, — Яна протянула приятелю диктофон. — Ты знаешь, что с этим делать. Только давшего

признание не называй и не преследуй по возможности и аппарат мой потом верни.

— Как скажешь.

— А теперь послушай, что мне кроме этого еще известно.

Милославская принялась описывать другу увиденное на мини-нефтезаводе. О том, что она лично раздобыла эти сведения, Яна умолчала, хотя Семен Семеныч наверняка и сам это понял. Руденко только удивленно покачивал головой, слушая подругу.

— Давай подведем итог, — сказал он, когда Яна закончила. — Что ты уже знала и что мы почерпнули из этих бумажек. Надо все соединить в одно. Обобщить, короче, — вид при этих словах Руденко имел очень деловой.

— Называю новое, — произнесла гадалка, — Воробьев недавно потратил крупную сумму. Теперь известно, на что. Он вложился в приобретение оборудования для своего мини-завода. Стоит оно двести тысяч долларов.

— Кругленькая сумма.

— Но и выручка хороша, согласись. Слушай далее. Почему предприятие работало нелегально. Потому что лицензия стоит несколько тысяч долларов. Гораздо проще обойтись без этой траты и купить ту, что подешевле. Так?

— Верно.

— И еще одна причина нелегальности: никому не хочется платить большие налоги.

— И еще, — вступился Руденко, — открытая торговля бензином таит в себе кучу разных неприятностей. И волокиты море...

— Согласна.

— Эх, — протянул Три Семерки, покачивая головой, — тут статьей о мошенничестве пахнет...

— И о сокрытии доходов...

— И еще пара статей...

— Ухватили мы их за жопу! — радостно воскликнул Руденко.

— Подожди торжествовать, — холодно произнесла гадалка, — надо подумать, кому это выгодно.

— Что?

— Подкидывать нам сейф с подсказкой... Мотив убийства, как я недавно решила, внутренняя конкуренция на мини-заводе. Владельцы не могли мирно делить между собой прибыль. Но тут, кажется, заварушка против них всех!

— Начинаю подумывать о внешней конкуренции, — протянул Семен Семеныч, пользуясь Яниными терминами.

— Но с кем они могли соперничать?

— Я тебя обрадую: у нас в отделе сейчас раскручивается весть о том, что в городе работают несколько нелегальных маленьких нефтепредприятий. Два это точно, а может, и все три. Так что «Парусу» было с кем враждовать.

— Они не успокоились даже после его смерти, вот что странно.

— Другие-то руководители живы!

— М-да-а... Кажется, мы близимся к развязке... — гадалка, улыбаясь, посмотрела на приятеля. — «Парус» был отнюдь не одинок и его просто хотели задавить...

В этот момент у Семена Семеныча в кармане запиликал сотовый. Руденко его приобрел совсем недавно, а потому еще не мог быстро ориентироваться в работе с телефоном.

— Где тут, черт возьми?! — закричал он, видя на определителе, что звонят его товарищи. — О! Вот! Алло! Алло! Что?... Отлично! Да, подъеду. Что? Через час? А чего так долго?... А-а-а, понятно. Ну ладно, через час, так через час. Буду.

Семен Семеныч отключил телефон и радостно сообщил Яне:

— Взяли того, кто тебе звонил.

— Что-о? — не могла поверить удаче Милославская. — Неужели?! Как здорово! Но ты должен ехать туда через час?

— Да.

— Передаю тебе содержимое кейса. Мне это не надо. И еще тот кейс заберешь, заедешь сейчас ко мне. Все в будет в твоих руках, Сема. Чтобы этого типа вы прижали по полной программе! Только вот о чем попрошу, Семен Семеныч. Когда закончите с ним все свои формальности, позвони мне, я подъеду, хочу ему в глаза посмотреть и лично побеседовать. Хорошо?

— Ладно. Ух, и кровожадная ты, Яна Борисовна! — смеясь добавил Три Семерки.

— Это же моя работа! Я клиентке должна отчитаться обо всем! Вот выплюсь как следует, приведу себя в порядок и завтра поеду к ней свеженькая, как огурчик!

— Огу-у-урчик, — снова смеясь, протянул Семен Семеныч.

— Сем, давай в кафешку заглянем, а? — умоляюще протянула Милославская, поглаживая свой живот. — Червячка заморим. Есть ужасно хочется.

— Я не против, — постукивая по большому круглому животу, на котором рубашка была натянута, как на барабане, ответил Руденко. — Я тоже голоден.

— Может быть тут прямо перекусим, в аэропорту? — спросила Яна.

— Да ну, — возразил Семен Семеныч. — На нас же будет весь персонал пялиться! Я же сказал, что мы по важному делу. Они теперь все ждут, когда мы закончим. Скажут, ничего себе, важное дело, жрать сюда приехали...

— Ну ты насмешил! — сказала Милославская, хватаясь за живот теперь уже от смеха.

— Но ведь я прав?

— Прав, прав. Поехали только куда-нибудь, не тяни время.

Яна встала. Вслед за ней и Три Семерки тяжело поднялся с дивана. Они сообща закрыли кейс. Теперь, без набранного шифра, он уже не захлопывался, что называется, насмерть и мог быть в нужный момент открыт без посторонней помощи.

Кейс, как и прежде, упаковали в пакет, и он стал практически не заметен для посторонних глаз.

— Все? — спросил Семен Семеныч Яну, стоя перед дверью.

— Все, идем, — ответила она, подкрасив губы.

Как только они вышли в коридор, к ним подлетела та самая златозубая женщина.

— Закончили? — спросила она.

— Да, спасибо, — ответила Милославская.

Женщина закрыла свой кабинет на ключ и снова удалилась, вежливо поулыбавшись на прощанье и перебросившись парой дежурных фраз с Семеном Семенычем.

Милославская с Руденко быстро дошли до его машины и вскоре мчались уже по дороге по направлению к городу.

— А вот, вот какое-то кафе! — воскликнула Яна, указывая рукой направо.

— Но мы тут не разу не были, — удивленно ответил Три Семерки, притормаживая.

— Ну и что, останавливай.

Семен Семеныч подчинился подруге и припарковал «шестерку» у обочины. Затянув потуже ремень на брюках и проверив все дверцы автомобиля, он пошел вслед за гадалкой, которая уже спускалась к кафе по крутым бетонным ступенькам.

Вообще-то Яна не очень любила такие забегаловки, особенно

находящиеся возле дорог, где, оглушаемой гулом транспорта, невозможно было толком отдохнуть и расслабиться. Однако, она вдруг испытала такое чувство голода, что решила отступить от своего старого принципа.

Заведение оказалось небольшим ресторанчиком с забавным названием «У тещи» и с высоким крыльцом, обрамленным коваными узорчатыми перилами. Ресторанчик встретил приятелей головокружительным грибным ароматом. Милославская сглотнула в миг скопившуюся слюну и уселась за столик. Рядом грузно опустился Руденко. Возле них сразу же появился вышколенный официант и протянул папку с меню. Не долго думая, Милославская остановила выбор на стейке с грибами и рисом и, прикурив сигарету, стала ожидать своего заказа.

Руденко вообще указал официанту на четыре или пять наименований в меню, чем изрядно удивил его.

— Я бы на твоём месте обошлась порцией салата и кусочком гриля, — смеясь сказала гадалка. — Ты и так растолстел.

— Это всего лишь трудовой мозоль, — отмахнулся Семен Семеныч, ответив стандартной фразой, которая всегда была у него наготове.

Вскоре овеванные легким дымком блюда появились на столике перед приятелями.

Яна всегда уважала в кулинарии изысканность, а теперь она ей показалась особенно ценной. Отварная смесь длиннозерного и дикого риса была окружена отдельно обжаренными стейками, грибами, луком и тимьяном, в которые был добавлен физалис.

Коротко поблагодарив официанта, Милославская приступила к трапезе. Помимо горячего, она заказала бокал белого сухого вина, которым и предупредила одновременно оригинальную и сытную пищу. Руденко, будучи за рулем, этого сделать не мог и только с завистью поглядывал на подругу.

Приятное тепло быстро растеклось по всему её телу, заставив зарумяниться бледные от усталости щеки гадалки. Яна с особым удовлетворением накалывала кончиками вилки золотистые лисички и аппетитные шампиньоны и, отправляя их в рот, чувствовала себя подлинным гурманом.

Милославская с удовольствием попробовала бы и филе семги с грибами под горчичным соусом, и гночки с грибами, и пирог с шампиньонами, которые были перечислены в меню, но она знала, что насытится одним блюдом, и взяла себе на заметку эти кушанья на будущее.

Когда в лице Семена Семеныча появились первые признаки сытости — румянец и легкая испарина, Яна подумала, что наступил момент, когда с

Руденко можно говорить на «запретные» темы.

— А знаешь, — вкрадчиво произнесла она. — Я ведь у карт совета спрашивала...

— И что? — не поднимая глаз и часто тыкая вилкой в свою тарелку, спросил Три Семерки.

— Они мне сказали, что во всей этой заварушке со вторым кейсом есть смысл.

— Ну и прекрасно, — ответил Руденко, — лично я и без карт это знал наверняка. Я тебе вообще посоветую не тратить больше время на всякую ерунду.

Он отреагировал на речь о гадании как всегда критически, но Яна не хотела с ним соглашаться.

— И вовсе это не ерунда, — возразила она. — Ты сам знаешь, сколько дел мы раскрыли с помощью карт.

— Совпадения, — махнув рукой и не желая признавать уже не раз доказанную истину, ответил Семен Семеныч. — Вот скажи, — спросил он, подняв наконец глаза на подругу, — разве не бывает такого, что твои карты несут абсолютную чушь?

— Ну-у-у... — протянула Яна, вспомнив об утреннем гадании, — соглашусь, бывает. Но ведь потом во всей этой чуши, как ты изволил выразиться, обнаруживается глубокий смысл. Вот, например, сегодня с утра мне привиделись какие-то бомжи... Хотя может быть и не бомжи... но они были людьми со дна, грязными, оборванными, с испитыми лицами...

— Ха-ха-ха! — во все горло расхохотался Руденко. — И в этом ты тоже полагаешь найти глубокий смысл? Ха-ха-ха... Чудачка!

Семен Семеныч снова уткнулся в свою тарелку, и гадалка больше не стала с ним спорить. Он старательно подчищал содержимое каждой поставленной перед ним миски и, казалось, ему вообще не суждено было насытиться. Но через некоторое время он все же протянул, отодвигая опустошенную посуду в сторону:

— Ну и объелся же я! Теперь еще бы и чайку с лимончиком.

Официант тут же подал заказ, о котором Семен Семеныч уведомил его заранее.

— Ты не забудь, — громко размешивая в стакане сахар, сказал Три Семерки Яне, — что мы в Лазурный на отдых собирались.

— Главное, ты не забудь, — парировала гадалка.

— Хе, я! — усмехнулся Руденко. — Ты как гонорар-то получишь, звякни. А то скажешь потом: какой еще там Лазурный...

— Сема, но ведь такого еще не бывало! — обиженно произнесла

Милославская.

— Шучу, шучу, — пробормотал он, обгладывая кусок лимона, вытащенный из чая.

Яна ничего не ответила и, достав пудреницу, стала поправлять макияж.

— Можно ехать, — заявил Три Семерки, допив свой чай и с грохотом отодвигая назад пластмассовый стул.

— Ну так едем, — ответила ему Милославская.

Прятели расплатились с официантом и, не разговаривая друг с другом, направились к машине. Яна рисовала себе в воображении желанную встречу с постелью, а Семен Семеныч — картины расправы над пойманным преступником.

ГЛАВА 19

Переступив порог своего дома, гадалка поспешила накормить и напоить Джемму, с которой она, как обычно, перебросилась парой любовных фраз. Затем Яна приняла душ и отправилась в спальню, чтобы придаться наконец сну, о котором она весь день мечтала.

Милославская положила телефон поближе к кровати, потом задернула шторы, и в комнате стало почти совсем темно. Эта обстановка так и манила упасть в постель. Но гадалка еще немного задержалась: она затворила форточку, чтобы посторонние звуки не мешали ее отдыху. В доме было довольно прохладно, поэтому закрытое окно не сделало атмосферу в спальне менее комфортной.

Шелковая простыня, мягкая высокая подушка... Наконец-то! Яна легла на живот, распластала руки, одну ногу поджала почти к самой груди. Эта поза у Милославской была самой излюбленной. Закрыв глаза, гадалка с наслаждением вздохнула, и блаженная улыбка застыла у нее на устах.

Однако шли минуты, а сон все не приходил. Яна невольно прокручивала в голове минувшие события, невольно радовалась им, и предвкушение скорой победы ее возбуждало. Нервы прыгали в веселом танце, раззадоривая Милославскую.

Несколько раз она отгоняла от себя «дурные» мысли, пытаясь начать думать о чем-нибудь другом, но сознание невольно возвращало ее к прежним соображениям. Так, пытаясь представить себе планы на завтра, Яна представила и завтрашнюю встречу с Людмилой. Она стала складывать в связный текст все, что должна была рассказать клиентке, и опять вернулась к начальному этапу.

Рассердившись, Милославская во всем обвинила сытный ужин, сменила позу и занялась аутотренингом, к которому она нередко в таких ситуациях прибегала. Это помогало ей справиться с собой и привести организм или настроение в норму за довольно короткий отрезок времени. Помогло и на это раз. И даже сумбурные сны отступили, уступив место безобидным и бессмысленным картинкам.

Руденко тем временем не дремал и все свои (и не только) силы вкладывал в раскручивание начатого дела. В первую очередь он устроил арестованному так называемый допрос с пристрастием, после которого редко кто не заговаривал. Заговорил и этот.

Дальше Три Семерки осуществил еще ряд необходимых и довольно

разумных мер, позволивших ему поставить в этом этапе расследования точку. Посмотрев на часы, он решил, что позвонит Милославской позже. Семен Семеныч просто пожалел ее, понимая, что она не менее получаса перед отдыхом потратила на дамские «туалеты» и выспаться еще навряд ли успела.

Он отправился в буфет, где купил любимый портвейн «Три Семерки», и выпил залпом стограммовую рюмку. Следом — еще одну. Он закусил их жирным сплюснутым беляшом, который долго разжевывал, одновременно подыскивая оправдания своему поступку. Оправдания, как всегда, нашлись, а потому Руденко, поглотив еще в соседнем кабинете у коллег над рассказанными свеженькими анекдотами, в свою «берлогу» вернулся с чистой совестью и в приподнятом настроении.

Как только он затворил за собой дверь и плюхнулся в старое потертое вертящееся кресло, на столе зазвонил телефон.

— Алло, — протяжно и лениво проговорил Семен Семеныч, вытаскивая языком из зубов остатки «деликатесного» беляша..

На том конце провода говорил его шеф. Три Семерки сразу весь подтянулся. Голос его приобрел твердость, а взгляд ясность.

— Да, Сергей Петрович. Да. Но... ведь почти конец рабочего дня, Сергей Петрович... Понимаю, что ненормированный, Сергей Петрович. Да... но я сейчас очень погружен в другое... Понимаю, Сергей Петрович, что работы много. Да. Да. Слушаюсь, Сергей Петрович.

В финале разговора голос Руденко звучал уже не так оптимистически. Он обозвал шефа собакой и отшвырнул от себя телефон.

— У людей и так работы море, — возмущенно воскликнул он, размахивая руками, — а тут еще каких-то проходимцев подсовывают! Как будто я... Как будто я... Как будто я последний человек в отделе! — Три Семерки хлопнул обеими руками по краю стола. — Как будто молокососов для такой работы не хватает!.. Нашел крайнего! Чуть что, Руденко! Семен Семеныч туда, Семен Семеныч сюда, — коверкая голос, протянул он разгневанно. — Привыкли, блин. Да это... да это оскорбительно, в конце концов! Мне, с моими капитанскими погонами таким заниматься! Чтоб ты провалился, собака! — крикнул Три Семерки в заключение и встал со своего места.

Дверь в кабинет в этот момент открылась, и вошел один из сотрудников, чином чуть младше Руденко.

— Чего шумишь? — по-дружески спросил он, улыбаясь.

— Да беспредел один творится! — утирая потный лоб, ответил Семен Семеныч. — Проходимцы какие-то в обч-чественном месте, видите ли,

подрались, — карикатурно проговорил Три Семерки. — Разбирайся теперь с ними. Вот скажи, Вася, почему я, а? — Руденко поднял на товарища полный искреннего недоумения взгляд.

— Потому что ты пьяный! — тихонько протянул тот и загоготал.

— Чи-и-иво?

— Того, того, — кивая, ответил Семену Семенычу коллега.

— И вовсе не пьяный я. Ну, подумаешь, рюмашку опрокинул... Не имею права, что ли, в конце рабочего дня! И вообще причем тут это?

— Шеф пьяных не любит...

— Он чего, через трубку что ли нюхает?!

— Может, и так, — Вася снова загоготал.

Он был очень высокий и худой и очень смахивал со своей длинной шеей на гусака.

— Нет, мне обидно, — перебил его Три Семерки. — Ладно бы какое дело крупное... А то... — Руденко махнул рукой.

Вася подумал, что не один Семен Семеныч крупных дел достоин, и не одному ему, Васе, дерьмом заниматься, но вслух ничего не сказал, предложив только старшему по чину свою помощь, втайне рассчитывая получить от Руденко потом какую-нибудь поблажку.

— Ладно, останься, — махнув рукой, сказал ему Три Семерки и сам себе проговорил: — Надо Янке позвонить, пусть приедет, раз хотела, а то возня с этими идиотами не знаю на сколько затянется, потом уж поздно будет.

Он снял трубку и набрал знакомый номер. Милославская все еще нежилась в постели. Услышав звонок, она протянула руку и, не открывая сонных глаз, сняла трубку.

— Яна, это Семен, — грустно сказал ей Руденко. — Если хочешь, приезжай сейчас. Правда, мне тебя нечем обрадовать...

— В чем дело? — испуганно спросила гадалка, сразу отрезвев ото сна.

— Это не телефонный разговор, — ответил Семен Семеныч, покосившись на Васю.

— Хорошо, приеду, — сказала Милославская.

Слова приятеля всерьез встревожили ее. Она пыталась понять, что они могли значить, но ничего путного не приходило в голову. Яна поднялась с постели, ополоснула лицо холодной водой и поспешила собраться на встречу с Руденко.

Она была готова уже через пятнадцать минут, и, не задерживаясь, покинула свое жилище.

Спускаясь по тропинке, гадалка услышала позади себя автомобильный

сигнал. Оглянувшись, она увидела одного из соседей, который ехал куда-то на своем стареньком «Москвиче», и улыбался ей, выглядывая в окошко. Сосед жил на самом верху улицы, домов через семь от Яны. Он был уже совсем старик, но тип интеллигентный, к тому же интересный собеседник, и Яна, прогуливая Джемму, никогда не отказывалась поболтать с ним.

Вероятно, ожидая и на этот раз найти в лице Милославской слушательницу каких-нибудь забавных историй, он спросил:

— Куда спешишь?

— По важному делу, — серьезно ответила гадалка.

— О-о-о, — протянул сосед, — туда всегда успеешь, давай погутаим лучше. Я вот к сыну еду, у меня внук очередной родился.

— Поздравляю, — ответила Яна.

Она все так же продолжала идти, а старик все так же, медленно, ехал за ней.

— Только мне сейчас некогда разговаривать, — продолжила Милославская, — извините, я очень, очень спешу.

— В какую сторону?

Гадалка рукой указала направление и назвала улицу.

— О! — воскликнул сосед. — Так я подвезу!

Он притормозил и пригласил Яну в салон. Она расплылась в радостной улыбке, потому что такое счастливое совпадение значительно сокращало время на дорогу. Правда, старик, весь путь балагурил, рассказал, как назовут внука, на кого он похож, сколько весит и какого роста, какого цвета у него волосы и какие глаза, и что уже для него куплено, а потом перешел на другие темы, ловко связывая одну с другой.

Поэтому попереживать гадалке о причине руденковской грусти не удалось. Она то и дело хохотала над соседскими байками, отвлекаясь от своих проблем.

— Тут добежишь, — наконец сказал он, — а мне сейчас направо.

До отдела Семена Семеныча оставалось не менее квартала, но Милославская и этому была рада. Она от души поблагодарила старика, пообещав в скором времени пригласить его на чай, и заспешила в заданном направлении.

Оставшийся отрезок пути Яна преодолела быстро, потому что шла очень торопливо, едва ли не бегом. Вид у нее был тревожный, и некоторые прохожие невольно рисовали в воображении причины беспокойства этой незнакомки. Женщины преимущественно думали о семейных дразгах, мужчины — о неполадках в работе.

Наконец показалось знакомое крыльцо. Вот Яна уже поднялась по его

ступенькам, вот открыла дверь, вот уже семенит по коридорам, пройдя через дежурного, которому велено было ее пропустить. И вот перед ней Три Семерки, раскрасневшийся и ужасно сердитый.

Когда гадалка открыла дверь, он резко повернул голову и злобно посмотрел на нее. Протянул:

— А-а-а, ты, заходи, присаживайся. Хотя... Вася, ты сам пока поговори тут, я покурить выйду.

Вася подобострастно кивнул и приступил к делу.

— Кто это у тебя? — спросила Милославская, оказавшись снова по обратную сторону двери.

— А, — Семен Семеныч, скривив рот, махнул рукой. — Полубродяги...

Руденко поморщился и, чиркнув спичкой, прикурил сигарету.

— Недаром мне бомжи снились, — засмеявшись тихонько, сказала Яна.

Три Семерки пропустил ее шутку мимо ушей, потому что у него на душе и без этого было тошно.

— Рассказывай, — вздохнув, произнесла гадалка.

— Присядем, — Семен Семеныч кивнул на ряд желтых деревянных стульев с откидными сиденьями.

В коридоре почти никого не было и можно было разговаривать вслух.

— Ну что там у тебя? — спросила Милославская, расправляя юбку.

— Ерунда одна. Этот, которого поймали, оказался мелкой сошкой. Выполнял поручение свыше...

— Ну мало ли! Главное — он убийца! — воскликнула Яна.

— Да никакой он не убийца! В том-то и дело! И его начальники не убийцы, скорее всего...

— Ничего не понимаю, — удивленно покачивая головой, прошептала гадалка.

— Тут и понимать нечего, — сказал Семен Семеныч. — Как ты и предполагала, существовала внешняя конкуренция.

Становление «Паруса» стало угрожать другим, и его решили устранить, только не методом убийства Воробья, а способом нам с тобой известным. То есть сдали конкурента, причем поставящего низкокачественный бензин, органам...

— Ну это же глупо! Способ-то какой-то непопулярный...

— Чего ж поделаешь, если господа своего подчиненного переоценили. Ему хорошо заплатили, а он решил не мучаться долго, придумав свой «чудодейственный» способ. Понимаешь, многие думают, что в ментовке

работают одни ослы, в то время как сами они полные кретины.

— И что дальше? — Яна подняла на друга полные надежды глаза.

— Дальше? Будем привлекать к ответственности и «Парус», и его конкурентов. За нелегальный оборот нефтепродуктов.

— Но, может быть, этот тип просто все скрывает? — не желая отступать, настойчиво произнесла Милославская.

— Яна, ради бога! Он не только идиот, но и трус! Раскололся почти сразу... Даже слезу пустил. Это они только перед бабами все крутые, а тут и в штаны наложить могут...

Гадалка отвела глаза.

— Но можно мне с ним поговорить? — осторожно спросила она.

— Ты что мне не доверяешь? — с усмешкой спросил Семен Семеныч.

— Доверяю. Но...

— Ладно, поговори, — не дав ей закончить и махнув рукой, сказал Три Семерки. — Только не жаль ли тебе напрасной траты времени? — снова усмехнувшись, спросил он.

Яна ничего не ответила и ждала только, когда Руденко исполнит свое обещание.

— Я тебе сейчас соседний кабинет открою, там свободно, и его приведу. Только не лютуй! — погрозив пальцем, пошутил Семен Семеныч.

Он улыбался, но глаза у него были очень грустные. Видимо, последнее указание шефа всерьез ударило по капитанским амбициям.

— Идем, — сказал Три Семерки и привстал.

Он достал увесистую связку ключей и, выбрав один из них, принялся открывать для Яны соседний кабинет. В уголке губ зажав сигарету, Три Семерки процедил:

— У меня там еще помощник есть, а тебе я Васю пришлю.

— Не надо.

— Как не надо, он трус, трус, а по башке даст, мало не покажется, — не послушав подругу, ответил Руденко.

Яна не стала спорить и вошла в душный, прокуренный, как и все, маленький кабинет с традиционным старым полированным столом и парой стульев с качающимися ножками. Интерьер кабинетов в этом милицейском отделе ей был уже до боли знаком.

— Присаживайся и жди, — сказал Семен Семеныч, — сейчас приведу.

Гадалка кивнула и, закурив, стала ожидать прибытия узника. Когда дверь неожиданно раскрылась, она вздрогнула, но это был всего лишь Вася. Пригнув голову, он вошел в дверной проем и поздоровался. Улыбнувшись, спросил:

— Надеетесь из него еще что-нибудь выудить?

Милославская пожалала плечами.

— Зря. Он нам всю свою душу тут выплакал. Даже пинка отвесить не дал... — Вася зашелся идиотским смехом.

Яна ничего не ответила на эту шутку. Он еще что-то говорил, но она не слушала, глядя в окно и думая о предстоящей встрече.

Вскоре на пороге появился Семен Семеныч с плененным недавним подозреваемым в убийстве. Тот был весь помятый, уставший и, похоже, в обмен на спокойствие согласный на что угодно. Видно, он, как и Милославская, не спал всю ночь, и это, в приложение к слабому характеру, облегчило работу следователям.

— Здравствуйте, — учтиво произнесла гадалка.

Тот поднял удивленный взгляд, потом устало, но четко отрапортовал:

— Мальков Станислав Станиславович, 1970 года рождения....

— Дальше не надо, Станислав, — прервала Милославская, подумав, что его довольно быстро успели выдрессировать и допрашивали, видно, не один раз.

Руденко, глядя на Васю, сказал:

— Когда закончит, отведешь. Я у себя.

Василий послушно кивнул и пододвинул свой стул к арестанту.

— Нет-нет, я попрошу вас остаться на месте, — остановила его гадалка, — я побеседую с ним сама.

Станислав смотрел на происходящее с полным непониманием того, чего от него в довершение всего еще хотят. Волосы его были нечесаны и торчали кверху, и он совершенно не походил на того симпатичного человека, которого Яна совсем недавно видела на фотографии.

— Курите? — спросила гадалка, протягивая ему свою пачку сигарет.

Тот сначала посмотрел недоверчиво, а потом, кивнув, взял одну и сказал Милославской сквозь зубы спасибо. Яна дождалась когда он прикурит, предложив еще и свою зажигалку, а потом начала методично его допрашивать. Она была очень спокойна и, даже когда Станислав откровенно дерзил, вела себя сдержанно.

Вася, наблюдая за происходящим, порывался раза два отвесить допрашиваемому подзатыльник, возмущаясь тем, что тот так осмелел перед дамой. Однако гадалка всякий раз вовремя останавливала его, напоминая о неправомерности таких действий и говоря, что против хамства можно принять и другие меры. Она начинала давить на подозреваемого морально, что, действительно, способно сломать человека.

Минут через двадцать пустых пререканий Станислав наконец

заговорил, понимая, наверное, что просто так Милославская от него не отстанет. Однако он ничем ее не обрадовал, вернее, Яна не услышала от подозреваемого того, что хотела. Ни о какой причастности к убийству самого Станислава или его приближенных тут и речи не шло.

Гадалка даже пошла на хитрость: сказала, что нашла свидетелей его причастности, которые согласны даже на очную ставку и ждут в соседнем кабинете, и что у милиции есть запись их показаний. Но Станислав начал так протестовать, что стало ясно: Руденко в своих выводах был все же прав.

Отпустила подозреваемого Милославская с серьезным видом, не давая ему понять, что для себя она уже поставила все точки над и в этом разговоре. В довершение она все же пообещала Станиславу очную ставку и еще серию допросов. Тот что-то возмущенно кричал в ответ, уводимый в свою камеру всерьез рассерженным Васей.

— Можно? — спросила Яна, входя в кабинет к Семену Семенычу после непродолжительного стука.

— А, ты, заходи, — хмуро ответил он.

Гадалка втянула ноздрями воздух в его кабинете и брезгливо поморщилась. Grimаса отвращения невольно исказила ее лицо. В комнате стоял жуткий запах. Когда Милославская заметила наконец напротив приятеля мужчину, вид которого просто кричал о том, что он человек опустившийся, она поняла источник «аромата».

— Присаживайся, — сказал Три Семерки, указав Яне на стул.

Она бы и рада была отсюда побыстрее убраться, но ей надо было перекинуться с Руденко парой слов. Можно было бы, конечно, и в коридоре переждать, но в душе у гадалки возникло необыкновенное любопытство в отношении сидящего перед ее другом человека. Это любопытство было настолько сильно, что Яна назвала бы его даже интуитивным позывом.

Она присела на указанный Семеном Семенычем стул и настроилась следить за происходящим разговором.

— Ну? — потирая усы, спросил Руденко. — Я тебя спрашиваю!

Видимо, он продолжал уже начатую тираду.

— Я же сказал, не помню, пьяный был, — неразборчиво пробормотал допрашиваемый им.

— Тебе память освежить что ли? — заорал Три Семерки так, что, казалось, стекла в кабинете задрожали. — Отвечай, когда с тобой капитан милиции разговаривает!

Семен Семеныч весь пошел белыми пятнами и покрылся испариной. Вскочив и стукнув по столу кулаком, он снова сел на свое место и, достав носовой платок, принялся утирать лицо.

— Воняет от тебя, как от собаки, — слезливо пробормотал он при этом, а потом вдруг снова заорал: — Отравиться ж можно! Ты когда последний раз мылся, а?!

Его собеседник молчал, понурился.

— Так, — пряча в карман свой платок и перейдя вдруг на спокойный тон, произнес Руденко, — давай все сначала: как все было. Но учти: это последний мой с тобой разговор.

Будешь упираться — один за все ответишь. Там, куда тебя потом отправят, сладко не покажется, обещаю...

— Пошли мы с...

— Ну, с кем?! — сердито уточнил Руденко.

— С Глобусом, — тихо добавил его собеседник.

— Так, хорошо, — удовлетворенно и с заметным облегчением произнес Семен Семеныч, делая записи в протоколе. — Глобус — это кто? — спросил он, не поднимая глаз.

— Знакомый один, он только из зоны вышел...

— Понятно, и ты его очень боишься, — кинув ручку на стол и облокотившись на спинку стула, протянул Три Семерки.

Допрашиваемый промолчал. Руденко снова взял ручку и потребовал:

— Дальше, Гудков, дальше.

— Пошли мы с Глобусом в комок за...

— За чем?

— За «Анапой».

— Ну?

— Я полез в карман за бабками, а их там нет.

— И?

— Я на него накинулся, говорю, только ты мог хапнуть.

Потому что мы у него дома были, пили самогон, я отключился, в кармане были деньги. Когда проснулся, мы сразу пошли в магазин. Денег не оказалось... В квартире, кроме нас, никого не было... — Гудков замолчал и принялся чесать шею.

— Хватит чесаться тут! — воскликнул Руденко. — Дальше давай рассказывай.

— А чего рассказывать, он мне и вдарил промеж глаз! Я перевалился через прилавок, бутылки с витрин полетели. Продавец в другом отделе была, толком ничего не видела, Глобус свалил сразу, а меня взяли, стали орать, что я грабитель. Украсть, мол, водку хотел...

— Вот это уже другое дело! — довольный, воскликнул Три Семерки, продолжая дописывать протокол. — А то что за чушь! Голова закружилась,

упал... Я тебя так закружу, рад не будешь.

Семен Семеныч черкнул еще пару строк и с удовлетворением поставил последнюю точку.

— На, — сказал он, протягивая листок Гудкову, — пиши внизу: мною прочитано и с моих слов записано верно. Распишись. И с обратной стороны, где галочка, то же самое.

Гудков не читая, коряво написал, что от него требовалось, и боязливо подняв глаза, спросил:

— Ну я пойду?

— Куда это ты пойдешь? Подожди-и, — покачивая головой, протянул Три Семерки.

Отпустить арестанта ему явно не хотелось.

— Тебе и твоему другу будет предъявлено обвинение в хулиганстве. Придется магазину ущерб за битый товар возместить...

Гудков молчал.

— Ну ладно, — зевая, протянул Руденко и бесцельно выдвинул один из ящиков своего стола.

Он посмотрел туда хмуро, порылся немного и вдруг выразительно произнес:

— О!

Милославская и Гудков сразу обратили свои взоры на Семена Семеныча.

Тот вытащил из ящика какую-то фотографию и, не глядя на собеседника, продемонстрировал ее ему, спросив:

— Не знаешь такую?

— Н-нет, не видел. Никогда не видел, — торопливо проговорил тот.

Семен Семеныч, все также на глядя на Гудкова, сунул фотографию назад и продолжал рыться в своем ящике.

— Чего тут только нет, — бормотал он при этом, — кто бы тут порядок навел...

Скомкав пару бумажек, он кинул их в стоящую в углу пластиковую мусорницу и, подняв глаза на арестанта, сказал:

— Ладно, иди. И не вздумай никуда смыться, чтоб не искали тебя по подвалам...

Гудков коротко угукнул и поспешил убраться из кабинета.

— Вот, Яна Борисовна, — удрученно протянул Три Семерки, — видишь, каким дерьмом приходится заниматься. Тут такое дело, а он мне вот этих придурков еще сует. Когда мне с ними разбираться?!

— Ладно тебе, Сема, — ответила Милославская, — ты во всем

разобрался, и это уже позади, успокойся и не трепи сам себе нервы.

— Директор этого магазина, видишь ли, товарищ нашего шефа! — пафосно протянул Руденко.

— Ну и черт бы с ним! Все позади, Семен Семеныч, все уже. Давай лучше о наболевшем.

— Да-а-а, — согласился Три Семерки, — оно на самом деле наболело. Чего теперь делать-то будем, а?

— Меня по-прежнему не оставляет мысль о внутренней конкуренции, — серьезно сказала гадалка. — Вы ведь будете теперь «Парус» наизнанку выворачивать, вот и уделите этой версии пристальное внимание. В конце концов у нас запись показаний свидетеля на диктофоне есть, а это уже что-то.

— Пожалуй, эта версия — теперь единственная, — согласился Руденко.

— Думаю, ее проверка и поставит точку в этом деле. Нужно взять под арест всех руководителей и сравнить их друг с другом, они тут такое тебе расскажут! Каждый будет за спасение своей шкуры и кожи вон лезть!

— Хорошая мысль, Яна. Я лично этим займусь.

— А я помогу.

— Боюсь, что уже не сегодня. Ты поезжай домой, отдохни. Я пока без тебя справлюсь. Осведомителей подключу. Надо еще в несколько мест успеть. А ты с утра приходи. Думаю, работенка найдется...

— Но может быть, я вместе с тобой и прямо сейчас к «Парусу»?

— Нет, Яна, захват таких объектов — зрелище не для женских глаз...

— Да я уже такого насмотрелась...

— И все же. Поезжай домой, поезжай.

— Ну, как скажешь, — несколько обиженно произнесла Милославская. — Только ничего важного без меня!

— До встречи? — сказала она после нескольких секунд молчания, протягивая руку Руденко.

Тот молча пожал ее и что-то неразборчивое пробормотал себе под нос.

Яна вышла из кабинета, миновала несколько коридоров и вскоре уже была на улице. Поймав тут же, возле отдела, такси, она отправилась к себе домой.

ГЛАВА 20

Придя домой, гадалка полюбезничала немного с Джеммой, которую тут же выпустила во двор, сварила себе кофе и уселась с чашкой и сигаретой возле форточки, откуда задувал на кухню свежий ветерок.

Конечно, она не могла не думать о своем расследовании. Яна была почти уверена, что оно подходит к концу и что названная ею версия и пути поиска убийцы среди руководителей «Паруса» — и есть начало успеха. Поэтому в душе у Милославской было относительно спокойно. Хотелось только, чтобы побыстрее наступило утро, чтобы можно было мчаться наконец назад в отдел к Руденко и принимать самое непосредственное участие в развязке дела, а потом отправиться к клиентке и рассказывать ей обо всем.

Мысленно она представляла себе лицо преступника, искаженное злобой, представляла, как его возьмут самые ловкие и умелые из оперов, как под давлением Руденко и ее, Яны Милославской, он все же во всем сознается. Какое-то внутренне торжество овладевало гадалкой в эти минуты.

Она даже стала строить планы на ближайшее будущее: надо будет дом и двор привести в порядок, поехать с Семеном Семенычем отдыхать к Лазурному, навестить подруг, родственников, привести себя в порядок и многое-многое другое.

Выпив так две чашки, Яна ополоснула бокал и пошла переодеться. Юркнув в легкий спортивный костюм, она с ногами забралась в кресло и включила телевизор. Шли как раз криминальные новости. Смотреть их Милославская любила, потому что они, хотя и несли одну негативную информацию, обогащали ее опыт. Будь она простой домохозяйкой, ни за что не позволила бы себе омрачать жизнь просмотром таких сюжетов. А тут — работа, никуда не денешься...

Гадалка покупала также множество журналов и газет, пишущих на криминальные темы. Из них она подчёрпывала множество интересной для себя информации, которая нередко не только повышала уровень ее осведомленности, но и помогала в раскрытии дел.

«Новости» закончились и началась очередная мыльная опера. Яна не стала переключать телевизор на другой канал, потому что мысли поглотили ее. Милославская задумалась о своем последнем гадании, открывшем ей кучку людей со дна. К чему они могли привидеться, Яна не понимала, но

какой-то смысл в их явлении все же должен был быть.

Тут же она вспомнила о последнем допросе, который проводил Руденко и подумала, что видение как-то могло быть связано с этим делом. Все же Яна подруга Семена Семеныча, и карты тоже захотели оказать ему помощь... Только какую?

Гадалка прокрутила в голове эпизод, при котором она присутствовала. Грязное, отекающее лицо Гудкова всплыло в ее памяти. Яна вспомнила все, что он говорил. Вспомнила и фотографию, которую показал на допросе Три Семерки.

Конечно, он показал ее так, между делом. Но снимок едва ли был случайным. Вероятно, девица, на нем запечатленная, находилась в розыске в связи с каким-нибудь преступлением.

То дело, наверное, перешло в категорию «висяков», потому что Семен Семеныч показывал фото с лентой, не надеясь услышать от Гудкова положительного ответа. Но... стоп! Не слишком ли странно Гудков отреагировал на фотографию?... А ведь Руденко этого и не заметил! Руденко, но не Яна!

Поведение допрашиваемого в тот момент показалось ей очень странным, но гадалка тогда была полна дум об ином, и Гудков со всей его историей показался Милославской сущим пустяком. Как он вытянулся весь, увидев лицо на снимке, даже побледнел, отвернулся в сторону, заикнулся, отвечая. Нет, нет, тут дело нечисто. Эх, Семен Семеныч, не в подходящий момент ты порядок в ящике стал наводить!

Поразмышляв таким образом, Яна решила с утра поведать приятелю о своих наблюдениях и даже предложить ему свою помощь в новом расследовании.

Больше отягощать свой разум подобными мыслями она не стала и, приняв душ, отправилась в спальню, чтобы отойти ко сну пораньше, получше выспаться и с утра приступить к делу бодрой и полной сил.

* * *

— Ох, Яна, — вздохнув, произнес Три Семерки, встретив с утра подругу у входа в отдел, — это дело все больше и больше заводит меня в тупик.

— В чем дело? — встревоженно спросила гадалка. — У тебя, Сема, такой нездоровый вид... Ты что, опять не спал всю ночь?

— Спал немного.

— В чем дело?

— Я домой вернулся далеко за полночь. Мне позвонили насчет «Паруса». Пришлось ехать.

Милославская смотрела на друга в тревожном ожидании новостей. Он прикурил и невесело протянул:

— Порадовать мне тебя нечем. Похоже, что версия насчет внутренней конкуренции тоже отпадает... Они там грызлись, это так, но до мыслей об убийстве дело, похоже, не дошло.

— Как?! — ахнула, побледнев, гадалка.

— Ты подожди в обморок-то падать, — сказал Руденко, — сейчас идет допрос, может еще всплывет что-то. Хотя я мало на это надеюсь.

— Надо надеяться, Сема! — оптимистично заявила Милославская. — Какая же жизнь без надежды?!

Гадалка подумала: «Почему же тогда карты сказали, что в расследовании вокруг „Паруса“ есть смысл? Неужели обманули? Нет... Такого не может быть! Или все-таки что-то всплывет, или... „Да-Нет“ просто хотела вывести на чистую воду мошенников. Да, смысл в этом расследовании все равно есть! Ведь такие махинации уже раскрыты!»

— Надо надеяться! — снова повторила она.

— Ну тогда будем ждать, — устало проговорил Три Семерки, — Мне еще и позвонить должны. Меня пока отпустили на завтрак. Идем со мной в буфет?

— Идем, — ответила Яна, кивнув.

Семен Семеныч, успев уже проголодаться после жениных пирогов, взял себе порциюпельменей и стакан чаю. Яна ничего не заказывала, потому что довольно плотно позавтракала дома.

Прятели сели друг против друга за продолговатый деревянный стол.

— Слушай, Сема, — начала гадалка, когда Три Семерки приступил к трапезе. — У меня кое-какие соображения насчет твоего вчерашнего допроса.

Руденко поднял на нее удивленный взгляд.

— Яна, ради бога, — поморщившись, протянул он, — мне это вот где, — Три Семерки провел ребром ладони по шее.

— Нет, ты послушай, — вдохновенно произнесла Милославская и поведала другу свои мысли насчет допроса Гудкова.

Семен Семеныч первые секунды слушал с подчеркнутым невниманием, но потом отложил ложку в сторону и насторожился.

— Что, на самом деле так? — наконец спросил он. — Он так переменялся в лице?

— Ну да, так и было! — убежденно ответила Яна. — Я просто сначала значения ничему этому не придавала, а дома, в более спокойной обстановке, решила, что ты должен обратить на это внимание.

— Трудно совмещать крупное дело с этой мышинной возней! — поморщившись, сказал Три Семерки. — Но, видно, придется. Ты об этом вовремя вспомнила, потому что Гудков сейчас здесь. Взяли его приятеля, Глобуса. Тот насчет драки дает совершенно другие показания. Разбираемся...

— Здорово! — воскликнула гадалка. — Давай поговорим с Гудковым.

— Давай, — ответил Руденко, посмотрев на часы.

Он быстро расправился с пельменями, залпом выпил остывший мутноватый чай и поднялся из-за стола.

— Пойдем, — сказал он и провел Милославскую в свой кабинет, куда вскоре доставили по приказу Семена Семеныча и Гудкова.

Как только тот присел на указанный ему стул, Три Семерки достал из ящичка ту самую фотографию и положил ее на стол перед Гудковым, хлопнув ладонью по снимку.

— Знакома тебе эта особа? — напористо произнес он.

— Я же еще вчера сказал, что нет, — промямлил тот, не глядя на фото.

— Посмотри внимательней! — прикрикнул Руденко.

Гудков покосился на изображение дамы.

— Не знаю, не видел, — пронудел он.

— А она вас знает! — неожиданно вставила гадалка. — Когда милиции с ней пришлось столкнуться, она ваше имя назвала...

— Не знаю я ее, — упрямылся Гудков.

— Хорошо, — сказал Руденко, — мало того, что ты за разбитые бутылки платить будешь, еще и по ее делу под суд пойдешь! И в камеру к педикам сядешь! Согласен быть козлом отпущения? Так прямо сейчас и Глобуса отпустим...

— Пусть Глобус платит! — возмущенно воскликнул полубродяга.

— Э, нет, так не пойдет, — покачивая головой, сказал Три Семерки. — Ты все возьмешь на себя!

— Признайтесь, — снова вступила в разговор Милославская, — вы знаете эту женщину. Все заметили, как вы изменились в лице при виде ее фото еще вчера. Неужели вам хочется отвечать за все одному?

— Оставь его, Яна Борисовна, закроем его сейчас с голубыми, а завтра поговорим с этой новорожденной девочкой... — махнув рукой, сурово проговорил Руденко. — Последний раз спрашиваю, — прогремел он, посмотрев искоса на Гудкова, — знаешь?

— Знал, — вдруг отрезал тот.
Приподнявшийся было с места Три Семерки с грохотом упал на стул.
— Мы вас слушаем, — строго проговорила гадалка.
— Она тоже входила в нашу компанию...
— В какую? Конкретнее, — допрос взяла на себя Яна.
— Мы занимались сбором цветмета, — нехотя ответил Гудков.
— Кто был главный в вашей компании?
Допрашиваемый молчал.
— Кто? — прикрикнул на него Руденко.
— Муха, — зло ответил тот.
— Этот уголовник? — удивленно произнесла Милославская. — Я много о нем слышала! — сказала она, посмотрев на Руденко.
— Что-то он последнее время притих, — подозрительно проговорил Три Семерки. — Скрылся куда или... — спросил он, глянув на Гудкова.
Тот молчал.
— Муха верховодил вами и забирал большую часть прибыли от сбора металла? — предположила гадалка.
Арестант молча отвернулся, но было видно, что Яна права.
— Муха — жестокий человек, — вставил Руденко. — Лидер по натуре, дерзкий и наглый, способен подчинять себе. Маленький ростом, но дерется, как зверь. За это его и боятся.
— Он бил вас? — спросила Милославская, выслушав друга. — Гудков, я к вам обращаюсь.
— Меня нет, — не глядя, ответил тот, — а вот этой, — он кивнул на фотографию, — однажды досталось.
— Поподробнее, — произнесла Яна.
— А что тут рассказывать, — пробормотал Гудков, заерзав на стуле и начал грызть ногти, — она однажды просадила в игровых автоматах то, что должна была ему отдать, он ей и сломал пару ребер.
— Признайтесь, — вдруг нервно и звонко вскрикнула гадалка, — вы ему отомстили! Вы не оставили это так, да?! Вы постояли за нее?!
Напор Милославской был так силен, что даже Три Семерки удивился. Яна, пожалуй, никогда так не кричала. Она покраснелась, черные глаза ее горели, и под этим взглядом трудно было сохранять самообладание. Гудков стал производить навязчивые движения: подергивать плечом, часто моргать.
— Ну?! — снова прикрикнул на него Семен Семеныч.
— Отомстили, — тихо процедил арестант. — Мы впервые взбунтовались и стали требовать денег на лечение Али.

— А он, конечно, не дал, — Яна памятником возвысилась над Гудковым.

— Он рассмеялся нам в лицо, — зло проговорил тот.

— И вы его прикончили! — выпалила гадалка.

— Я не убивал! — слезливо протянул допрашиваемый, прикрываясь руками, как от удара.

— Если не ты, то кто?! — хором воскликнули приятели.

— Все били, били ногами, повалив. А Алька ножом, раз, раз! — Гудков зарыдал.

Руденко звучно хлопнул ладонью по столу.

— Есть! — воскликнул он. — Где труп? Труп где? — закричал он, склонившись к задержанному. — Покажешь?

— Покажу-у, — всхлипнув, сказал тот.

— Где эта Алька знаешь?

— Знаю-ю-ю...

— Покажешь?

— Покажу-у...

— Едем, — кивнув Милославской, сказал Семен Семеныч.

Три Семерки пригласил с собой еще двоих сотрудников, которые разместились в машине Руденко по обеим сторонам от Гудкова. Яне пришлось сесть впереди. «Не зря, не зря мне Джокер это видение подарил,» — думала она, пристегиваясь ремнем безопасности.

— Семен Семеныч, — сказал один из оперов, когда автомобиль отъехал, — по твоему вопросу полный пролет.

— Слышала, Яна, — обратился в гадалке Руденко, — это насчет «Паруса», я так и знал. А ты говорила, надейся. Вот невезуха!

— Ладно, Семен Семеныч, — решила успокоить друга Милославская, — все равно относительно «Паруса» большое дело сделано. Да и с этой Алей нам вон как повезло...

Конечно, сказанное коллегой Руденко ее расстроило, но сейчас не время было предаваться отчаянью, потому что предстояло осуществить, пусть и не связанное с убийством Воробьева, но все же важное и серьезное дело. «Над этим я подумаю потом», — сказала себе гадалка, размышляя о дальнейших планах поисков убийцы Воробья.

Ехали молча. Гудков указывал дорогу, приведя в итоге оперов в лесопосадки, находящиеся в нескольких километрах за городской свалкой.

— Яна Борисовна, посиди-ка в машине, — сказал гадалке Руденко, останавливая «шестерку».

— Ни за что! — парировала Милославская.

— Это зрелище не для женских очей, — посмеиваясь, заметил один из помощников Семена Семеныча.

— Ну и что, — настойчиво ответила ему Яна.

Три Семерки больше не спорил, и не потому, что гадалку порой переубедить было почти невозможно, а потому что момент был слишком напряженный и неподходящий для склок и ругани. Подыскивать аргументы ему просто было некогда.

— Веди! — сказал он Гудкову.

Тот повел. Лесопосадки заросли густым бурьяном, пробираться сквозь который было довольно трудно. Одежда идущих вскоре покрылась репьями и мелкими колючками.

— О боже! — испуганно воскликнула гадалка, первой увидев впереди подозрительный предмет. — Что это такое?

Единомышленники приблизились к глубокой ложбине, внутри которой тоже росли деревья. Издалека это маленькое мелколесье было и не видно. Однако Яна, старательно оглядывающая все вокруг, все же увидела то, что искала. Но ни она, ни Семен Семеныч, ни его коллеги не могли догадаться сразу, что подозрительный предмет и есть труп Мухи. На него указал Гудков, и только тогда все поняли, насколько ужасное зрелище им открылось. Труп был подвешен к дереву и сожжен. К тому же над ним поработало время...

Милославская брезгливо отвернулась, мучимая резким приступом тошноты. Мужчины разразились нецензурной бранью непонятно в чей адрес и ближе подошли к трупу. Они стали бурно обсуждать увиденное, спрашивая о деталях этой ужасной расправы у Гудкова. Тот отвечал уже без сопротивления.

Гадалка стояла немного в стороне. Поток бурных мыслей охватил ее голову. Она даже не слушала, о чем говорили мужчины, а только думала, думала, думала. Когда наконец Яна была окончательно убеждена, что ее соображения не просто бредовая идея, она подошла ближе ко всем и сказала Руденко:

— Семен Семеныч, не кажется ли тебе почерк этого убийства знакомым?

— Подожди, — отмахнулся тот, увлеченный ходом другого разговора.

— Нет, это ты подожди! — резко заявила Милославская.

Три Семерки удивленно посмотрел на нее. Все замолчали.

— Труп подвешивают и поджигают... Тебе такая картина окончательной расправы незнакома?

Руденко молчал, хлопая глазами.

— Нет, это дело рук не киллеров, не наемных убийц, не итог разборок между богатыми людьми... — задумчиво пробормотала гадалка.

— Ты... ты на что намекаешь? — начиная соображать, прошептал Семен Семеныч.

— На то самое, — отрезала Яна. — Гудков, что вам известно об убийстве бизнесмена, владельца казино, Алексея Воробьева? — отчеканила она, глядя на арестанта.

— Ничего не известно, — процедил тот.

Руденко накинулся на Гудкова, принявшись допрашивать его по всей строгости. Но тот упрямо твердил:

— Про Муху я вам все сказал, а об этом знать ничего не знаю.

Даже никакие угрозы на него не действовали. Он смотрел остекленевшими глазами и твердил словно наизусть заученную фразу. Решено было ехать назад, в отдел, а сюда прислать соответствующую опергруппу со всем необходимым инструментарием для освидетельствования найденного трупа.

Гудков сидел в машине чернее тучи и только молча смотрел в окно. Опера тоже молчали, думая о том, как побыстрее отловить сообщников Гудкова в убийстве Мухи. Семен Семеныч мысленно проводил параллель между его убийством и убийством Воробьева. Разные совершенно люди... Могли ли они попасть в лапы одной шайке опустившихся бродяг?

Яне же не терпелось поскорее попасть в кабинет к Руденко и прибегнуть к последнему средству, которое еще давало ей надежду на раскрытие внезапно возникшей загадки. Она хотела взяться за карты и с их помощью «разговорить» замкнувшегося преступника.

Как только прибыли обратно, гадалка поторопила и Три Семерки, и Гудкова, требуя от обоих поскорее двигаться к кабинету. Семен Семеныч, размахивая руками, пытался доказать, что должен оповестить о случившемся начальство и дать все необходимые указания.

— Десятью минутами позже, — сказала ему Милославская, настояв все же на своем.

Тот что-то недовольно пробурчал в ответ, но все же подчинился: пустил гадалку к себе, сам плюхнулся на стул в дальнем углу кабинета. Когда Яна достала карты, он посмотрел на нее скептически, но ничего не сказал. Милославская выбрала карту «Чтение» и положила ее на стол перед собой, снова задав Гудкову вопрос:

— Что вам известно об убийстве Алексея Воробьева?

Тот упрямо промолчал в ответ, а Яна тем временем накрыла рукой карту и почти в одно мгновение слилась с ней. Настолько силен был ее

энергетический прилив. Она сверлила глазами допрашиваемого, мысленно твердя: «Думай об этом!». Сначала мысли арестанта читались неразборчиво, представляя собой серый клубок отрывочных фраз, но чем больше Яна напрягалась, тем яснее для нее становились соображения подозреваемого.

— Если б вы раскрыли убийство Мухи, — думал Гудков, — этого бы не случилось. — Ваши раззявы только вдохновили нас хлопнуть этого урода... Помню, когда он еще только свое казино строил, мы на него две недели батрачили, а он нас кинул, не заплатив ни гроша. Так ему и надо. Нам повезло: Воробей позже, но все же попался неожиданно для самого себя под нашу горячую руку.

Милославская концентрировала свою энергию, прикладывая все большие усилия, и мысли Гудкова открывались ей во все большей четкости.

— Правда, мы не знали сначала, что это Воробей. Кожух сказал, что в парке на лавке спит какой-то мент. Алька еще всех раззадорила, сказала, что надо его избить, пока он мертвецки пьян, потому что менты ее бывшего сожителя упекли за решетку. Удостоверения у спящего не оказалось, зато мы узнали в нем Воробья...

Карта вдруг прекратила свое сотрудничество с Милославской, но ей и без того было все ясно.

— Вот что, Гудков, — сурово проговорила она, собрав оставшиеся после гадания силы, — Алексей Воробьев, расстроенный подрывом своего «Джипа», употребил слишком много алкоголя, так много, что, присев на лавку, уснул.

Гудков изменился в лице.

— Вы в это время находились в этом сквере. К вам подошел бомж по прозвищу Кожух, сказал, что на лавке спит мужик. Он почему-то решил, что это мент, и предложил вам полазить у него по карманам. Но ваша подруга Алька вдруг вспомнила старое и решила, что может отомстить всем ментам, поиздевавшись над этим. Когда вы полуживого начали бить, то узнали в нем Алексея Воробьева. Но это только еще больше вас раззадорило. Итог этого избиения вам известен.

— Я не хотел! Не хотел! — закричал Гудков, начав биться головой о стену.

Руденко подбежал к нему и заломил руки за спину.

— Ну ты даешь, Яна Борисовна! — воскликнул он при этом.

На шум прибежали несколько человек, работающих в соседних кабинетах.

— Что у вас? — хором восклицали они, заглядывая в дверь.

— Мы раскрыли два убийства, — расплывшись в полусумасшедшей улыбке, прошептал Три Семерки, фуражка которого изрядно съехала набок.